ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ
ЗА РУБЕЖОМ

ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

ФРАНЦУЗСКИЕ МАРКСИСТЫ О ДИАЛЕКТИКЕ

Для научных библиотек

ФРАНЦУЗСКИЕ МАРКСИСТЫ О ДИАЛЕКТИКЕ

Общая редакция
кандидата философских наук М. Н. ГРЕЦКОГО

Послесловие
доктора философских наук И. А. ГОБОЗОВА
и кандидата философских наук М. Н. ГРЕЦКОГО

Перевод с французского

МОСКВА
«ПРОГРЕСС»
1982

Centre d'Etudes et de Recherches Marxistes

SUR LA DIALECTIQUE

ETIENNE BALIBAR
GUY BESSE
JEAN-PIERRE COTTEN
PIERRE JAEGLÉ
GEORGES LABICA
JACQUES TEXIER

ÉDITIONS SOCIALES
PARIS 1977

Переводчики: *Гавриш С. П., Гобозов И. А. и Садовский Н. А.*
Научные редакторы: *В. М. Леонтьев* и *Э. М. Пчелкина*

Редакция литературы по философии и педагогике
© Editions sociales, 1977
© Перевод на русский язык. с сокращениями.
Послесловие «Прогресс», 1982

Ф $\frac{10502-642}{006(01)-82}$ 14—82 0302020100

ПРЕДИСЛОВИЕ К ФРАНЦУЗСКОМУ ИЗДАНИЮ

Этот сборник включает тексты публичных лекций о диалектике, прочитанных в Центре марксистских исследований (CERM) в 1975 году (с 11 марта по 6 мая). Тема каждой из этих лекций была избрана и разработана самим автором. Каждая из них представляет собой оригинальный вклад в исследование проблем диалектики, изучением которых занимается CERM в течение многих лет и которое продолжается в различных формах.

Коллоквиум в Орсей на тему «Ленин и научная практика» (4—5 декабря 1971 года), который был совместной работой более сотни исследователей, ознаменовал важный этап наших исследований. После него CERM провел несколько семинаров, посвященных науке и философии.

Важность рассматриваемых проблем не требует доказательств. В основном они касаются статуса диалектики в марксизме.

Штудируя с пером в руке «Науку логики», «Лекции по истории философии» Гегеля и другие работы, В. И. Ленин характеризовал материалистическую диалектику как «философскую науку» [1]. Включенное в совокупность выписок, заметок, критических замечаний, образующих «Философские тетради», такое определение не оставляет никакого сомнения по поводу мысли В. И. Ленина. С его точки зрения, имеется поле, открытое для исследований по диалектике в общем развитии марксизма, понимаемого как цельное мировоззрение, как теоретический базис социализма, ставшего научным. Отсюда тот интерес, который В. И. Ленин проявляет к изучению категорий рационального мышления, движение которого, с его точки зрения, неотделимо от объективных

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 248.

процессов (природных и общественных). В этом плане В. И. Ленин следует за Ф. Энгельсом, который в своей работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» (1886) писал, что законы мышления и законы объективной действительности принадлежат одному и тому же миру, что первое условие всякого познания — это единство человека и мира. Кое-кому нравится противопоставлять Маркса Энгельсу. Однако и в этом вопросе Маркс не расходится со своим другом и соратником. И если автор «Капитала» считал и называл себя материалистом, то прежде всего потому, что диалектику общественных формаций он рассматривал как объективный процесс, независимый от иллюзий, которые сознание может иметь о реальном ходе истории и источник которых коренится в отношении к этой непонятой действительности. Можно вспомнить, что во «Введении (Из экономических рукописей 1857—1858 годов)» Маркс демистифицировал Гегеля, который в движении понятий видел сущность действительности. Маркс придает понятию материалистический статус. Понятие не есть душа всякой действительности, а оружие, выкованное людьми для того, чтобы духовно присваивать эту действительность, чтобы представить себе ее движение, ее внутреннюю диалектику.

Вслед за Марксом Ленин в «Философских тетрадях» пишет, что «диалектика есть изучение противоречия *в самой сущности предметов*»[1]. Далее, «не только явления преходящи, подвижны, текучи, отделены лишь условными гранями, но и *сущности* вещей также». Если это так, то только диалектическое мышление может отражать объективную диалектику. Вот почему в известном фрагменте «К вопросу о диалектике» Ленин замечает, что марксизм располагает «теорией познания», которая и есть «диалектика»[2]. Исходя из вышеприведенных доводов, диалектика *материалистична.*

Всякий объект есть процесс. Поэтому понятно, что К. Маркс не мог удовлетвориться недиалектической концепцией познания и неподвижной картиной философских категорий, какова бы ни была их законность на определенном этапе и уровне познания. Так, еще в 40-е годы он пришел к выводу, что сущность определенного процесса должна отражаться специфической диалектикой. В свою очередь Ленин, опираясь на свой революционный опыт, утверждал, что истина всегда конкретна. Как может быть замкнута в раз и навсегда установленные формы постоянно обновляющаяся действительность, которую нужно познать и освоить?

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 227.
[2] Там же, с. 321.

Тем не менее понятие всеобщего не лишено значения. В самом деле, как это подчеркивает В. И. Ленин в «Философских тетрадях», взаимное исключение всеобщего и частного является одной из черт недиалектической концепции мира и познания. Общее и особенное, всеобщее и частное взаимопроникают друг в друга. Утверждать, что специальное познание и изложение всеобщего тщетно, это означало бы игнорировать то, что Маркс переработал определение сущности. Сущность — это главное отношение, необходимый и образующий процесс, и именно в понимании ее развития раскрывается всеобщее. Так понятая сущность не есть пустая абстракция, номинальная изнанка полного единичного существования. Отказаться от постижения сущности означало бы лишить себя возможности понять само движение частного. Эмпиризм и номинализм снова встречаются друг с другом.

Но, разумеется, вопрос, о статусе материалистической диалектики неотделим от исследования статуса философии.

Сегодня некоторые полагают, что многостороннее развитие научных дисциплин ведет ipso facto к смерти всякой философии. Как тогда объяснить, что среди научных работников растет «спрос» на философию? Опыт CERM в течение последних лет заслуживает внимания: именно в своей практике — исследовательской и преподавательской — эти научные работники находят побудительные причины выходить в область философии[1].

Материализм означает первенство объективного бытия над познающим актом. Он также означает *единство* того и другого. Познающий акт не имеет привилегий учреждать другой мир.

Будучи неотделимо от мира и, следовательно, от труда с помощью орудий производства, от развития средств производства, от производительных сил, познание есть поиск, гипотеза, испытание. Оно есть бесконечное открытие законов мира, которые применяются в развитии техники.

Такое единство мира и человека игнорируется идеалистическим представлением о процессе познания. И, конечно, это единство недооценивается всякий раз в марксистских исследованиях, когда пытаются свести философское к гносеологическому, как бы ни была важна и необходима гносеология для марксистской философии.

Как могло бы марксистское исследование идти по такому пути, не рискуя похоронить материалистическую диалектику в *самой*

---

[1] См.: Lenine et la pratique scientifique. Colloque du CERM, 1971, в частности вступительное слово Л. Сэва и некоторые другие выступления.

гносеологии? Если гносеология есть изучение путей и средств познания, то как марксистское исследование могло бы определить диалектику познания, которая изолировалась бы от реального движения исследуемого объекта и вообразила бы, что она независима от законов социального и природного мира?

Если это так, то философская работа с категориями не может быть безразлична к любой концепции отношения мышления и бытия. Материализм в ней активно представлен. В. И. Ленин в своих «Философских тетрадях» рассматривает категории как узловые понятия процесса познания: и если познание нам дает власть над действительностью, то это потому, что наше понимание «всеобщей связи»[1] бесконечно развивается.

Диалектика перехода от незнания к знанию, путь, который мышление проходит от ощущения к понятию, затем от понятия к экспериментальной проверке, к разумно обоснованной практике, были бы невозможны, если бы история людей не была включена в диалектику общественных отношений и если бы эта история не была такого рода историей, которая развивается во взаимодействии с миром, где она зарождается, с миром-процессом, где всякое явление представляет собой противоречивое единство сил, которые противостоят друг другу.

Для Ленина, как и для Маркса с Энгельсом, мышление само по себе никогда не существует. Всякая философия, если даже ее понятия носят очень отвлеченный, неземной характер, включена в объективные отношения с природой и историей общественных формаций.

Если философский материализм не будет изучаться во всех своих аспектах, то история познания и само познание должны будут заплатить дань идеализму.

Ги Бесс

---

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 343.

Этьен Балибар

ЕЩЕ РАЗ О ПРОТИВОРЕЧИИ. ДИАЛЕКТИКА КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ И КЛАССОВАЯ БОРЬБА В ДИАЛЕКТИКЕ

В связи с тем, что именно у меня сегодня оказалось свободное время, я и открываю цикл лекций по диалектике. Я отнюдь не претендую на то, чтобы «основать» все, что будет сказано, на незыблемых аксиомах, результаты которых останется только развить. Напротив, как вы увидите, я сейчас скажу о невозможности и даже абсурдности таких аксиом с материалистической точки зрения. В нашем цикле лекций нет *порядка* в собственном смысле слова и, следовательно, нет ни «начала», ни «заключения». Или, скорее, порядок может прийти только благодаря вашим выступлениям.

Однако даже в этих условиях я считаю себя обязанным дать вам предварительные разъяснения, чтобы вы знали, как, на мой взгляд, вы могли бы воспринять все последующие выступления.

Если здесь мы можем говорить о материалистической диалектике, то это потому, заявим сразу, что она *существует*, так сказать, материально, в теории и практике современного рабочего движения, революционного движения пролетариата. Заметьте, что это отнюдь не само собой разумеется и недостаточно простого утверждения этого; в истории (философии) люди провели часы и века за разговорами о вещах, *которые не существуют*, начиная с «существования» бога и пола ангелов и кончая их более или менее претенциозно «научными» современными заменителями. Можно даже сказать, что суть огромной части философии со времени ее возникновения — вместе с правом и государством в ранних классовых обществах — заключалась в том, чтобы говорить о *вещах, которые*

не существуют, или, скорее, которые не существуют вне *существования*, которое философия им дарует, когда при преподавании и обсуждении говорит о них. Это не значит, что в этих вещах не было никакой необходимости и они не имели никакого отношения к реальным проблемам. Отнюдь нет. И можно сказать, что, хотя материалистическая диалектика *существует* (это создает для философов, желающих говорить о ней, особенно когда они «профессиональные» философы, совсем новую ситуацию), тем не менее имеются такие способы говорить о диалектике, которые могут ее почти ликвидировать, обходиться с ней так, как будто ее не существует.

Следовательно, недостаточно знать, что материалистическая диалектика существует, чтобы можно было о ней говорить и усвоить хотя бы частично это реальное существование. Нужно еще иметь первоначальную идею о том, *как* она существует.

Эта идея, разумеется (и вот почему я только что говорил, что мы сегодня больше не находимся в начале), может прийти только из опыта и даже из экспериментирования, которое мы все коллективно осуществляем как организованное движение (но редко унифицированное) революционных трудящихся, из «выгоды» и «невыгоды», верных или неверных результатов того или иного «определения», той или иной концепции. Скажем лучше: того или иного способа использовать определение и концепцию.

На мой взгляд, из этого исторического опыта вытекает (что придает материальному существованию диалектики на первый взгляд совершенно парадоксальный характер), что материалистическая диалектика не существует как изолируемый *объект* и, следовательно, представляемый как таковой даже приблизительно или абстрактно. Пока не изобрели и не так скоро изобретут *изолятор* для диалектики! О материалистической диалектике (подчеркиваю, материалистической) можно было бы сказать, что это *неизолированная* и *неизолируемая* диалектика теории и практики, разрыв, часто резкий, всяких изоляторов и изоляций. Материалистическая диалектика не может быть изолирована ни от теории различных наук о природе и истории (исторический материализм), ни от практики различных социальных практик, которые всякий раз придают ей различную специфическую форму. В особенности диалектика не может быть изолирована от своей собствен-

ной практики, *от своей собственной истории,* которая внутренне связана с историей марксизма и рабочего движения и в ходе которой она подверглась глубоким изменениям. Таким образом, материалистическая диалектика не может быть изолирована от *самой себя*, то есть от *своих собственных противоречий*, которые ее реализуют и благодаря которым она существует, от битв, местом и ставкой которых она является [1]. Эти два аспекта связаны: неизолированность материалистической диалектики и открыто признанная реальность ее исторических противоречий. Чтобы ее можно было изолировать, для этого необходимо всегда пытаться *ликвидировать* противоречия материалистической диалектики, следовательно марксизма, либо силой, либо путем «примирения», либо просто-напросто игнорируя их, как будто они всего лишь случайности [2].

Но вернемся снова к вопросу изложения этих лекций. Вы услышите, как излагаются очень различные концепции и определения материалистической диалектики. В самом деле, каждый при анализе того или иного частного «аспекта» материалистической диалектики будет излагать более или менее подробно какую-нибудь концепцию или «определение» и будет отстаивать их. Сюда относятся и те концепции, которые будут противоречить тому, что я сегодня предложу, ибо это первое изложение не составляет исключения из правила.

Как вы будете интерпретировать эти расхождения?

---

[1] Вот что нам позже позволит прояснить наше первоначальное утверждение: существование материалистической диалектики наряду со специфическим *несуществованием «объектов»* идеалистической философии, которые на своем собственном уровне носят *непротиворечивый* характер или, скорее, систематически игнорируют свои противоречия.

[2] Заметим здесь, что идея *изоляции* диалектики, которую некоторые наши товарищи превращают в «лозунг» защиты философии и своей философии, ведет на практике к идее о том, что философские (марксистские) вопросы являются *вопросами «специалистов»*. Вместо правильной идеи: чтобы серьезно заниматься философией, нужно ее изучать со всей строгостью, начиная с ее истории, в ее теоретическом элементе,— сползают к реакционной идее: философия есть дело специалистов, которые якобы одновременно стоят над другими (благодаря тому, что могут абстрактно мыслить) и под другими (ибо они, как таковые, должны воздерживаться затрагивать решающие вопросы политической практики). В связи с этим был прав Грамши, когда повторял: «Все люди философы».

Вы должны их интерпретировать не скептически и релятивистски, а *критически*. В этих расхождениях вы должны искать не проявление конфликтов субъективных мнений, а признаки самих противоречий материалистической диалектики: не материалистической диалектики в себе, не идеальной и пока не явившейся нам материалистической диалектики, но материалистической диалектики, которая представляет собой одно целое с реальной историей самого марксизма и со своими противоречиями. Поэтому вы должны искать признаки теоретических битв, а отсюда — политических битв, следовательно, классовых битв, которые являются составными частями материалистической диалектики и ее истории. Эта история, которая дает свои результаты в настоящем (ибо «прошлое» не значит «инертное»), разумеется, не очень назидательна (слава богу), но очень поучительна. Вы будете иметь дело со *многими подходами*, среди которых нужно выбрать. Очень может быть, что различные подходы у тех или иных докладчиков проявятся и внутри их позиций, внешне связанных, последовательных. Возможно также, что не *все* подходы будут здесь представлены по существу и открыто. Это делает более рискованной, более сложной, но вместе с тем более необходимой вашу критическую задачу, а также более желательным иметь путеводители и критерии, даже несовершенные и проблематичные. Ибо в такой ситуации, как, например, наша, не все подходы равноценны, не все они одинаково верны [1].

Есть ли у нас путеводители? Есть ли у нас критерии?

I

Я выдвину следующий тезис: невозможно ориентироваться в материалистической (марксистской) диалектике, не зная (следовательно, не ~~изучая~~) ~~особ~~енностей *всей* ее истории. Но невозможно ор~~иен~~тироват~~ься~~ся в этой истории, если не видеть, что материалистическая диалектика имеет *двоякое отношение* к классовой борьбе: с одной стороны, прежде всего (чтобы не сказать — только) она имеет в

[1] В этом отношении небезынтересно наше современное положение во Франции (шире — в капиталистической Европе), когда у самих коммунистов можно констатировать наличие, хотя часто в запутанном, эклектическом виде, различных концепций марксистской диалектики. Это побуждает каждого коммуниста к размышлениям, к критике.

качестве *объекта* борьбу классов (я хочу сказать, что она *имела* до сих пор и *имеет* сегодня прежде всего этот объект, ибо мы здесь не будем спорить о будущем); с другой стороны, она сама — продукт, лучше сказать особая *форма,* борьбы классов. Точнее, теоретическая революционная форма борьбы классов, которая в исторических условиях своего становления и развития может быть только пролетарской формой.

В заключение я вернусь к этой формулировке. Но думаю, что для понимания этого нужно сделать кажущееся отступление. Нужно пройти, хотя бы очень схематично (и, следовательно, догматично), через рассмотрение того, что нам представляется *основными отклонениями материалистической диалектики.* Ибо эти отклонения, постепенно признающиеся таковыми в истории марксизма, хотя и не без длительной борьбы (которая заставляет дать новые «определения» диалектики или *сместить акценты* от одного «определения» к другому), не являются «внешними» для материалистической диалектики, они также не являются «происшествиями», которые как будто не действуют на нее изнутри. Вообще материалистическая диалектика показывает, что в истории есть непредвиденные обстоятельства, но *нет происшествий* и что «отклонения» от практического хода или теории для нее существенны, ибо они показывают ее собственные внутренние противоречия и допускают, таким образом, развитие, уточнение. Это верно также и для истории самой материалистической диалектики.

Итак, каково *главное противоречие*, имеющее здесь место? Сейчас мы его изложим поподробнее. В различных формах, получивших в истории марксизма разные названия, проявляется противоречие *материализма и идеализма в самой материалистической диалектике.* Здесь нет никакого парадокса. Как раз история «отклонений» материалистической диалектики в конечном счете показывает нам, что материалистическая диалектика (в этом как раз заключается *действенность* ее материализма, ее, как говорил В. И. Ленин, единственно «последовательный» характер) есть в самой себе борьба материализма против идеализма, противоречие между ними. Но это противоречие не есть застывшее противоречие, которое как бы навсегда остановилось внутри своих границ. Оно есть скорее всего — осуществляемое ценою многочисленных превратно-

стей — господство одного полюса над другим, следовательно, *преобразование* в тенденции (и без заранее поставленной *цели*) идеализма материализмом, даже преобразование идеализма в материализм.

Разумеется, этот пункт имеет решающее значение, ибо (я здесь только перефразирую хорошо известные тексты Маркса и Энгельса) речь идет о том, чтобы понять, что нет *«двух» самостоятельных диалектик*, возникших в истории философии или истории идей независимо друг от друга и *потом* вступающих в контакт и конфликт. Но нет и *единой* простой первоначальной диалектики, «распадение» которой на две симметричные, противоположные — позитивную и негативную, правую и левую — будто бы нам дает, с одной стороны, идеалистическую диалектику (диалектику Гегеля, о которой я буду еще говорить) и, с другой стороны, материалистическую диалектику (диалектику Маркса и Ленина). Вместо этих в сущности метафизических гипотез[1] мы должны всерьез извлечь уроки из определенной реальной истории, в которой проявляется:

а) что «идеалистическая диалектика» (преимущественно диалектика Гегеля) в конечном счете *есть* только ступень, первая открытая фаза процесса *перехода* от идеализма к материализму, выступающая как *господствующая* философская тенденция (в том числе от идеализма, входящего в противоречивой форме в то, что Маркс называл «метафизическим, механическим материализмом»);

б) что материалистическая диалектика есть не что иное, как *идущее* революционное *преобразование* «идеалистической диалектики», обозначаемое в форме метафор более или менее достаточных, но всегда относительных (перевертывание, очистка от оболочки, перенос).

Таким образом, марксизм показывает нам, что деление *всегда уже имеется* и *все еще* дано сегодня в каждом из полюсов, в каждой из фигур, на которые исторически делится диалектика, что отнюдь не означает равноценность или абсолютную обратимость этих фигур, поскольку они взяты как раз (и порождены) в процессе перехода,

---

[1] «Две» независимые диалектики или «одна» первоначальная диалектика (которую находят или у греков, или у Гегеля или Маркса) представляют собой две идеалистические концепции диалектики, которые сводят ее историю к *истории идей*. См. статью: Macherey P. L'histoire de la philosophie considérée comme lutte de tendances.—«La Pensée», № 185, février 1976.

революционного исторического перехода. Итак, как преимущественно идеалистическая диалектика Гегеля внутренне *уже* была разделена, стало быть, противоречива, на что один за другим указывали Маркс (говоря о противоречии «формы», или «оболочки», и «зерна»), Энгельс (говоря о противоречии «метода» и «системы») и Ленин (который пошел дальше всех, утверждая в «Философских тетрадях», что у Гегеля *одни и те же положения* являются «самыми идеалистическими» и «самыми материалистическими»), следует признать и сказать, что и преимущественно материалистическая диалектика марксистов *также всегда* разделена и противоречива и что *каждое* из ее положений и формулировок было и остается подверженным этому разделению. Так что в *определенных условиях*, в определенных обстоятельствах (я настаиваю, все зависит от обстоятельств) она могла и может давать результаты, являющиеся противоречивыми, *одновременно* материалистическими и идеалистическими [1].

Вот почему в материалистической диалектике нет иной страховки, иной гарантии, кроме самого процесса борьбы, развития, критики и уточнения. Как говорил К. Маркс, все, что существует, достойно гибели. И как говорил В. И. Ленин, каждая сторона в определенных условиях может превратиться в свою противоположность. Поэтому философская борьба марксистов всегда носит двоякий характер: *за* имеющиеся формулировки диалектики в борьбе против идеалистических, метафизических и релятивистских положений, которые они отвергают, а также *против* этих формулировок или против некоторых из них, в част-

[1] Эта ситуация не ведет нас к какому-либо релятивизму, ибо противоречивые следствия того или иного философского тезиса Энгельса или Ленина не вытекают из того, что они якобы принимают различный «смысл» в зависимости от тех или иных интерпретаций. Эти следствия вытекают из того, что эти тезисы сразу же буквально включены в действие практического механизма, в сам ход борьбы, давая возможность пролетариату реально на нее воздействовать. Философские материалистические тезисы не являются «истинными», они, как это показывает Л. Альтюссер, являются «правильными» (Philosophie et philosophie spontanée des savants. Paris, Maspero, 1974). Это значит, что они, образно выражаясь, не носят в маленьком чемодане свой смысл, установленный навсегда и для всех. Этот смысл неотделим от применения этих тезисов, то есть определенной практики, в которой философские материалистические тезисы возникли и помещены. Этот смысл связан не с семантикой, а с историей.

ности против их превращения в догмы, в универсальные «законы», в систему. *Любое* положение материалистической диалектики в определенных условиях может функционировать в качестве догмы.

Итак, мы можем снова вернуться к вопросу об «отклонениях» материалистической диалектики как признаках ее противоречий, ее тенденции и ее реальности.

Каковы эти важные отклонения материалистической диалектики? Каким пробным камнем их «измерить» так, чтобы не было произвола?

Мне кажется, что такой пробный камень (который действовал и через посредство которого в самой теории выступал «критерий практики»), *внутренний* критерий диалектики, — это (и не случайно) отношение диалектики к *историческому материализму*, то есть к научному объяснению истории общественных формаций в различной связи их обстоятельств, что В. И. Ленин называл конкретным анализом конкретной ситуации. В первом приближении нам могут пригодиться для установления типичных «отклонений» материалистической диалектики статус и форма развития, которые они придают историческому материализму.

Прежде всего, схематично я скажу, что имеются два главных отклонения, каждое из которых заключает в самом себе некоторые ступени. Скажем для ясности: каждое отклонение содержит высшую форму очень важного исторического значения, в которой напряженность отношения между материализмом и идеализмом проявляется открыто и где под угрозой находится *господство* материализма (но не его активное присутствие). Это самая действенная, но также самая неустойчивая и самая неудобная форма; и именно для того, чтобы это устранить, *может* быть развита, исходя из этой формы, вторая, низшая форма, в которой материалистический аспект имеет тенденцию к исчезновению точно в той мере, в какой сама диалектика исчезает (философия, отмечал В. И. Ленин, сегодня может быть материалистической *только* в том случае, если она имеет диалектический характер). Примем пока, до более глубокого изучения, классическую терминологию. Первое отклонение есть *объективизм*, высшую форму которого представляет создание философии природы и эволюции (природы как эволюции), или всеобщей онтологии, в то время как соответствующая низшая форма скатывается

к позитивизму, формализму теории познания или «диалектической методологии». Как мы увидим, второе отклонение не является строго симметричным: его высшая форма — создание философии практики или материалистического *историцизма*, и только его низшая форма скатывается к *субъективизму*, к философии свободы и субъекта, к теоретическому гуманизму и т. д.

Разумеется, эти схематические подразделения указывают только на тенденции, в которых абсолютно *невозможно* просто *классифицировать* ту или иную важную теоретическую работу (что, впрочем, не представляет никакого интереса, кроме апологетики «хороших авторов» и контрапологетики «плохих», пригвождаемых к позорному столбу). Особенно, я снова на этом настаиваю, тем более, что здесь имеется реальная трудность, важно не путать выявление того или иного отклонения и его тенденции, которая отражает необходимое противоречие материалистической диалектики, с осуждением того или иного «заблуждения», абстрактно противопоставляемого истине. Примененная к диалектике противоположность («моралистическая», как говорит Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге») истины и заблуждения, внешних друг другу, определяет только процедуру устранения. Признание «отклонения» или, скорее, совокупности антагонистических отклонений определяет процесс разграничений и прилаживаний. Отклонения (по крайней мере высшие) являются двигателями развития материалистической диалектики. В них, как мы увидим, можно найти важные положения.

Итак, несколько слов о двух отклонениях.

Прежде всего об *объективизме*.

Можно сказать, что высшей формой объективизма является идея о «диалектике природы» в той форме, в какой она была дана самим Ф. Энгельсом и особенно после него и на основе его текста. Главный аспект этой тенденции с самого начала заключается в претензии конституировать материалистическую диалектику как *Науку*, общие «законы» которой либо *фундируют* материалистическое понимание истории, классовой борьбы, либо могут быть к нему *применены*, как и в других областях. Для этой объективистской тенденции существенны идея и перечисление «законов» диалектики, а также имплицитная или эксплицитная связь *всеобщих* законов и частных областей. Что тогда в этой перспективе обозначают категории *материи* или

природы? Они могут только обозначать объект такой общей науки, то есть *всеобщее как* объект, общие законы которого якобы нам дадут знание структуры (я также говорил — онтологии: бытие = материя = движение, или процесс, или эволюция).

Специфические частные области, и среди них исторический материализм, в таком случае нам представляются как реализующие каждая на свой манер, то есть иллюстрирующие, применяющие и развивающие в определенных границах (которые всегда являются границами классической философской топики: природа — история — мышление или природа — жизнь — история и т. д.) всеобщие «законы» перехода количества в качество, единства противоположностей или отрицания отрицания. Вот почему такое понимание диалектики имеет тенденцию *на самом деле* функционировать как идеологическая матрица философии (метафизики) природы. И как таковое оно неизбежно рано или поздно сталкивается в неприятной форме с теоретическими и практическими последствиями всякой попытки нормативного *обоснования* наук[1]: противоречие между, с одной стороны, якобы осуществляющимся применением своих законов к наукам, подгонкой или подведением физических или биологических законов (или исторических тенденций) *под* диалектические «законы» и, с другой стороны, непредвиденными и непредсказуемыми реальными движениями научной практики. Впрочем, это не мешает некоторым философам или ученым периодически — за неимением другой концепции материалистической диалектики — делать попытки прилаживания, новых применений, варьируя терминологию, чтобы поспевать за научной и идеологической конъюнктурой,— это по существу бескопечная задача.

Но исторически *вообще* не этот тип трудностей был решающим: решающим было, как я уже выше отмечал, противоречие между этим пониманием (этой ориентацией) материалистической диалектики и развитием историческо-

[1] Философия науки может быть нормативной, *даже* когда она принимает за свой лозунг строгую «верность» *последним* результатам наук, когда она ставит себе целью лишь их философский «синтез» и т. д. Я даже скажу: *особенно* тогда, ибо эти результаты всегда в себе содержат, во-первых, формы — категории — их идеологического «признания» «сообществом» ученых, необходимые для научной практики, во-вторых, относительные пределы их пышешней объективности.

го материализма. Или, точнее, развитием исторического материализма, *поскольку* оно настоятельно требовалось *изменением политических условий борьбы рабочего движения.* И время, когда впервые это противоречие возникло в истории марксизма явно, эксплицитно, может быть отмечено точно: это время «банкротства II Интернационала», развязывания первой мировой войны и создания ленинской теории империализма в 1914—1916 годах. Вы знаете, разумеется, что В. И. Ленин, решая исторические и политические проблемы, показывая возникновение новой исторической стадии капитализма, лишь специфические противоречия которой объясняют возможность пролетарской революции, детерминируя ее формы, коренным образом *исправляет* понятие тенденции. Известно, что оно было разработано, исходя из «Капитала», классическим марксизмом, который из «закона тенденции» сделал простой закон эволюции без какого-либо другого внутреннего противоречия, кроме противоречия его собственных движущих сил и препятствий, мешающих его реализации[1]. В. И. Ленин в «Философских тетрадях» выдвинул понимание диалектики как изучение противоречия в «самой сущности вещей».

Однако, чтобы устранить недоразумения, я бы хотел сделать одно, хотя бы очень короткое, замечание по поводу Ф. Энгельса и замысла «Диалектики природы» в том виде, в каком он попытался реализовать его в условиях своей эпохи. Этот замысел вовсе не так прост, как может показаться с первого взгляда. То, о чем я говорил, составляет лишь его один тенденциальный аспект, аспект объективистского отклонения в своей высшей форме[2]. Но как раз — и именно поэтому формулировки эти сыграли такую важ-

---

[1] Схематично можно сказать, что здесь речь идет о том, что на анализы и понятия «Капитала» были спроецированы некоторые объективистские формулировки Маркса, фигурирующие в «Немецкой идеологии» и в «Предисловии» «К критике политической экономии», которые тенденциально сводят «обусловленность в конечном счете экономикой» истории общественных формаций к простой обусловленности лишь «развитием производительных сил».

[2] Если от общих рассуждений перейти к кропотливому изучению мыслей Ф. Энгельса, сравнивая их с состоянием научных проблем и идеологической обстановки того времени, то следовало бы подойти по-разному к тем мыслям, которые касаются математики и физики и самым непосредственным образом подпадают под критику, и к мыслям, которые относятся к биологии: в них замысел

ную роль — здесь имеется другой аспект, который мы никогда не должны забывать (как не забывал о нем В. И. Ленин). Его можно резюмировать так: под формами известной тенденции к *объективизму* выступало и осуществлялось также трудное признание *объективности* марксистской теории, прежде всего марксистской теории истории. Я буду иметь возможность позже к этому вернуться, но здесь скажу лишь: это признание объективности марксистской (научной) теории осуществляется через формулировку двух важных, притом тесно связанных, философских тезисов, которые — и тот, и другой — В. И. Ленин сохраняет:

(а) Прежде всего тезис об *отражении* объективной диалектики в субъективной диалектике, «диалектики природы» в «диалектике познания» или мышления. Но здесь осторожно! Этот тезис не означает, будто имеются *две* различные диалектики; он не задает новую задачу изучения соотношения обеих диалектик, то есть создания в конечном итоге диалектики диалектик, задачу абсурдную и бесконечную. Наоборот, этот тезис означает, что имеется только *одна диалектика, объективная диалектика,* а развитие мысли, познания является ее *специфическим* аспектом, следовательно, определенным *результатом.* Категория отражения или, лучше, приблизительного отражения указывает как раз на *определенные* условия — материальные и исторические, — в которых развивается познание как объективный практический процесс[1]. Через это данный тезис связывается с другим, который *тоже* имеет место в замысле и формулировках Ф. Энгельса, и мы получаем объяснение решающей роли, которую сыграли формулировки Ф. Энгельса в переходе от диалектики идеализма к материализму.

(б) Тезис о материальном характере противоречий, тенденций процесса человеческой истории, истории общественных формаций. Здесь велика «революционная и критическая», говоря словами К. Маркса, функция формулировок Ф. Энгельса, которые прямо перекликаются с тези-

---

иллюстрировать примерами «законы диалектики» играет лишь второстепенную роль, и мы имеем дело с современным, самым основательным анализом дарвиновской теоретической революции, до которого многие биологи-натуралисты еще долго «не дорастут».

[1] См. книгу: Lecourt D. Une crise et son enjeu. Paris, Maspero, «Théorie», 1973.

сом из «Предисловия» к «Капиталу»: «Я смотрю на развитие экономической общественной формации как на естественноисторический процесс», ставя целью открыть «естественный закон» (естественные законы) ее движения, неизбежного изменения, которое *включает в себя* подготовку и развитие пролетарской революции. Значение этого высказывания мы поймем еще лучше, когда речь пойдет о *другом* важном отклонении — об историцистско-субъективистском отклонении. Здесь под вопросом оказывается материалистическое отвержение идеи, что диалектика, и в частности развитие такого противоречия, как противоречие классов, вытекает из такой специфики человечества (даже изложенной в понятиях производственных отношений, производства, труда), которая *противопоставила бы* его материальной природе и конституировала бы его внутри себя как контрприрода, антиприрода или, говоря словами Спинозы, «как империя в другой империи» [1]. Это становится еще яснее, как только речь заходит о *политической* практике: отказ от «диалектики природы» в этом смысле (как это делала вся идеалистическая традиция от молодого Лукача до Сартра), отказ от *естественности диалектики*, то есть материальности, объективности и необходимости диалектики, означает также отказ от материальной необходимости пролетарской революции, передачу ее всемогущей созидательной силе человеческой воли и дей-

[1] См. также основной текст «Капитала», т. 1, гл. V: «Процесс труда и процесс увеличения стоимости». По этому поводу я предложил свой комментарий в моей работе «Cinq études du materialisme historique», Maspero, 1974, p. 183—186. С философской точки зрения Маркс здесь выступает на стороне Спинозы. Он против другой традиции — традиции Декарта в известной VI части «Рассуждения о методе», где успехи науки и техники представлены как стремление сделать из Человека хозяина и господина природы; а также традиции Конта, у которого познание естественных законов («постоянные отношения между явлениями») должно позволить человечеству (единственный вид, который как таковой превосходит биологическое) превратить предвидение в прозорливость и, следовательно, заставить «внешние» явления служить себе, одновременно подчиняясь им. Отсюда уместность и оригинальность выводов, которые Маркс делает из двух современных великих научных революций —революции Либиха, создавшего рациональную агрономию на основе первоначального развития органической химии, и революции Дарвина, в теории эволюции видов которого сформулировано понятие естественного приспособления, порвавшее со всякой теологией и телеологией и позволяющее ясно отличить развитие живого органа от развития орудия, средства общественного производства.

ствия независимо от ее материальных *основ*, которые ее детерминируют, следовательно, передачу ее слова, как это было в утопическом социализме, во власть человеческой свободы и ее «проектов» или «программ», направленных на реализацию в обществе справедливости, равенства и братства. Именно *против* этого исторического идеализма, который господствует во всей философии истории (во всякой философии истории) и во всем домарксистском и немарксистском социализме, тезисы Энгельса о диалектике природы сыграли свою роль и сохраняют свое значение.

Как полагается, буду более краток при анализе *низшей* формы объективистского отклонения. Она возникла из самих трудностей, на которые мы только что указывали, и направлена на «разрешение» этих трудностей, но с помощью метода, *усиливавшего* элемент идеализма, ибо он никак не *преобразовал* первоначальную проблему, а довольствовался тем, что в ней смягчает, *релятивизирует* термины (даже «компенсирует» объективизм эклектическим впрыскиванием субъективизма: психологии, теории познания).

Имеются по крайней мере две возможные формулировки: одна трактует *диалектику как «логику»*, другая подает *диалектику как «метод»*. Я вас избавлю от долгих рассуждений о различии между этими двумя категориями, которые принадлежат различным философским традициям (две линии долгого процесса разложения аристотелизма) и которые вообще несовместимы, кроме как в философиях компромисса. Здесь важно то, что в попытке преодолеть трудность объективизма, который, как я уже говорил, придерживается метафизического отношения между *общим и частным*, отношения непосредственного *подведения* частного под общее, особенно частных законов истории под общие законы диалектики, были вынуждены прибегнуть к новым категориям идеалистической философии, например к категориям объективной общности и субъективной общности (вторая «отражает» первую в «мышлении»), или к категориям универсальности содержания и универсальности формы (например: такое историческое явление, как социалистическая революция, имеет универсальное «содержание» — к чему относят общие законы перехода к социализму, — но не универсальную «форму», ибо она связана с особыми историческими условиями; или наоборот: такая-то экономическая форма, например «деньги», уни-

версальна, но по содержанию — нет, ибо она представляет особый способ распределения продуктов общественного труда и т. д.), или — еще лучше — к категориям универсальности и специфичности явлений и универсальности и специфичности метода (в перспективе — любая комбинация). Вместо того чтобы определить диалектику как систему законов природы или материи, ее определяют как систему логических законов или методологических принципов наук, где исторический материализм (даже «политическая экономия») — одна из привилегированных или непривилегированных наук.

Итак, более или менее удачно восстанавливают замысел Иммануила Канта, суть которого заключается в том, чтобы дополнить или превзойти «формальную логику», исключительно аналитическую и индифферентную к *существованию* явлений, *другой логикой*, которая будет как раз наукой о существовании вообще, специфичности или специальности вообще, конкретности или конкретизации вообще и т. д. Или, может быть, замысел Огюста Конта: философия как *методологический синтез* частных наук, передающий специфичность через их взаимозависимость, через степень их растущей сложности и т. д.

Я говорил, что в истории материалистической диалектики есть второе важное отклонение со своими ступенями, со своими высшей и низшей формами. Его рассмотрение тоже важно.

В этом случае, может быть, будет лучше начать с *низшей* формы, с крайней формы, с формы, соответствующей, как отмечалось выше, моменту, когда отклонение становится полным *перевертыванием*, законченным превращением материалистической диалектики в свою противоположность — в педиалектический идеализм. Схематично можно сказать, что эта низшая форма есть философия *человека* или человечества, человеческой свободы, теоретический гуманизм. Разумеется, здесь нас это интересует лишь в той мере, в какой темы теоретического гуманизма (которые ничего специфически марксистского не имеют, а пришли из буржуазной философии права, морали и истории) были воспроизведены *по поводу исторического материализма.* Нас это тем самым обязывает очень серьезно спросить, что в самом историческом материализме или в отношении исторического материализма к практике рабочего движения в данных обстоятельствах создает некий

«вакуум», вызывает тягу, иногда непреодолимую, к *возврату* теоретической идеологии, не столько вытесненной, сколько обойденной? По этому поводу уже говорили о бернштейнианстве или о последствиях, внешне парадоксальных, «сталинизма» и XX съезда КПСС для коммунистических партий. Я вновь к этому не возвращаюсь. В данный момент нас интересует центральный тезис этого отклонения, который можно выразить так: диалектика — это по существу *процесс самореализации человечества*, одновременно реализация его *единства* (как раз решение и преодоление его разделения, в частности классового разделения) и реализация его *автономии* (как разрешение и преодоление разделения, которое противопоставляет человека природе, или, вернее, противопоставляет человека его собственным условиям существования). Сразу ясно, что в этой перспективе идея «диалектики» снова возвращает нас не столько к идее системы, законов и научности или объективности, сколько к некоторому числу философских *тем*, которые являются темами финализма, *телеологии*: отчуждение, отрицание отрицания, тотализация[1].

Однако крайняя форма субъективистского отклонения, как бы на ней ни настаивали в некоторых обстоятельствах, не свидетельствует ли меньше о *внутренних* проблемах материалистической диалектики и в этом смысле не имеет ли гораздо меньшее значение, чем высшая форма, на которой нам следует остановиться? Последняя форма более

[1] Вот одна из последних формулировок среди многих других. Я взял ее из лекции, прочитанной здесь же в прошлом году Л. Сэвом (см.: CERM, Philosophie et religion. Paris. Ed. sociales, 1974, p. 237): «Следовательно, то, что появляется в конечном счете как самая глубокая и самая общая диалектика исторического развития человечества,— это огромное движение отрицания отрицания, где естественное единство, находящееся пока в зародышевом состоянии, *должно* быть временно разъединено, *чтобы* каждый из его элементов мог познать универсальное развитие, которое в свою очередь создает необходимые условия *возврата* к единству на *высшем* уровне». Как видно, я ничего не выдумал.

По правде говоря, несмотря на настойчивые ссылки на Гегеля, такой *теоретический* гуманизм скорее снова возвращает к Канту, который писал: «Средство, которым природа пользуется для того, чтобы осуществить развитие всех задатков людей,— это *антагонизм* их в обществе, поскольку он в конце концов становится причиной их законосообразного порядка. Под антагонизмом я разумею здесь *недоброжелательную общительность* людей, то есть их склонность вступать в общение, связанную, однако, с всеобщим сопротивлением, которое постоянно угрожает обществу разъеди-

важна, но вместе с тем и более неустойчива, ибо она не находит «покоя» в темах буржуазного гуманизма, *так как она живет именно борьбой, которую ведет, чтобы освободиться от него* или не впасть в него, несмотря на наличие тенденции, которая влечет ее в этом направлении. Мне кажется, что эта позиция в истории марксизма представлена тенденциально через *отождествление материалистической диалектики с теорией (или философией) практики.*

Основное здесь это попытка превратить диалектику в специфическое движение человеческой истории (экономическое, культурное, социальное, политическое), но *без* ее подчинения идеалистическим категориям сознания, свободы, гуманности и т. д. и, следовательно, без проекции на диалектику натуралистической концепции развития или ее прямой противоположности — гуманистической и субъективистской телеологии. Вот чему может служить категория *практики*, поскольку она объединяет, согласно традиции «Тезисов о Фейербахе» К. Маркса, «материалистическую сторону» (в противоположность чистой теории, спекуляции, формализму понятия или сознания) и «активную сторону», преобразующую и отрицающую установленные и институционализированные (следовательно, это «революционная сторона») формы. Поэтому самой важной формой философии практики является не та форма, которая мыслит практику как практику *субъекта* (как его «инициативу» или его «созидательный» акт) независимо от того, является этот субъект коллективным, общественным, как класс или исторический «авангард», или это еще и субъект, имманентный истории, как само человечество. Самой важной формой является именно та форма, которая мыслит *саму практику как анонимный внутренне разделенный «субъект» исторического процесса* через действие соотношения сил, форм организации буржуазии и пролетариата, создание господствующей идеологии (бур-

---

нением... Поэтому да будет благословенна природа за неуживчивость, за завистливо соперничающее тщеславие, за ненасытную жажду обладать и господствовать! Без них все превосходные природные задатки человечества оставались бы навсегда неразвитыми. Человек хочет согласия, но природа лучше знает, что для его рода хорошо; и она хочет раздора» (Кант И. Соч. в шести томах, т. 6. М., 1966, с. 11, 12). В конце концов то, что характеризует «марксистский» теоретический гуманизм, так это тот факт, что он гораздо более гегельянский, чем марксистский, но гораздо менее гегельянский, чем сам Гегель.

якуазной) и противоположной ей пролетарской массовой идеологии.

В этой перспективе в противоположность тому, что мы только что констатировали, нет *различия*, а есть прямое совпадение между *материалистической диалектикой* вообще и *историческим материализмом*. Уточним: суть не в простой форме совпадения диалектики с человеческой историей, когда вопрос о материализме остался бы в стороне как вопрос нейтральный, но в более сильной форме: диалектика — это само движение истории, потому что история имеет практический характер и, следовательно, в новом смысле, игнорируемом классической метафизикой, — материальный характер. С целью преодоления всякого «догматического» регресса в таком случае марксизм мыслится как *критическая* философия (и теория).

Именно критическое единство диалектики и исторического материализма позволило А. Грамши выдвинуть на первый взгляд удивительный, во всяком случае единственный в истории марксизма, тезис о том, что формулировки Маркса в «Предисловии» «К критике политической экономии» о соответствии между базисом и надстройкой общественной формации[1] являются настоящими принципами «теории познания», или материалистической «гносеологии». Но в таком случае отсюда следует, что невозможно или по крайней мере проблематично думать о специфичности научного познания и истории наук на практической ниве исторических «идеологий», органически связанных с воспроизводством определенных общественных отношений. Научное познание либо остается технической базой, «естественным» процессом по ту сторону социальной практики, либо становится «моментом» культурной и идеологической целостности («этической» в гегелевском смысле слова). В таком случае нельзя по-настоящему ни изучить историческое отношение, внутренне присущее теоретической

[1] «С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественнонаучной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче — от идеологических форм, в которых люди осознают этот конфликт и борются за его разрешение» (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 7).

практике, объективного знания к *своим собственным* условиям идеологических возможностей, ни обеспечить примат практики над теорией (*в* теории), иначе как смешивая их, что снимает саму проблему их прилаживания. Под предлогом борьбы против произвольного *деления* марксизма на абстрактную теорию и ее конкретное «применение» к истории, таким образом, тенденциально доходят до уничтожения внутреннего *противоречия,* непрерывным результатом которого является не только исторический материализм, но и всякая научная теория.

Но особенно — и этот пункт, на мой взгляд, самый важный — эта концепция в самом историческом материализме имеет тенденцию отождествлять диалектический процесс и развитие моментов *политики* согласно обобщенному уравнению: диалектика = история = политическая практика. Не индивидуальная политика, а политика масс вместе со своими ступенями стихийного и организованного, случайного, произвольного и органического становится конкретной фигурой исторической практики вообще. Как теория, включая и научную теорию, есть в своей сущности форма «политики», или политическая форма, так и труд, материальное производство и отношения классовой борьбы, которые в нем развиваются, тенденциально, «в себе», то есть в неполной и неосознанной форме, оказываются политическими отношениями. Но поскольку они являются таковыми не полностью и лишь в потенции, поскольку их практическая сущность ждет повторения на «высшем» уровне, то есть на уровне отношений политических сил, постольку приходят к такому парадоксальному результату, что критика эволюционизма, механицизма и экономизма (которая *открывает* возможность диалектического анализа надстроек и самого «базиса», в частности исторической роли государства в возникновении классовых антагонизмов) осуществляется *везде*, *кроме именно экономики*, и, как говорил А. Грамши, в экономическом базисе «соотношение сил есть то, что есть», вещи суть то, что они суть, — «упрямая действительность, которую никто не может изменить», по которая может быть только измерена системой точных, или физических, наук [1].

---

[1] См.: Gramsci A. Analisi delle situazioni. Rapporto di forze.—In: Note sul Machiavelli, sulla politica e sullo Stato moderno.

Антонио Грамши, у которого я умышленно заимствовал эти формулировки и который, естественно, вспоминается в настоящее

Мы говорили, что исторически объективизм тоже представляет необходимую форму для признания объективности исторического материализма; мы можем сказать также, что историцизм смог создать необходимую форму для признания *примата практики* (и «классовой точки зрения») в самой марксистской теории. Таким образом, если мы резюмируем эти схематичные замечания, увидим, что

время, когда говорят об историцизме и философии практики, *был* ли он историцистом в этом смысле, образцом этого «отклонения»? Я скажу, что *нет*, если только механически не классифицировать тот момент истории марксизма, который он представляет как *единственную* тенденцию, как простое и завершенное «произведение», и не пытаться во что бы то ни стало сделать из него идеального автора непризнанной системы. Но историцизм Антонио Грамши не был просто результатом «ошибочных» интерпретаций, которые якобы к нему были добавлены: он представлен *в* проблематике, разрабатываемой Антонио Грамши. Как отмечали все внимательные читатели Антонио Грамши, его *абсолютный* историцизм как таковой не сводим к классическим формам релятивизма и теоретического гуманизма буржуазной философии истории. Он им постоянно противопоставляет материалистическую критику. Если следует «отказаться от определения марксизма как историцизма», то не потому, мне кажется, что как пишет Л. Грунни в недавнем разъяснении ("Critica marxista", 1974, nov.—dec., p. 132), «некоторое тождество, которое проявляется, когда Антонио Грамши говорит об абсолютном историцизме, между философией и историей, следовательно, между действительностью и сознанием, чревато опасностями идеализма». Такому идеализму у Антонио Грамши как раз есть чем ответить, потому что у него философия *тоже* имеет *практический* характер. Под сомнение ставятся не столько философия и история, уравнение которых у А. Грамши, очевидно, необратимо: философия есть «история», но история не есть ни «философия», ни реализация философии. Еще меньше она есть «реальность» и «сознание», «объект» и «субъект» — эти философские призраки. Но это, с одной стороны, статус объективности познания *как* позиции (теоретической) класса и, с другой стороны, проявление политики в борьбе классов. Грамши анализирует противоречие вообще как «соотношение сил», категорию, совершенно чуждую Гегелю, но, напротив, пришедшую от Макиавелли; однако он всегда выводит свой принцип единства и развития «воли». В этой связи мне кажется, что ему не удалось выработать ясного *материалистического* понятия *идеологии*, как *одной* определенной социальной формы, а не единственной универсальной формы всякой практики. Однако все меняется, как только Антонио Грамши начинает конкретно изучать политические и идеологические условия воспроизводства капиталистических производственных отношений: тогда ему для анализа действенности этих условий часто приходится также показывать, что не *все является «политическим»*, а не сводить анализ «материальной основы» к эмпиризму «факта» (ср.: «Американизм и фордизм» и т. д.).

на финише критики высших форм отклонений материалистической диалектики *пройденный путь — не напрасен.* Напротив, их критика и их исправление могут иметь место лишь в том случае, если опираться на то революционное, что *они сами* содержат, на элемент внутренней правильности, который они развивают и который можно резюмировать так:

1. Есть только *объективная* диалектика. Диалектика — это противоречивое движение *самих вещей,* а не движение вещей, «как они отражаются в мышлении», или тем более движение одного мышления.

2. Есть только диалектика с точки зрения практики или, скорее, с *практической точки зрения,* с той точки зрения, которая подчиняет теорию практическим требованиям (ибо практика — не «одна»; она не имеет единственной общей сущности, если не говорить о совсем формальном уровне абстракции).

Это сопоставление нам также показывает, что в обоих случаях невралгическим элементом, вокруг которого складывается материалистическая диалектика, выступают категория *противоречия* (которое в одном случае мыслится как всеобщая форма отрицания, а в другом как особая форма «соотношения сил» и его равновесия и неравновесия) и способ, с помощью которого она включена в конкретные анализы исторического материализма. Таким образом, диалектика всегда на той стороне, что и материализм.

Часто можно слышать (разумеется, благодаря чрезмерному распространению на всю историю марксизма первоначальной ситуации, в которой «диалектика» якобы представлена, с одной стороны, в гегелевской форме, а материализм, с другой — в виде механистического материализма XVIII века), что объективизм и историцизм развивают, «односторонне» каждый, *одну из сторон* материалистической диалектики: с одной стороны, материалистический элемент; с другой — диалектический. В таком случае отсюда следует: чтобы идти вперед по правильному пути, «было бы достаточно» механической операции сложения (а также вычитания «ложных» тезисов) обеих сторон. Материалистическая диалектика мыслила бы *объективность как материализм, а историчность как диалектику.* Но такой общий подход ошибочен: как нельзя *сводить* материализм к «объективности» (хотя он включает ее в себя), так нель-

зя сводить и диалектику к «историчности» (хотя она включает последнюю в себя). Обречены бесконечно колебаться между механицизмом и волюнтаризмом (как это делали в течение своей жизни многие марксисты) те, кто не видит, что в *каждой* изложенной нами тенденции всегда один *из аспектов* является *одновременно* «материалистическим» и «диалектическим»: здесь тезис объективности, там тезис примата практики. Вот почему невозможно исправлять эти отклонения, развивать материалистическую диалектику с помощью простых операций прибавления или вычитания: необходимо разрабатывать сами определения фундаментальных категорий, и прежде всего определение противоречия [1].

В конце концов своеобразная картина «отклонений» материалистической диалектики способна сбить с толку здравый академический смысл философов. Чтобы следовать классической традиции (политической), я прежде всего разделил «отклонения» на две серии: одна серия идет от объективизма и эволюционизма к формализму, логицизму, другая — от историцизма к субъективизму и теоретическому гуманизму. Но, как мы увидим, непрерывность каждой серии таит в себе также разрыв, «скачок». В самом деле, именно с точки зрения каждой тенденции другая тенденция кажется унифицированной. *Именно только с точки зрения историцизма* объективизм Ф. Энгельса представляется как нечто по существу однородное с формализмом, позитивизмом, выражающимся в том, что диалектика определяется как «метод» или как «логика». Именно только *с точки зрения объективизма* историцизм в духе Грамши может представляться как нечто по существу однородное с субъективизмом и теоретическим гуманизмом. Но за этим конфликтом, внешне простым (и совершенно традиционным), мы открываем более реальное и более сложное соотношение сил, проясняющее первона-

[1] Можно также выразиться следующим образом: в случае объективизма «материя» отождествляется с *природой* (и с ее эволюцией), в случае историцизма «материя» отождествляется с *практикой* (и с историей). Оба отождествления неправильны; однако в условиях определенной философской борьбы они оба верны. Как это возможно? Дело в том, что в обоих случаях философский механизм, где они мыслились, включал в себя применение такой категории противоречия, которая оказывается не сводима к тезисам философского идеализма, «повторяемым» при этих отождествлениях в самом марксизме.

чальную форму, через которую здесь развивается противоречие идеализма и материализма. Мы открываем, что противоположность объективизма и историцизма (которые мы условно связываем с именами Ф. Энгельса и А. Грамши) *внутренне* свойственна материалистической диалектике: она существует *без* возможного *компромисса.* Насколько я знаю, нет примера последовательной философской позиции, которая *одновременно* была бы «объективистской» и «историцистской». Зато формализм и субъективизм (то, что я назвал «низшими» формами каждого отклонения) не только хорошо дополняют друг друга, но взаимно притягиваются, и постоянную иллюстрацию этого мы имеем перед глазами. Однако тогда мы фактически находимся не *в* самой материалистической диалектике, а тенденциально *за пределами* ее реальной истории.

Поэтому наше использование идеи отклонений должно быть исправлено. Оно должно мыслиться в зависимости от поправок, прилаживаний, которые предписывает последовательность исторических обстоятельств, но вместе с тем оно должно быть отделено от всякой идеи предустановленной линии, предшествующей нормы[1]. Объективизм и историцизм суть необходимые формы исторического противоречия, внутренне присущего истории диалектики. Формализм и субъективизм суть только побочные продукты в истории борьбы буржуазной идеологии против последовательной материалистической позиции. Но, как мы видели, эта борьба в конечном счете не навязана случайно материалистической диалектике: она есть само условие ее существования, которое материалистическая диалектика должна принимать в расчет при анализе своих собственных противоречий и избегать иллюзии того, что она могла бы развиваться под колпаком только на базе раз и навсегда данных своих «принципов». Существование отклонений марксизма указывает на эту борьбу в тенденции, оно предполагает переход (туда и обратно) от идеализма к материализму, от материализма к идеализму, от буржуазной позиции к пролетарской. Оно функционирует как матрица проблем и как предостережение.

---

[1] В одной из предыдущих работ о «материализме и идеализме в истории марксистской теории» (Cinq études du matérialisme historique) я предложил некоторые соображения по этому вопросу.

После этого столь длинного отступления, может быть, легче будет понять то, что я высказал в начале, когда говорил, что материалистическая диалектика имеет в качестве своего объекта (до настоящего времени) борьбу классов и сама является одной из форм классовой борьбы.

Это показывают сами результаты, составляющие ее историю: с одной стороны, никогда не было (и мы можем сказать это, поскольку эти условия все еще актуальны) и нет канонического, окончательного изложения, иначе говоря, установленной дефиниции материалистической диалектики. Но внутри ее происходит сложная и противоречивая теоретическая борьба *за* материалистическую диалектику, за прилаживание тезисов материалистической диалектики [1]. Теоретическая борьба тесно связана (и тогда, когда она ведется вокруг *научной* практики) с другими практическими битвами, теоретическая борьба в конечном счете составляет момент или аспект политической борьбы классов. Именно в политической борьбе и через нее пролетариат проявляет себя *как класс* на идеологической и теоретической почве. Без этой борьбы пролетариат *не имеет* идеологического и теоретического *существования* самостоятельного класса, он остается *с этой точки зрения* буржуазной или мелкобуржуазной фракцией.

[1] Конкретно это означает, что *все* философские, материалистические и диалектические тезисы, изложенные марксизмом в течение своей истории, в различной степени «актуальны», ибо они имеют в виду определенные формы идеализма, а никакая форма идеализма никогда окончательно не «устаревает», как это показывает в наше время *возврат* к априоризму, эмпиризму или даже спиритуализму, платонизму и т. д. Это также означает, что абсолютно невозможно представить материалистическую диалектику как *комбинацию* всех этих тезисов в одном плане, чтобы сделать из них этапы универсального, *единственного* рассуждения: тогда вместо того, чтобы дополнять друг друга, они разрушают друг друга и порождают лишь схоластику.

Но я также уточняю: если тезисы диалектического материализма, которым мы обладаем, не образуют *систему*, то они также не образуют и *антисистему* (в традициях Штирнера, Кьеркегора или Ницше), то есть воображаемый переворот идеи системы. Они суть, что совсем другое дело, результаты исторических противоречий пролетарской идеологической борьбы против философской идеологии господствующих классов. Следовательно, не следует путать выдвинутое здесь положение (тезисы диалектического материализма, которые, мы знаем, не образуют *систему*) с ответом (положительным или отрицательным) на спекулятивный вопрос, вопрос «де-юре»: является *системой* или нет диалектический материализм (марксизм, марксистская философия)?

С другой стороны, материалистическая диалектика никогда не имела (и мы можем сказать, поскольку эти условия все еще актуальны) и не имеет другого *объекта* (анализа), кроме классовой борьбы, которая идет между буржуазией и пролетариатом (и по отношению к ней другие исторические классовые битвы). Она имеет в качестве реального объекта (который она осваивает действительно, а не только мнимо, выполняя простое философское желание) отношение конкретных обстоятельств этой борьбы классов к общей тенденции, что можно схематично обозначить как сочетание тенденции к воспроизводству капиталистической эксплуатации и тенденции к диктатуре пролетариата в каждой исторической ситуации [1].

Прошу учесть: после изложенного мною здесь речь идет не о том, чтобы раз и навсегда определить, то есть установить, границы материалистической диалектики как теории борьбы классов, то есть, с одной стороны, как простой *теории* и, с другой стороны, как теории особого объекта наряду с другими. Напротив, речь идет о том, чтобы избежать дилеммы, с которой мы столкнулись и которая проявляется то через превращение диалектики в *априорный* фундамент для исторического материализма, то через отождествление — также априорно — диалектики с историчностью исторического материализма.

---

[1] В течение всего этого изложения я отмечал, что здесь речь идет о той материалистической диалектике, которую мы к настоящему времени имеем, и я воздерживаюсь судить заранее о ее будущем развитии. Тем не менее, может быть, рискну выдвинуть следующую, весьма общую гипотезу: введение категорий материалистической диалектики в эксплицитной и действенной форме, отличной от внешнего, спекулятивного «комментария», в теорию «наук о природе» не обязательно абсурдно. Но оно зависит от двоякого условия, которое пока не осуществлено и о формах реализации которого мы не можем заранее судить: анализ отношения между естественными науками (математика, физика, биология) и историческим материализмом (от которого «по праву» зависит история наук как социальный процесс), с одной стороны, и, с другой стороны, революционное преобразование научной *практики* естественных наук, касающееся не только научных «поисков», но и технического «применения», и педагогической передачи знаний, откуда могла бы следовать новая философская концепция их «объекта». Тогда на вопрос о том, *что такое борьба классов в познании природы,* можно было бы начать давать ответ, не сводящийся к простым лозунгам, связанным с известными теоретическими и политическими неприятностями.

Следовательно, задача в том, чтобы понять, что материалистическая диалектика в том виде, в каком она до сих пор реально практиковалась, не имеет другого *объекта познания,* кроме объекта познания исторического материализма — борьбы классов, — и в то же время *не сводится к познанию этого объекта,* не имеет к нему чисто теоретического отношения.

Чтобы конкретнее подкрепить эти соображения, я хотел бы посвятить несколько замечаний рассмотрению основной категории диалектики, которую я уже неоднократно использовал: категории противоречия. Или, точнее, отношению между категориями *противоречия и антагонизма.* Разумеется, речь пойдет лишь о предварительных замечаниях, находящихся на стадии исследования и не имеющих еще законченного вида. Однако и в этом виде они могут нам помочь опробовать наш подход к материалистической диалектике.

Скажем сразу, классические положения марксизма по поводу противоречия и антагонизма, начиная с Маркса и кончая «Философскими тетрадями» Ленина, непосредственно ставят одну как будто формальную проблему, которую можно выразить следующим образом.

С одной стороны, эти положения *различают* противоречие и антагонизм. Но сначала это различение у Маркса имело лишь практическое значение, и оно, по-видимому, было лишь терминологической вариацией. Но оно вовсе не было произвольным или второстепенным по своему характеру, ибо позволяло проводить разницу между *противоречием* (производственных отношений и производительных сил) и *антагонизмом* классов (буржуазии и пролетариата). Однако это различие у Ленина превращается в ясно выраженное положение, важность которого мы сейчас увидим: противоречие и антагонизм не одно и то же, не всякое противоречие есть антагонизм [1].

Но с другой стороны, эти положения включают антагонизм в саму дефиницию противоречия, определяя его как «борьбу противоположностей», что ни в коей мере не означает простую метафору, а говорит о фундаментальной черте материалистической концепции противоречия, его *непримиримом* характере. «Разрешение» противоречия не только не есть примирение, а, напротив, исключает прими-

---

[1] См. особенно: Ленинский сборник XI, с. 357.

рение (в то время как идеалистическое понимание противоречия это не борьба, а деление или раскол предшествующего единства на две симметричные фигуры, оно обещает и гарантирует примирение, «высший» синтез). «Борьба противоположностей», говорит Ленин, абсолютна, она есть *абсолют противоречия;* единство противоположностей условно, временно, преходяще, релятивно (см. «К вопросу о диалектике» в «Философских тетрадях») [1].

Такова первая проблема. С одной стороны, материалистическая диалектика запрещает *сводить* противоречие к антагонизму, смешивать их, и мы увидим, что это положение существенно для ее материализма. С другой стороны, она фактически отказывается от того, чтобы мыслить противоречие *независимо* от антагонизма. Таким образом, материалистическая диалектика полностью «спутывает» классическую метафизическую схему отношения между общим и отдельным, которая сколько угодно может признавать, что общее *существует только* в отдельном и что за его пределами имеется только абстракция, но вместе с тем утверждает, что общее как таковое должно быть *мыслимо* (и полагаемо) *независимо* от отдельного. С точки зрения метафизики, если противоречие и антагонизм не одно и то же, то имеются только две возможности: или подразделяют противоречия на две категории, говоря, что некоторые противоречия суть по существу, по природе антагонизмы, а другие нет [2], или же различают содержание и форму, сущность и случайность, вещь в себе и явление, говоря, что *одно и то же* противоречие при случае *проявляется* то как антагонизм, то нет [3].

Как может материалистическая диалектика строго придерживаться другого подхода?

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 317.

[2] См., например, Канта, в учении которого итальянский философ-марксист Коллети только что громогласно обнаружил различие между «логическим противоречием» и «реальным противоречием», чтобы сделать вывод — «логично», следовательно, неудивительно — о невозможности материалистической диалектики (Intervista politico-filosofica, Laterza, Bari, 1975).

[3] Кто не видит политического значения проблемы? Если противоречие классов, «по существу» антагонистическое, может «проявляться» неантагонистически, тогда можно мечтать о возможности избежать диктатуры пролетариата и ее трудных проблем!

Скажем сразу, что на этот вопрос нет *формального* ответа. Как бы по-разному ни поворачивали и ни опрокидывали принципы метафизики, претендуя на обоснование *другой логики,* которая не была бы логикой тождества, непротиворечия и исключенного третьего, а была бы логикой различия, противоречия и снятия, тем не менее от предыдущей логики не освободиться. Ибо такая «логика» ничем не отличалась бы как способ рассуждений (и система правил) от предыдущей [1]. Огромное историческое значение философии Гегеля заключается как раз в том, что она показала, что логические принципы *в качестве метафизических принципов* тождественны их отрицанию, их перевертыванию, и, таким образом, подвергла уничтожающей критике метафизику, потому что лишь эта критика — исторически — открывает путь материализму.

Если этот первоначальный клубок противоречий не побуждает нас сразу же бросить все это дело, а толкает на дальнейшее исследование фактов и текстов, то можно так сформулировать первый элемент ответа: фактически, и в этом легко можно убедиться при чтении классиков, марксизм никогда серьезно *не изучал* противоречие (в том смысле, в каком *изучение* противоречий, которого требовал Ленин, отличается от эмпирической и спекулятивной *иллюстрации* противоречия с помощью абстрактных или конкретных примеров, взятых там и тут), *помимо* сферы классовой борьбы и истории общественных формаций, то есть сферы, в которой на всем протяжении известного исторического периода господствует основной *антагонизм.* Другими словами, марксизм всегда изучал *противоречие только в специфической форме антагонизма классов* и его

[1] Известно, что современное развитие логики (как математической научной дисциплины) демонстрирует два положения: а) *систематичность* «логических законов», и, стало быть, последовательность правил умозаключения, которую они могут обеспечить, лежит не на уровне перечисления индивидуальных высказываний, а на уровне свойств их «синтаксиса», то есть общих правил написания в целых *классах* различных «логик»; б) *интерпретация* и, следовательно, применение системы «логических законов» к тому или иному объекту — от описания электрической цепи до коррекции математических выражений — есть «семантический» вопрос. Поэтому фабриканты «диалектических логик» очень падки до семантики, спонтанная философская идеология которой есть не что иное, как позитивистская форма классической метафизики (ср. недавнюю книгу: P ê c h e u x M. Les vérités de La Palice. Paris, Maspero, coll. «Theorie», 1975).

результатов в совокупности общественной практики. И как раз *по поводу* этого изучения и этих результатов ему представляется важным различать и сочленять антагонизм и противоречие. Не затем, стало быть, чтобы установить место антагонизма внутри «общей» теории противоречия, а чтобы развить сам анализ антагонизма.

Таким образом, здесь как раз уместно вспомнить, что теоретики марксизма практически посвятили по крайней мере столько же времени и усилий, чтобы понять, что такое противоречие и чем оно не является: разумеется, открыть и проанализировать *реальные противоречия,* но вместе с тем и изгнать и отправить в небытие или, скорее, к словесным иллюзиям идеалистической философии *псевдопротиворечия,* которые имеют то общее, что их мыслят лишь вообще, абстрактно. Самый яркий пример — настойчивое стремление К. Маркса от «Нищеты философии» до «Замечаний на книгу А. Вагнера» (1880) отвергнуть и высмеять идею противоречия стоимости, то есть противоречия в *идее* «стоимости» между двумя ее «сторонами», между «потребительной стоимостью» («конкретное») и «меновой стоимостью» («абстрактное»). Этот пример имеет большое значение: он нам показывает, что с точки зрения материалистической диалектики нет противоречия *между общим,* даже и особенно когда это общее непосредственно воплощено в эмпирических объектах, то, что, собственно говоря, представляет собой спекуляцию. Следовательно, можно с уверенностью сказать, что нет ничего общего или, вернее, есть полная противоположность тенденций между диалектико-материалистическим анализом классовой борьбы как реального противоречия и рассуждениями о таких псевдопротиворечиях, как противоречие Бытия и Небытия, Истины и Заблуждения, Объекта и Субъекта, Добра и Зла, Человека и Природы, Целого и Части, Индивида и Общества, Права и Факта, Количества и Качества, Сущности и Существования, Случайности и Необходимости, Письма и Различия, Власти и Знания, Прерывности и Непрерывности, Тени и Света, Удачи и Неудачи. Вы видите, что я мог бы долго продолжать, ибо *все* категории идеалистической философии непосредственно включены в такого рода «противоречия».

Как мы сейчас увидим, тот факт, что, собственно говоря, нет *реального* противоречия между общими понятиями (но есть только мнимые противоречия), вытекает из

такого аспекта противоречия, на котором В. И. Ленин постоянно настаивал: его сущностная «нечистота». Именно это отличает материалистическую диалектику от схоластики: никакое реальное противоречие не носит «чистого» характера, не есть простое деление на противоположности своих собственных сторон. См., например, следующий текст В. И. Ленина, один из многих аналогичных (В. И. Ленин критикует абстрактные тезисы «правых» и «левых» социал-демократов, которые считали, что эпоха прогрессивных национальных войн миновала):

«Ибо думать, что *мыслима* социальная революция без восстаний маленьких наций в колониях и в Европе, без революционных взрывов части мелкой буржуазии *со всеми ее предрассудками,* без движения несознательных пролетарских и полупролетарских масс против помещичьего, церковного, монархического, национального и т. п. гнета,— думать так значит *отрекаться от социальной революции.* Должно быть, выстроится в одном месте одно войско и скажет: «мы за социализм», а в другом другое и скажет: «мы за империализм» и это будет социальная революция!..

Кто ждет «чистой» социальной революции, тот *никогда* ее не дождется. Тот революционер на словах, не понимающий действительной революции» [1].

Иначе говоря, *абсолютный* характер противоречия существует только в его особенностях, специфичном. Другими словами, — и мы здесь начинаем замечать начало путеводной нити, — чтобы открыть в историческом процессе то, что в нем составляет универсальность («закон»), стало быть, абсолютную необходимость, нужно не «обобщать» его, чтобы выявить его форму абстрактной противоположности, а, наоборот, придать ему *специфический* характер. Чем больше анализ становится специфическим, тем больше постигается объективная универсальность, усваиваясь познанием как реальное «противоречие».

Попытаемся бегло наметить это движение в связи с классовым антагонизмом между пролетариатом и буржуазией в истории капиталистического способа производства. Каковы первые черты, хотя бы пока весьма абстрактные, которые отличают антагонизм буржуазия — пролетариат от идеального противоречия?

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 54.

Я приведу по крайней мере четыре [1].

Суть первой черты заключается в том, что этот антагонизм никоим образом не существует *от природы,* на основании какой-то трансисторической сущности буржуазии и пролетариата. Нужно покончить с метафизической идеей, согласно которой антагонизм между пролетариатом и буржуазией существует всегда и повсюду *в одних и тех же формах*, в одной и той же степени. Но нужно *также* покончить и с идеей, согласно которой его «сущность» индифферентна к форме и степени. Идеологи буржуазии провозглашают: антагонизм классов не универсален и не абсолютен, а носит несущественный, случайный, характер, ограниченный некоторыми местами и некоторыми эпохами, некоторыми аспектами социальной жизни и, следовательно, совершенно примирим, если хорошо взяться за дело. *Рядом с ним* якобы имеются другие, тоже важные, антагонизмы: антагонизм поколений, полов («это зло идет из далека...»), рас или паций, культур и т. д. Однако настоящий отпор этим идеологам заключается не в простом провозглашении того, что одна и та же сущность здесь проявляется открыто, а там скрыта и классовая борьба *тоже* имеет место, но более или менее видна в ту или иную эпоху во Франции, Чили, Германии или США. Видна в различных формах, «содержание» которых якобы одно и то же. В действительности же мы знаем, что само развитие капитализма *всегда* означает развитие классовой борьбы, но *никогда она* не протекает одинаково и равномерно. Например, империализм — высшая стадия капитализма — означает усиление, расширение классовой борьбы в одном месте и ее задержку, переход от одной ее формы к другой или относительное ослабление в другом месте. Империализм, вообще говоря, ведет к преобладанию *экономических* форм классовой борьбы в самых мощных империалистических странах, по крайней мере в течение некоторых периодов расширения их господства. Таким образом, чтобы определить и изучить антагонизм классов, необходимо в одном и том же анализе рассмотреть в их историческом соотношении различные *формы* классовой борьбы — экономическую, политическую

[1] Отчасти я здесь воспроизвожу формулировки, которые выдвинул в «Cinq études du matérialisme historique». Речь не идет о канонической классификации. Можно было бы сказать то же самое и в другом порядке, под другим заглавием.

и теоретическую, — которые вовсе не идут автоматически параллельно, не эволюционируют друг в друга и не «сцепляются друг с другом» согласно предустановленному порядку; и, кроме того, необходимо соединять различные исторические *периоды* классовой борьбы в соответствии с тем, что Маркс, Ленин и Грамши называли «мирными» или «пассивными периодами» и «периодами кризиса». Различие этих периодов отражается в самом содержании (природе) сторон антагонизма, буржуазии и пролетариата, поскольку последние образуют классы (а не только более или менее цельные социологические «группы»). Короче, нужно включить в само определение антагонизма *сложность* его аспектов и его *неравномерное развитие.*

Вторая важная черта состоит в том, что существование и развитие антагонизма «буржуазия — пролетариат» детерминируются развитием самих капиталистических *производственных отношений* как отношений эксплуатации, базирующихся на наемном труде. Отношение буржуазии к пролетариату имеет антагонистический характер только потому, что наемный труд сам по себе есть антагонистическое социальное отношение, в котором освоение трудящимися природы имеет в качестве условия полное лишение их средств производства; отношение, в котором обобществление и прогрессивная коллективизация труда имеют в качестве условия индивидуализацию производителей (их образования, их рабочего места, их условий жизни), развитие их взаимной конкуренции и тенденциальной оппозиции различных групп между собой; отношение, в котором индивидуальная (юридическая) свобода трудящихся имеет в качестве условия отсутствие всякого контроля над средствами их существования; отношение, в котором трата рабочей силы имеет в качестве условия постоянную тенденцию к ограничению или даже к противодействию (когда этого требует капиталистическое управление «кризисом») воспроизводства рабочей силы. Этот пункт фундаментален, ибо он нам показывает: то, что является решающим в антагонизме буржуазии и пролетариата, не есть самостоятельное существование каждой противоположности отдельно, каждого класса, которые фактически могут преобразоваться и преобразуются коренным образом в течение их истории в зависимости от *условий воспроизводства* общественных отношений эксплуатации, а есть именно *существование* самого *отноше-*

ния. Это можно выразить так: в историческом антагонизме классов имеется *примат* самого *противоречия над противоположностями*[1].

Третий важный пункт состоит в следующем: если придерживаться предыдущих формулировок, то немедленно появится риск впасть в идеалистическую интерпретацию. Скажем, можно было бы просто заменить субстанциалистский (и механистический) идеализм, в котором *стороны предшествуют* их отношениям, *идеализмом отношений* (формалистского типа), в котором «предшествуют» отношения и таким образом вызывают свои собственные стороны. И дело не меняется, когда уточняют, что отношение, о котором идет речь, есть историческое отношение, процесс развития. Действительно, мы здесь имеем довольно классическое перевертывание в философии. Вот почему нужно сделать еще шаг вперед и рассмотреть, каким образом отношение «антагонизм» *материализуется* в процессе своего развития на базе ранее данных условий[2]. Очень схематично можно сказать, что оно материа-

[1] См. также: Althusser L. Eléments d'autocritique, Paris, Hachette littérature, coll. Analyse, 1975.

[2] Говорить о ранее данных *условиях* это значит говорить о *других противоречиях* или других формах противоречия. Никакое определенное противоречие не является изначальным (никакое не является также *последним*). Антагонизм буржуазии и пролетариата, очевидно, не имеет прирожденного характера. Речь идет об антагонизме, который возник, порожден исторически, в определенных условиях и *воспроизводится* на протяжении его истории новыми условиями, которые он сам частично создает. Он возник в определенных условиях: в условиях *другого* классового антагонизма, присущего феодальному способу производства. Но осторожно! Антагонизм буржуазии и пролетариата вовсе не представляет собой прямого преобразования, то есть «разрешения» или преодоления основного противоречия, присущего феодальному способу производства, которое противопоставляет крупных земельных собственников крестьянам: вот почему капитализм в разных местах, неодинаковым образом в разных странах может сохранить и воспроизводить в новых формах это противоречие. Антагонизм буржуазии и пролетариата возникает *в условиях* классовой борьбы, присущей феодализму, хотя и не означает конец этого строя. Не сеньор и крепостной превращаются непосредственно в капиталиста и пролетария, не феодальная земельная собственность (за редкими исключениями) превращается в капиталистическую собственность средств промышленного производства, хотя имеются *частная собственность и товарное обращение*, развитые феодализмом, благодаря которому они сделались возможными. Нет наследования форм классового антагонизма, нет предопределенного перехода от одной формы к другой. Нет также автоматического продолжения

лизуется на двояком уровне, который в первых теоретических работах Маркса обозначался как «противоречие между производственными отношениями и производительными силами», с одной стороны, и «противоречие между базисом и надстройкой», с другой стороны. Однако конкретные анализы марксизма (начиная с «Капитала») склоняют нас обозначить этот уровень как *противоречие в развитии производительных сил,* с одной стороны, и *противоречие в надстройке,* прежде всего на уровне государства, с другой стороны. Тем самым особо выделяется «признак материальности» этих противоречий, которые развиваются в разных «местах» (но не механически внешних друг другу) общественной формации, следуя «закону тенденции» капиталистических производственных отношений. Каждое из этих противоречий (нужно было бы сказать даже: каждый из этих узлов серии противоречий) относительно самостоятельно, так что именно разнообразные формы их сгущения, исторического наложения друг на друга специфицируют разные обстоятельства классовой борьбы.

Противоречие в развитии производительных сил есть в конечном счете противоречие между самим ростом производительности общественного труда (включая «научно-техническую революцию», продолжающуюся со времени первой «промышленной революции» начала капитализма) и формами *разделения труда,* необходимыми для роста абсолютной и относительной прибавочной стоимости. Об этом я уже писал, поэтому не буду повторяться.

Противоречие в надстройке есть в конечном счете противоречие между развитием и усилением буржуазного государства, которое предполагает свою «всеобщность», свою идеологическую гегемонию «над классами», и тенденцией сохранить в нем абсолютную власть буржуазии, то есть господствующей части буржуазии. Именно это противоречие побудило, например, Ф. Энгельса в 1870—1874 годах (даты не безразличны: эту работу он начал до Парижской Коммуны, а закончил после нее) заявить, что

антагонизма «буржуазия — пролетариат». Напротив, нужно, чтобы условия этого антагонизма были воспроизведены снова на всем протяжении его истории. Изменение этих условий — это изменение самой природы противоречия.

«характерная особенность буржуазии по сравнению со всеми остальными господствовавшими ранее классами как раз в том и состоит, что в ее развитии имеется поворотный пункт, после которого всякое дальнейшее увеличение средств ее могущества... приводит лишь к тому, что она становится все более и более неспособной к политическому господству» [1]. Или еще, как раз это противоречие побудило В. И. Ленина написать одновременно, на расстоянии нескольких страниц, в своей книге «Государство и революция» (оставив нам заботу сделать выводы), что демократическая республика есть наилучшая политическая форма капитализма и что демократическая республика есть лучшая форма государства для пролетариата при капиталистическом строе (то есть, конечно, лучшая форма *для борьбы* пролетариата) [2].

---

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 416.

Отметим, что Ф. Энгельс в то время буржуазию еще представлял как исторически *сплошную группу* — от мануфактурной и торговой буржуазии до промышленной и финансовой буржуазии переходного этапа к империализму, который уже вырисовывался.

[2] Понятно, почему нужно говорить о противоречии в надстройке, почему нужно уточнять в таких терминах идею противоречия «между базисом и надстройкой», поскольку стало ясно, что отношение к базису не есть «внешнее» отношение к противоречию надстройки, что история надстройки не есть чисто «политический» и идеологический процесс, но также всегда «экономический» процесс. Многие марксисты (и сами классики) часто полагали или говорили, что имеется *одна* форма «типичного» буржуазного государства, нечто вроде «нормальной» формы. Это неточно, о чем свидетельствует исторический опыт. Нет даже типичной *единой* формы для *каждой* исторической «стадии» (будь то демократическая республика, бонапартизм или фашизм и т. д.). Сказать, что демократическая республика есть «лучшая форма» для капитализма, не значит, что эта форма «нормальная» форма, а другие как бы «анормальные», «исключительные» или «случайные». Известно, что коммунистические партии в период III Интернационала, которые вели беспощадную борьбу против фашизма и которым нужно было объединить для этой борьбы все народные и демократические силы вокруг пролетариата, полагали, что фашизм как «исключительная» политическая форма представляет собой последний рывок зверя, отчаянное (и безвыходное) средство, которое крупный капитал должен был привести в действие, чтобы противостоять «последней» фазе кризиса капитализма, которая, стало быть, содержала в зародыше непосредственный переход к диктатуре пролетариата (см. доклады Г. Димитрова и П. Тольятти (Эрколи) на VII конгрессе Коммунистического Интернационала). Известно также, что дело обстояло не так. Подобно этому, некоторые марксисты считают, что фашистская диктатура

Здесь мы подошли к решающему пункту, ибо обнаруживаем следующую вещь: проблема отношения между антагонизмом и противоречием ничего больше не имеет общего с установлением серии *более или менее общих* (в иерархии общего) определений. Это в данном случае проблема *материализации* и, следовательно, *материальности* антагонизма, стало быть, его постепенной реализации, развития и преобразования. Исследовать антагонизм классов *как* противоречие или, лучше сказать, исследовать *противоречие этого антагонизма* не значит мыслить антагонизм «под» более общей категорией, а именно категорией противоречия, а значит поставить проблему: в каких формах и в каких условиях антагонизм действен, материально реализуется, а не есть пустая абстракция? Иначе говоря, исследовать антагонизм как противоречие—значит *универсализировать* познание антагонизма, но эта универсализация не ведет к «общему», к подведению частного случая под «общую» внутреннюю или внешнюю модель: напротив, она ведет к признанию *серии* неравных детерминантных противоречий, в которых материализуется антагонизм. Иными словами, она ведет к тому, что Л. Альтюссер предложил (в своей книге «За Маркса» («Pour Marx»), 1965) назвать материальной *сверхдетерминацией* противоречия.

Остановимся здесь для уточнения. В самом деле, что собой представляла бы общая категория противоречия, *под* которой мыслили бы антагонизм как *частный случай?* Нам теперь видно, что это была бы лишь *модель,* то есть *образ* противоречия, созданный ad hoc: либо образ отрицания и отрицания отрицания — «логический» образ, либо

в наши дни есть «анормальная» политическая форма, которая якобы внутри себя создает *препятствие* для развития капитализма и его производительных сил. Но хорошо видно, что от Испании до Ирана и Бразилии ничего подобного не было и что фашистская диктатура, опираясь, когда условия позволяют и требуют, на *свою собственную массовую* политико-идеологическую базу, есть совершенно «нормальная» и «актуальная» форма развития капитализма. Именно на этом пункте особенно не прекращает настаивать Альваро Куньял до и после 25 апреля 1974 г. Противоречие существует не *между* той или иной неизменной формой и экономическими отношениями — «гражданским обществом». Буржуазное государство в самом себе есть процесс господства одного класса над другим, следовательно, его исторические формы зависят *также* от *борьбы* угнетенного класса, от уровня его организованности, сила и слабость которой изменяют политическую конъюнктуру.

образ полярности, отношения сил вообще — «механический» образ.

Но в таком случае мне ясно, что сейчас мне снова зададут вопрос: если нужно дать отставку всем этим образам противоречия (оставив их разве что для философской подготовки), хотя они, по-видимому, во всей философской традиции составляли одно целое со своим понятием, то зачем тогда надо говорить еще о «противоречии»? Почему материалистическая диалектика так связана с категорией и с самим *термином* противоречия?[1]

Для метафизики противоречие фактически всегда есть только *негативная* категория, оно есть *абсолютная граница*, перейти которую запрещают себе (и нам хотят запретить). «Стоп! Ни шагу больше, иначе вы впадете в противоречие!» Нельзя «впадать» в противоречие! И тем самым противоречие есть нечто, что неотступно преследует в конечном счете все позитивные категории, все «объекты» метафизики, идет ли речь о «смысле» (противоречие — это абсурд, оно немыслимо), об «истине» (противоречие — это ложь, заблуждение), о «разуме» (противоречие — это миф, патология). Такой ценой она, метафизика, добивается двойного результата (чуть ли не *юридического*), который ей важен: она может утверждать, что мышление (или теория) является для самой себя своей собственной, самостоятельной стихией, как только — в соответствии со своей «природой» — оно начинает раз-

[1] Может быть, кое-кто помнит некоторые отклики, вызванные в свое время попыткой Л. Альтюссера определить марксистское понимание противоречия *через* его собственную внутреннюю сверхдетерминацию: «В текстах «За Маркса» Л. Альтюссер указывает еще на практику, соединенную с противоречием. Мы решительно отвергаем это туманное обозначение» (Badiou A. Le (Re)commencement du matérialisme dialectique. — "Critique", 1965, Nov., p. 455). «Комментаторы Маркса, настаивающие на фундаментальном отличии Маркса от Гегеля, по праву напоминают, что категория дифференциации внутри социальной множественности (разделение труда) заменяет в «Капитале» гегелевские понятия противоположности, противоречия и отчуждения, которые образуют только движение видимости и имеют значение только как абстрактные результаты, отделенные от принципа и действительного движения их производства. Очевидно, философия различения должна опасаться вылиться в прекраснодушные рассуждения: различия, только различия в мирном сосуществовании, в Идее мест и социальных функций. Но имени Маркса достаточно, чтобы предохранить ее от этой опасности» (Sic!) (Deleuze G. Différence et Répétition. Paris, PUF, p. 267—268).

виваться *внутри* «законных» границ непротиворечия; одновременно метафизика может исходить *из предустановленной* возможности воспроизводить вещи в мышлении, то есть *ограничивать «бытие» мышлением:* нет противоречия в вещах, в бытии, в природе и, следовательно, вещи «по праву» *уже всегда* обладают смыслом, истиной, разумом, они уже и есть божественная или человеческая *мысль*, находящаяся в состоянии предустановленной гармонии с познанием.

Вот почему материализм (в том числе, как мы уже говорили, и у Гегеля) сразу же утверждает, что бытие и практика *бесконечны*, то есть всегда *превосходят* мышление и теорию и *детерминируют* их, что также побуждает его к утверждению об их *противоречивом характере.* Выдвинуть противоречие в центр теории и философии (вместо того, чтобы отодвигать его на их *окраины* как понятие-ограничитель, как «перила», как запрет) одновременно значит:

— открыть возможность для радикальной критики всех воображаемых абсолютов, будь то теологических или позитивистских (Бог и его вечные истины или Наука и ее рациональное, стало быть «окончательное», общественное положение, обеспечивающее счастье человечества);

— отвергнуть также сразу релятивизм, будь то в социологической форме либо в психологической форме, для которого «всякая истина относительна». Ибо релятивизм, в котором проявляется больше чем где-либо идеалистическая боязнь противоречия, опирается на *абстрактную, саму по себе абсолютную* противоположность относительного и абсолютного. Это даже, как это очень ясно показал В. И. Ленин, единственный «абсолют», на который релятивизм никогда не нападал, и не без основания, поскольку это главное.

Но развитие материалистической диалектики возможно только при том условии, чтобы противоречие постепенно освобождалось от всякого *образа* (всякой философской «модели»), который ограничивал бы его понятие и заранее регулировал бы его теоретическое развитие[1], чтобы, таким

[1] Следовательно, нужно применить к понятию противоречия то, что Ф. Энгельс и В. И. Ленин говорят о понятии *материи*: содержание (научное) понятия противоречия меняется с каждым великим научным открытием. Можно добавить, что в метафизике *немыслимое* противоречие *как понятие* как раз дополняется и

образом, оно в конечном счете всегда было «невообразимо». Отсюда важность *исследования* противоречия и исследования его *в* «стихии исторического материализма»: чем дальше продвигаются вперед в этом исследовании, тем больше выясняется, что противоречие в историческом материализме есть новое противоречие, оно представляет свою собственную модель для самого себя.

Нам остается исследовать последний, но главный пункт. Если условия существования антагонизма буржуазия — пролетариат коренятся в развитии материальных противоречий, в производительных силах и в надстройке, то сами эти противоречия понятны только в терминах *практики*. Так, например, противоречивое развитие производительных сил не может быть объяснено, если «абстрагироваться» от экономической классовой борьбы капитала, от борьбы рабочего класса в защиту своих требований, начиная с борьбы за «нормальный» рабочий день, ограничение женского и детского труда в XIX веке, которая дает возможность проанализировать первые этапы капиталистической промышленной революции, вплоть до современной борьбы, связанной с формами конвейерного труда, с автоматизацией.

Но это замечание полностью относится и к развитию противоречий капиталистической *надстройки*, формы которой связаны с самого начала с эволюцией соотношения сил между буржуазией и последовательными формами организации пролетариата (напомним для ясности тот простой факт, что в главных европейских странах именно пролетариат через создание социалистических, а затем коммунистических партий, вызванное условиями политической борьбы *в* аппарате буржуазного государства, навязал буржуазии необходимость организаций *массовых* партий и снабдил их «моделью»).

И наконец, это внутреннее присутствие *практики* (массовой) в самом развитии противоречия на различных «уровнях» классовой борьбы позволяет понять происходящие в нем преобразования, перемещения, переходы от одной эпохи к другой, от одной «стадии» к другой стадии исторического развития. Оно нам позволяет понять, в ка-

---

компенсируется его *воображаемым* статусом — «логическим» образом, «механическим» образом. См. интересные указания Ж. Лебрена (Lebrun G. La Patience du concept. Paris, Gallimard, p. 293).

ком смысле история классовой борьбы *детерминирована* и необходима, есть «естественный процесс», как говорил Маркс, но тем не менее зарапее *не предвидима* (по утопическому или технократически-позитивистскому образцу) и *не предопределена*. Рабочее движение находится не *вне* «естественного» процесса развития капитализма, перехода от одного исторического этапа к другому, напротив, оно в нем все больше и больше превращается в определяющий аспект (разумеется, благодаря своим успехам и победам, а также, нужно это сказать, благодаря своим ошибкам и поражениям) [1]. Пролетарская (коммунистическая) революция — это не просто *будущее*, приход которого нужно рассчитать, подсчитав его шансы и своевременность, а тенденциальный процесс, который *начинается* вместе с самим капитализмом (вместе с «буржуазной революцией») и который определяет его историю. Следовательно, это есть процесс, тенденцию которого постоянно изменяет история капитализма и который, можно было бы сказать, точно никогда не завершается там, где сначала «имели в виду». Именно так было в 1793 году, в 1848 и 1871 годах во Франции, в 1842 году в Англии, в 1905 году и в 1917 году в России и т. д. Вместе с эпохой империализма (которая есть также эпоха победоносных пролетарских революций) действительный социалистический *переход* становится современным развитию капитализма и образует вместе с ним одну противоречивую систему.

Итак, я предложу три схематических тезиса.

А. Материалистическая диалектика не есть переход от «логики непротиворечия» к «логике противоречия», а есть критика псевдопротиворечий, которые являются лишь противоречиями идей, есть переход к анализу реальных, то есть точно определенных, противоречий.

Б. Категория противоречия в материалистической диалектике не есть дискурсивный *принцип*, и, следовательно, диалектика не является теоретической системой противоречия, а есть *практика* развития противоречий, включающая их *теоретический* анализ как необходимый момент.

В. Переход от идеалистической диалектики к материа-

---

[1] Именно этот *практический* и определяющий аспект движения исторического противоречия делает настоятельно необходимым для рабочего движения создание в конце концов объективной, критической и материалистической истории своих организаций, их стратегии и условий ее разработки, их отношения к массам.

листической диалектике (то есть, на мой взгляд, решающий шаг в осуществляющемся переходе от идеализма к материализму) невозможен, если не вводить не только другое применение противоречия, но особенно другое определение и, я даже скажу, *другие определения* противоречия, для которых модели классической философии должны сыграть лишь временную роль.

Теперь видно, что два неотделимых друг от друга вопроса связаны с изучением материалистической диалектики: вопрос о том, *какова категория противоречия,* разработанная марксистской философией, и как она представлена в теоретических анализах исторического материализма, и затем вопрос о том, какая философия или, скорее, *какая практика философии* и вообще теории содержит в себе марксистскую категорию противоречия. Если речь идет о фундаментальной категории диалектики, то именно определение противоречия в своей исторической *новизне* содержит в себе изменение отношения (практического) науки к философии, науки и философии к политике (рабочего движения).

Итак, в заключение попытаемся резюмировать то, что нам представляется как сложный статус материалистической диалектики в том виде, как она развивалась до сих пор, как она реально *существует* в точке соединения марксистской теории и рабочего движения.

«Закон», «принцип» или, лучше, основной *тезис* материалистической диалектики — это тезис о «единстве противоположностей», тезис об универсальности противоречия и специфичности противоречий.

Стало быть, совершенно недостаточно сказать, что марксизм диалектичен, потому что он полагает *движение* (становление, эволюцию, историю), и что движение есть «противоречие» (даже «противоречиво») [1]: это означало бы критиковать онтологию и метафизику *в* самой проблематике онтологии и метафизики (бытие и становление, тождество и противоречие). Правилен как раз противоположный тезис: поскольку марксистская диалектика при примате практики есть теория противоречия, следовательно, противоречий и форм противоречия, она также непре-

[1] Отметим, что эта формулировка может представлять точку зрения, *общую* двум большим «отклонениям», на которые я выше указывал: объективизм и историцизм, точка зрения, *начиная с которой они расходятся.*

менно есть теория перемещения противоречий, их «разрешения» (в противоположность их примирению), их производства и развития, ибо *никакое* противоречие не имеет «стабильного» и «вечного» характера, хотя противоречие, противоречивый характер «сущности вещей» как таковой вечен или, скорее, *абсолютен*. Именно так материалистическая диалектика становится осмыслением, точнее, анализом «движения», «становления». Доказательство: не потому, что в противоположность Гегелю марксизм *не останавливает движения* (в конце истории, в абсолютном духе, системе и т. д.), он иначе мыслит противоречие (или иначе его «разрешает»), но потому, что марксизм в тенденции заменяет гегелевское понимание противоречия, пронизанное идеалистической телеологией (которая является лишь перелицовкой субстанциалистской онтологии метафизики), другим пониманием противоречия, внутренне различного, он может анализировать бесконечный процесс исторического движения, процесс без Первопричины и Цели[1].

Отсюда действительно очень новая ситуация в истории наук и философии, ситуация, которую мы можем выразить двояким образом.

Прежде всего мы можем сказать, что, поскольку материалистическая диалектика есть теоретическое познание (научное познание), она до сих пор существовала только как бы *помещенная в сам исторический материализм* и, следовательно, ее категории были открыты, определены и развиты как *научные понятия* исторического материализма. Таковы не только понятия противоречия и антагонизма, но также, между прочим, процесса, отношений производства и воспроизводства, тенденции, неравномерного развития и т. д. Но материалистическая диалектика не *сводится* ни к этому научному (теоретическому) аспекту, ни к своему определенному *объекту* (история общественных формаций), хотя она от них *неотделима;* ее категории, стало быть, также функционируют в другом плане, в плане *практики*, они дают возможность осмыслить отношение исторического процесса к практике, представить в

[1] Процесс, который нужно анализировать в соответствии с его природой. Что он бесконечен, что он не имеет Цели (Целей), марксистская философия не должна «доказывать»: здесь это то же самое, что можно было бы назвать, как говорил В. И. Ленин, «материалистическим фактом», демаркационной линией, все время проводимой между материализмом и идеализмом.

нем место практики и изучить его революционную направленность.

Но мы также можем сказать, что материалистическая диалектика не только воплощена в *познание* истории, но также обеспечивает двоякое *признание:* признание *историческим материализмом* своей объективности и признание *рабочим движением* (всегда в различных и конфликтных формах) исторического материализма как научной теории. В этом смысле ее категории являются уже не научными понятиями объекта, а нормами и *идеологическими* метками определенной объективной «истины» исторического материализма: идеологические категории непременно относятся к данному состоянию познания *и* связаны с определенной классовой идеологией, с пролетарской идеологией, которую они представляют в познании.

По правде говоря, эти две формулировки смыкаются, ибо объективность исторического материализма может быть признана только в его *экспериментальных* испытаниях, в движении его применения, проверки и непрерывного критического уточнения, самые яркие примеры которого нам дают деятельность самого К. Маркса и еще больше деятельность В. И. Ленина. Однако экспериментирование в случае с историческим материализмом есть, как говорил В. И. Ленин по поводу современной физики, не столько диалектика материальных преобразований, совершающихся в лабораториях и на заводах (хотя они также зависят от социальной практики), сколько опыт форм, условий и результатов все более организованной пролетарской классовой борьбы.

И, таким образом, мы можем начать понимать два крупных исторических факта, которые без этого остались бы загадочными.

С одной стороны, факт, что сам исторический материализм в качестве такой науки, признаки и условия объективности которой имеют совершенно особый характер, не мог, разумеется, сформироваться и развиться без философской революции, беспрецедентной в истории, поскольку она сразу осуществляет перевертывание тенденции, до сих пор господствовавшей во всей истории философии. Причем этой философской революции он сам непрерывным циклическим движением поставлял материал и средства. Это можно выразить также иначе — сказать, что объективность исторического материализма, следовательно, его теоретиче-

ская *универсальность*, возможна только через внутреннюю реализацию *позиции определенного класса*, позиции пролетариата. Исторический материализм может существовать, то есть развиваться, изменяться, только в той мере, в какой он таким образом анализирует — без всякой идеалистической мистификации — свое собственное место *в* процессе, который он исследует как «материальную силу»; в той мере, в какой он анализирует свой собственный союз или «слияние» с революционным рабочим движением, следовательно, *неравномерность, пределы* и *противоречия* этого слияния, которое, как достаточно свидетельствует наша действительность, никогда не является ни завершенным, ни необратимым. *Союз,* вы знаете, *есть борьба* прежде всего. Отсюда второй факт, о котором я говорил.

Факт, что если исторический материализм — это обязательно «партийная наука» в общем смысле, то история материалистической диалектики всегда была органически связана с историей и проблемой революционной *партии* в узком смысле, то есть с историей революционных *партий* — со времени Союза коммунистов в 1840-е годы и I Интернационала — до проблем политической линии и организации современных коммунистических партий в их сложной конфигурации, которая охватывает как партии, находящиеся у власти в социалистических странах, так и партии, которые борются за взятие власти в капиталистических странах.

Ни одна из главных «классических» работ по материалистической диалектике не отделима от критического момента в создании или преобразовании революционной партии, когда оказываются взаимосвязанными вопрос о «партийности» в философии и вопрос о «принципиальности» в политике. Внутренние противоречия материалистической диалектики, о которых я выше уже упоминал, также практически связаны с внутренними противоречиями истории революционной партии, отсылающими нас в конечном счете к важному историческому противоречию, которое пролетариат встречает на своем пути: чтобы бороться против эксплуатации и прийти к ликвидации наемного труда и уничтожению государства, ему, однако, нужно самому организоваться самостоятельно, то есть на своей собственной классовой основе, *в* системе государственного аппарата и идеологических аппаратов буржуазного государства. Следовательно, так же как революционная партия

есть для пролетариата одновременно и *средство* осуществления социальных преобразований, которых он добивается, и *первая цель* его критики и его преобразования, так и материалистическая диалектика сама есть ее собственная мишень и в то же время орудие теоретической и политической борьбы пролетариата. Я предлагаю формулу, более чем метафорическую: в этом смысле диалектика есть для теории пролетариата то, что партия есть для его практики, — ее *организация* или ее «концентрированная форма». Стало быть, она есть также место, где концентрируются противоречия и где могут быть подготовлены условия их разрешения.

Ги Бесс

ДИАЛЕКТИКА И РЕВОЛЮЦИЯ

Я начну с классического текста, с «Послесловия ко второму немецкому изданию «Капитала»», которое было написано в Лондоне в январе 1873 г. Как известно, Маркс противопоставляет здесь свой метод методу Гегеля. Для Гегеля, говорит он, действительное есть проявление мышления, для меня же, наоборот, движение мышления есть только отражение реального движения. Метод Маркса выступает тем самым как материалистический метод.

Однако К. Маркс на этом не остановился, страницы Послесловия во многих отношениях представляют собой разъяснение отношения к Гегелю. Напомнив, что почти 30 лет назад, когда гегелевская диалектика была «еще в моде», он подверг критике ее «мистифицирующую сторону», К. Маркс критикует эпигонов, которые в современной «образованной Германии» третируют Гегеля как «мертвую собаку». Так во времена Лессинга Мозес Мендельсон третировал Спинозу как «мертвую собаку».

Вот почему, добавляет Маркс, работая над первым томом «Капитала», он «открыто объявил себя учеником этого великого мыслителя и в главе о теории стоимости местами даже кокетничал характерной для Гегеля манерой выражения. Мистификация, которую претерпела диалектика в руках Гегеля, отнюдь не помешала тому, что именно Гегель первый дал всеобъемлющее и сознательное изображение ее общих форм движения. У Гегеля диалектика стоит на голове. Надо ее поставить на ноги, чтобы вскрыть под мистической оболочкой рациональное зерно» [1].

---

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 22.

(«Надо» — перевод, который исправляет предыдущий перевод: «достаточно».)

Следует сжатое изложение исключительной важности для моей темы:

«В своей мистифицированной форме диалектика стала немецкой модой, так как казалось, будто она прославляет существующее положение вещей. В своем рациональном виде диалектика внушает буржуазии и ее доктринерам-идеологам лишь злобу и ужас, так как в позитивное понимание существующего она включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели, каждую осуществленную форму она рассматривает в движении, следовательно, также и с ее преходящей стороны, она ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна» [1].

Значение терминов, употребленных К. Марксом в таком тексте, мне кажется, не создает проблемы. «Отрицание», о котором здесь идет речь, имеет объективный характер. Для Маркса «рациональная диалектика» в противоположность «мистифицированной» диалектике выявляет *сущность* реального процесса. Эта сущность *противоречива*. Вот почему капитализм не вечен. Если, следовательно, диалектика в своем «рациональном» виде «критична и революционна», то это потому, что она радикально ставит под вопрос общество, основанное на капиталистической эксплуатации рабочей силы. И вот почему «метод», примененный автором «Капитала», задевает интересы буржуазии.

С упомянутым здесь текстом мы могли бы сопоставить еще и некоторые другие, например четвертый раздел работы Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», его же статью «Карл Маркс. «К критике политической экономии»». Подчеркнув заслуги Гегеля, попытавшегося показать, что в истории имеется «развитие, внутренняя связь», Ф. Энгельс далее пишет:

«Маркс был и остается единственным человеком, который мог взять на себя труд высвободить из гегелевской логики то ядро, которое заключает в себе действительные открытия Гегеля в этой области, и восстановить диалектический метод, освобожденный от его идеалистических оболочек, в том простом виде, в котором он и становится

---

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 22.

единственно правильной формой развития мысли. Выработку метода, который лежит в основе Марксовой критики политической экономии, мы считаем результатом, который по своему значению едва ли уступает основному материалистическому воззрению» [1].

«Отношения», исследуемые этим методом, не являются отношениями, которые существуют лишь как движение понятий; это отношения, которые, как подчеркивает Ф. Энгельс, сложились исторически. И именно в истории развиваются объективные противоречия, которые недиалектический метод (то есть, по выражению Ф. Энгельса, «метафизический») не в состоянии себе представить.

Отсюда следует, что лишь материалистическая диалектика может понять объективную диалектику. На поверхности ее даны, однако, только внешние проявления, видимость, пленником которых остается эмпиризм.

Принципиально враждебная социалистическому преобразованию производственных отношений, буржуазия обязательно оказывается в принципиальной оппозиции и к историческому материализму. Но позиция рабочего класса, когда он осознает свои интересы и вступает в борьбу против эксплуатации, диаметрально противоположна буржуазии. Поэтому в научном социализме устанавливается нерасторжимая связь между революцией и диалектикой. Рабочий класс, как его характеризовали Маркс и Энгельс со времени «Манифеста Коммунистической партии», — это класс, который до конца революционен; его *классовый* интерес в самом деле заключается не в том, чтобы заменить одну форму эксплуатации другой (то, что сделала буржуазия — собственник современных средств производства), а в том, чтобы уничтожить эксплуатацию человека человеком. Таким образом, он борется за общество, свободное от эксплуатации, он борется за столь глубокое преобразование общественных отношений, что перспектива его революционной борьбы — это бесклассовое общество, общество, в котором будут преодолены все последствия разделения труда, это коммунистическое общество. Чтобы вести эту революционную борьбу, рабочий класс жизненно нуждается в адекватном и точном понимании исторического процесса. Это ему дает теория производственных отношений, наука общественной диалектики, которой буржуазия

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 496—497.

боится, но которая необходима рабочему классу и вообще всем трудящимся, заинтересованным в победе социализма. Вот почему К. Маркс рассматривал «Капитал» и как научную, и как боевую книгу. В. И. Ленин считал, что «Капитал» вооружает революционный класс революционной наукой. Это ничего общего не имеет с каким-либо классовым субъективизмом, ибо эта наука имеет объективное содержание — законы исторического процесса.

Чтобы оценить позицию В. И. Ленина, можно, например, сослаться на работу «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве (отражение марксизма в буржуазной литературе)».

«Объективист, — пишет В. И. Ленин по поводу Струве, — говорит о необходимости данного исторического процесса; материалист констатирует с точностью данную общественно-экономическую формацию и порождаемые ею антагонистические отношения. Объективист, доказывая необходимость данного ряда фактов, всегда рискует сбиться на точку зрения апологета этих фактов; материалист вскрывает классовые противоречия и тем самым определяет свою точку зрения. Объективист говорит о «непреодолимых исторических тенденциях»; материалист говорит о том классе, который «заведует» данным экономическим порядком, создавая такие-то формы противодействия других классов. Таким образом, материалист, с одной стороны, последовательнее объективиста и глубже, полнее проводит свой объективизм. Он не ограничивается указанием на необходимость процесса, а выясняет, какая именно общественно-экономическая формация дает содержание этому процессу, *какой именно класс* определяет эту необходимость» [1].

Это привело Ленина к выводу: «...Материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы» [2].

Эта работа 1895 года помогает нам понять, как В. И. Ленин читал «просветителей» и народников. «Просветитель верит в данное общественное развитие, ибо не замечает свойственных ему противоречий... Просветители не выделяли как предмет своего особого внимания ни

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 418.
[2] Там же, с. 419.

одного класса населения, говорили не только о народе вообще, но даже и о нации вообще». Что касается народников, то они боялись развития, на котором просветители основывали все свои надежды. «Народники желали представлять интересы труда, не указывая, однако, определенных групп в современной системе хозяйства; на деле они становились всегда на точку зрения мелкого производителя, которого капитализм превратил в товаропроизводителя» [1]. Здесь заключен источник исторического пессимизма, свойственного народникам.

С этими анализами, проведенными В. И. Лениным в своих первых работах, можно было бы сопоставить многие другие тексты, где проявляется постоянное стремление В. И. Ленина связать воедино классовую точку зрения, революционную партийность и научное понимание противоречий, характерных для капиталистического способа производства. Отсюда важность критики «экономического романтизма» через труды Сисмонди, который по некоторым вопросам предвосхитил русских народников, ясно почувствовав, что капитализм разоряет мелких производителей. Но он не мог признать диалектику капиталистического способа производства, потому что невольно был пленником миросозерцания того мелкого производителя, который тоскует по старым временам и мечтает восстановить в способе производства, основанном на выжимании прибавочной стоимости, отношения равного обмена между производителями [2].

Ни Сисмонди, ни народники не понимали прогрессивного и преходящего характера капитализма. С точки зрения научного социализма именно в развитии противоречий, присущих капитализму, аккумулируются объективные возможности социалистического преобразования. Следовательно, имеется исторически возникшее единство между революционной борьбой рабочего класса и наукой об общественно-экономических формациях.

Бывшие друзья Маркса — представители левого гегельянства, в частности Бруно Бауэр, не могли усвоить такую науку, потому что, оказавшись в ловушке гегелевского идеализма, они понимали диалектику как нечто чисто

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, с. 540, 541, 542.

[2] О Сисмонди см. работу В. И. Ленина «К характеристике экономического романтизма. Сисмонди и наши отечественные сисмондисты». 1897 г. (Полн. собр. соч., т. 2, с. 119—262.)

субъективное. Поэтому они мыслили историю как временное проявление *априорно* установленных принципов. Но сам Маркс не смог бы создать исторический материализм, если бы капиталистический способ производства уже не оформился, особенно в Англии. История знания, история познания действительно неотделима от истории общественно-экономических формаций. Один из лучших примеров дан нам в I томе «Капитала». Здесь есть одно очень интересное место, относящееся к великому греческому философу Аристотелю. Исследуя стоимость продуктов труда, Аристотель очень хорошо понял, что налицо равный обмен между качественно различными предметами. Но чтобы иметь адекватное понимание этого равного обмена, следовательно, чтобы создать научную теорию стоимости, нужно было быть в состоянии представить себе пару «абстрактный труд — конкретный труд», признать производство качественно различных предметов как проявление некоторого количества общественного труда. Однако рамки рабовладельческого производства ограничили мышление Аристотеля.

«Равенство и равнозначность всех видов труда, поскольку они являются человеческим трудом вообще, — эта тайна выражения стоимости может быть расшифрована лишь тогда, когда идея человеческого равенства уже приобрела прочность народного предрассудка. А это возможно лишь *в таком обществе, где товарная форма есть всеобщая форма продукта труда и, стало быть, отношение людей друг к другу как товаровладельцев является господствующим общественным отношением.* Гений Аристотеля обнаруживается именно в том, что в выражении стоимости товаров он открывает отношение равенства. *Лишь исторические границы общества, в котором он жил, помешали ему раскрыть, в чем же именно состоит «в действительности» это отношение равенства*»[1] (курсив мой. — *Г. Б.*).

Однако для того, чтобы Маркс открыл познанию новый континент[2], нужно было, чтобы не только капитализм достиг определенного уровня развития, но также чтобы Маркс имел опыт, который не в состоянии были получить теоретики утопического социализма, опыт революционной

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 69—70.

[2] Это выражение употребил Ф. Бэкон, когда он говорил об естественных науках послеаристотелевской эпохи. Оно было воспринято Л. Альтюссером для характеристики Марксова анализа.

борьбы в странах, где с развитием капитализма рабочий класс вышел из детского возраста. Этот опыт К. Маркс и Ф. Энгельс имели во Франции и Англии. Принимая участие в боях рабочего класса, основатели исторического материализма совершили одно великое открытие: подлинная диалектика в общественных отношениях *всегда конкретна.* Если этот конкретный характер не признается, то революционное действие обречено на провал. Это открытие было особенно драматично, ибо оно было совершено на следующий день после событий 1848—1849 годов в Европе. Отлив, последовавший за революцией, революцией, в ходе которой парижские рабочие в июне 1848 года с оружием в руках боролись за собственные интересы рабочего класса, побуждает Маркса и Энгельса поставить вопрос об условиях, в которых конкретно может совершиться революция. Ответ на этот вопрос они не в состоянии были дать до второй половины 1850 года. Глубокое потрясение 1848 года было вызвано торговым кризисом 1847 года. Но в 1849—1850 годах экономика восстанавливается, имеет место промышленное процветание. В этих условиях капиталистический способ производства, имевший пока перед собой прекрасное будущее в Европе, не мог быть разрушен революционным движением. К. Маркс и Ф. Энгельс, понимая эту ситуацию, должны были критиковать иллюзии, фразеологию тех, кого они называли «алхимиками революции» [1]. Чтобы революция не потерпела поражения, недостаточно одного желания основательно изменить обще-

---

[1] В. И. Ленин подвергает суровой критике волюнтаризм. См. особенно его статью «Крах II Интернационала», написанную в 1915 году: «...Революцию... нельзя «сделать», революции *вырастают* из объективно (независимо от воли партий и классов) назревших кризисов и переломов истории». (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 246.)

Такое понимание исторического процесса не отменяет действия субъективных факторов. Как раз когда представление об объективных отношениях является наиболее ясным и точным, действие субъективных факторов бывает самым продуктивным. И многочисленные тексты В. И. Ленина подчеркивают, что осознание роли этих факторов в высшей степени *политично.* Отсюда постоянные усилия В. И. Ленина (и можно сказать, что это одна из основных черт ленинизма) поднимать политическое сознание рабочего класса и других социальных слоев, которые этот класс может увлечь за собой. Известно, что в центр этого политического образования рабочего класса В. И. Ленин выдвигал газету. Но газета сама должна брать на себя задачу анализа, разъяснения, пропаганды, критики в связи

ственные отношения, нужно, чтобы формы, в которых развиваются производство, производственные отношения, вступили в конфликт с производительными силами. Пока буржуазные отношения в состоянии способствовать развитию этих сил, революционная ситуация не может возникнуть[1]. Отсюда К. Маркс и Ф. Энгельс делают вывод о том, что как в ближайшие, так и в будущие годы пока первостепенная задача пролетариата в международном масштабе — это организоваться. Нельзя импровизировать революцию, пока объективные условия для этого не созрели.

Придя в «Манифесте Коммунистической партии» к выводу о революционной роли рабочего класса, Маркс и Энгельс сделали решающий шаг вперед по сравнению с утопическим социализмом. Они поняли, что преобразование общества может осуществляться только изнутри, благодаря внутренней диалектике отношений между классами, интересы которых противоположны. В отличие от утопического социализма научный социализм отвергает веру в то, что какой-то законодатель или ограниченное меньшинство имеют возможность коренным образом преобразовать общественные отношения, подчиняя реальность долго вынашиваемому плану. Силы, способные осуществить подлинное изменение, рождаются и растут в обществе, это — противоречие, имеющее революционный характер, борьба между теми классами, которые заинтересованы в преобразовании общества, и теми, которые заинтересованы в сохранении господствующих отношений. Ни Фурье, ни Сен-Симон не понимали исторической роли рабочего класса, в их время он был еще слишком слаб, чтобы выйти на передний план истории. Таким образом, Маркс и Энгельс открыли новую эру в развитии социалистической мысли.

со своей организаторской ролью. Это так, потому что политическое сознание не изолировано от других аспектов жизни, это — высшая форма классового сознания; как таковое, оно органически связано с работой, через которую рабочий класс организует свою революционную борьбу.

[1] В 1859 году Маркс в «Предисловии» «К критике политической экономии» в нескольких строках нарисовал картину противоречий, которые ставят «социальную революцию» в порядок дня: «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что́ является только юридическим выражением последних — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались...» и т. д. (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 7.)

Утопист сравнивает суровые реальности бесчеловечного общества с изображением братского общества; но как же перейти от зла к добру?.. Научный социализм, вооружая рабочий класс знанием законов социального процесса, тем самым дает ему возможность опереться на эти законы, чтобы вести свою революционную борьбу.

Но это открытие диалектики революции носило еще общий характер. Опыт 1848—1850 годов ведет К. Маркса и Ф. Энгельса дальше. Они показывают, что для победы рабочий класс должен иметь конкретное представление об этой диалектике на каждом этапе движения; необходимо, чтобы он научился точной оценке реальных противоречий, ибо только такая оценка позволяет определить, что возможно на практике. Здесь хорошо видно, что наука о социалистической революции не может ограничиться общим изложением исторического антагонизма между эксплуататорскими и эксплуатируемыми классами. Без теории практика слепа, осуждена на эмпиризм, но теория лишается всякого воздействия на реальность, если она не связана с практикой классовой борьбы. Тем более что эта борьба способствует изменению действительности, и теория неизбежно отстает, если она не обновляется в огне опыта.

В течение последних десятилетий XIX века и до первой мировой войны гедисты, которые поняли решающее значение марксизма для рабочего движения, не сумели превратить его в инструмент конкретного анализа, приспособленного к меняющимся историческим условиям, к изменениям капитализма, вступавшего в свою последнюю фазу — фазу империализма. Когда рабочая партия не имеет дифференцированного представления о ситуациях, в которых она борется, она поневоле сочетает доктринерский язык с оппортунистической политикой, с правым или левым оппортунизмом.

Точнее можно сказать, что непризнание или недооценка диалектики общественных отношений, которая никогда не бывает простым повторением предыдущей ситуации, мешает рабочему движению правильно определить свой путь. С этой точки зрения особенно показателен ревизионизм руководителей II Интернационала. Они оказались неспособными понять реальные процессы, скрытые за внешней видимостью, что международному капитализму удается сгладить свои противоречия, достигнуть стабилизации. Некоторые из теоретиков той эпохи дошли до того, что вместе

с Гильфердингом в 1910 году стали проповедовать, что якобы возможно создать нечто вроде универсального картеля, который ликвидировал бы большую часть антагонизмов в недрах капитализма.

Ясно, что такого рода выводы полностью порывали с самым фундаментальным в марксизме. Разве автор «Капитала» не показал, что капиталистический способ производства целиком строится на противоречии между эксплуататорским и эксплуатируемым классами? Это противоречие на любой рассматриваемой фазе имеет антагонистический характер и может быть разрешено только социалистическим преобразованием способа производства. Оригинальность учения В. И. Ленина состоит в том, что он усвоил уроки К. Маркса и применил их при исследовании капитализма, достигшего своей высшей стадии [1].

Империализм есть «канун социальной революции пролетариата», поэтому борьба против империализма есть пустая фраза, если не борются против оппортунизма в рабочем движении.

Анализ приводит В. И. Ленина к открытию *закона неравномерного экономического и политического развития* капиталистических стран в эпоху империализма. Конечно, и К. Маркс отмечал, что развитие капитализма не есть равномерное развитие. Но В. И. Ленин, изучая закон неравномерного развития, делает вывод о том, что действие этого закона приводит к образованию очагов кризиса, узлов противоречий, благоприятствующих созданию *революционной ситуации.*

И если этим условиям соответствует наличие субъективных факторов, которые сами появились благодаря действию партии, способной понять и совладать с этой ситуацией, то социалистическая революция может пробить брешь там, где находится наиболее слабое звено.

По этому вопросу я отсылаю к статье, опубликованной 23 августа 1915 года, — «О лозунге Соединенных Штатов Европы». В. И. Ленин пишет:

«Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в

---

[1] См. работу В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма», написанную в 1916 году (Полн. собр. соч., т. 27, с. 299—426).

немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране»[1]. И далее в статье «Военная программа пролетарской революции» (сентябрь 1916 года):

«Развитие капитализма совершается в высшей степени неравномерно в различных странах. Иначе и не может быть при товарном производстве. Отсюда непреложный вывод: социализм не может победить одновременно *во всех* странах. Он победит первоначально в одной или нескольких странах, а остальные в течение некоторого времени останутся буржуазными или добуржуазными»[2].

Такой вывод был совершенно новым по отношению к учению К. Маркса и Ф. Энгельса. В «Принципах коммунизма» (1847) Ф. Энгельс, полагая, что капитализм ведет к выравниванию развития самых развитых обществ, писал: «...Коммунистическая революция... произойдет одновременно во всех цивилизованных странах, т. е., по крайней мере, в Англии, Америке, Франции и Германии»[3].

Преодолевая это положение, В. И. Ленин противопоставляет себя лидерам II Интернационала, которые недооценивали важность всемирных изменений, вызванных империализмом. Но вывод, к которому он пришел, не меньше был направлен и против лозунга Троцкого о Соединенных Штатах социалистической Европы.

Таким образом, В. И. Ленин давал большевикам возможность использовать ситуацию, созданную в России первой мировой войной. В то время как Г. В. Плеханов оспаривал объективную возможность победы социализма в России, В. И. Ленин сумел показать, что наиболее слабое звено в системе, созданной империалистическими странами, втянутыми в войну, была как раз Россия.

Одним из важных аспектов теоретического вклада В. И. Ленина в этот период явилось определение «революционной ситуации». В статье «Крах II Интернационала» (май — июнь 1915 года) он пишет:

«Для марксиста не подлежит сомнению, что революция невозможна без революционной ситуации, причем не всякая революционная ситуация приводит к революции. Каковы, вообще говоря, признаки революционной ситуации? Мы наверное не ошибемся, если укажем следующие три главные признака: 1) Невозможность для господствующих

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 354.
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 133.
[3] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 334.

классов сохранить в неизменном виде свое господство; тот или иной кризис «верхов», кризис политики господствующих классов, создающий трещину, в которую прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов. Для наступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы «низы не хотели», а требуется еще, чтобы «верхи не могли» жить по-старому. 2) Обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов. 3) Значительное повышение, в силу указанных причин, активности масс, в «мирную» эпоху дающих себя грабить спокойно, а в бурные времена привлекаемых, как всей обстановкой кризиса, *так и самими «верхами»*, к самостоятельному историческому выступлению.

Без этих объективных изменений, независимых от воли не только отдельных групп и партий, но и отдельных классов, революция — по общему правилу — невозможна. Совокупность этих объективных перемен и называется революционной ситуацией» [1].

Но, отметив, что такая ситуация была в России в 1859—1861, в 1879—1880 и в 1905 годах, в Германии в 1860-х годах, В. И. Ленин добавляет:

«...Не из всякой революционной ситуации возникает революция, а лишь такой ситуации, когда к перечисленным выше объективным переменам присоединяется субъективная, именно: присоединяется способность революционного *класса* на революционные массовые действия, достаточно *сильные*, чтобы сломить (или надломить) старое правительство, которое никогда, даже и в эпоху кризисов, не «упадет», если его не «уронят»» [2].

Это своего рода напоминание о том, что в свое время подчеркивали К. Маркс и Ф. Энгельс, а именно, что сами люди делают свою историю.

При этом основным вопросом революции является вопрос о *власти*.

«Переход государственной власти из рук одного в руки другого *класса* есть первый, главный, основной признак *революции* как в строго-научном, так и в практически-политическом значении этого понятия» [3].

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 218—219.
[2] Там же, с. 219.
[3] Там же, т. 31, с. 133.

Но решение этого основного вопроса никогда не бывает одинаково. В том, 1917 году больше всего поражает способность В. И. Ленина понять изменения ситуации и очень правильно их оценить, чтобы не отстать от жизни. Об этом диалектическом понимании можно получить представление, читая «Письма о тактике» (апрель 1917 года). В. И. Ленин критикует «старых большевиков», которые «не раз уже играли печальную роль в истории нашей партии, повторяя бессмысленно *заученную* формулу вместо *изучения* своеобразия новой живой действительности»[1]. Все, что далее следует, имеет самое большое значение для тех, кто задается вопросом, в чем научный социализм может быть *наукой революции*. В. И. Ленин цитирует Фауста Гёте: «Теория, друг мой, сера, но зелено вечное дерево жизни»[2]. Он показывает, что предвидение «в общем» может быть полностью подтверждено историей, но что «в конкретной действительности» это подтверждение оригинальнее, своеобразнее, пестрее, чем ожидают. В. И. Ленин показывает, что переход формулы в жизнь конкретизирует и видоизменяет ее, что тот, кто цепляется за старый лозунг, который больше не соответствует требованиям развивающейся ситуации, поворачивается спиной к революции.

«...Необходимо усвоить себе ту бесспорную истину, что марксист должен учитывать живую жизнь, точные факты *действительности*, а не продолжать цепляться за теорию вчерашнего дня, которая, как всякая теория, в лучшем случае лишь намечает основное, общее, лишь *приближается* к охватыванию сложности жизни» [3].

Что такая позиция не носит эпизодического характера, а основывается на долго созревавшем размышлении, может быть подтверждено при сопоставлении этих текстов с заметками о Гегеле в «Философских тетрадях», написанных в 1914—1916 годах.

В течение тех лет, которые предшествуют Октябрьской революции, В. И. Ленин, размышляя о «Науке логики» немецкого философа, углубляет диалектику. На полях гегелевского текста он пишет:

«*Совокупность всех* сторон явления, действительности и их (взаимо)*отношения* — вот из чего складывается истина» [4].

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 133.
[2] Там же, с. 134.
[3] Там же.
[4] Там же, т. 29, с. 178.

Истина, пишет Ленин, есть процесс и как таковой включает практику в свое движение [1]. «***Практика выше (теоретического) познания***, ибо она имеет не только достоинство всеобщности, но и непосредственной действительности» [2].

«Единство теоретической идеи (познания) *и практики*...» [3].

Если внимательно присмотреться к этому размышлению Ленина о диалектике как методе исследования, приспосабливаемом к действительности, становится ясно, почему Ленина не заставали врасплох быстрые изменения, которые происходили в мире в эпоху империализма, а также изменения, которые были характерны для России революционного периода. Согласно В. И. Ленину, если марксизм является наукой, то именно потому, что он дает возможность понимать действительность, которая меняется в ходе никогда не повторяющейся истории. Означает ли это, что марксистское понимание истории ведет к эмпиризму? Нет, ибо если истина всегда «конкретна», то это потому, что общее реально существует только в отдельном. Отсюда следует, что нельзя понять движение, подчиняя жизнь некоторой системе раз и навсегда установленных понятий. Так, например, в течение 1917 года В. И. Ленин не колеблясь менял свое понимание перехода к мирной революции в соответствии с изменяющейся ситуацией. Когда В. И. Ленин в «Апрельских тезисах» выдвинул лозунг «Вся власть Советам!», он не определял революционный процесс как процесс, который обязательно включает вооруженное насилие. В это время у В. И. Ленина речь еще не шла о том, чтобы свергнуть буржуазное правительство путем восстания. Существовала возможность того, что пролетариат возьмет власть мирным путем.

«Чтобы стать властью, сознательные рабочие должны завоевать большинство на свою сторону: *пока* нет насилия над массами, нет иного пути к власти. Мы не бланкисты, не сторонники захвата власти меньшинством. Мы — марксисты, сторонники пролетарской классовой борьбы против мелкобуржуазного угара, шовинизма-оборончества, фразы, зависимости от буржуазии» [4].

Но спустя несколько месяцев, в июле, силы контррево-

[1] См. там же, с. 183.
[2] Там же, с. 195.
[3] Там же, с. 200.
[4] Там же, т. 31, с. 147.

люции при пособничестве руководителей примиренческих партий переходят в наступление против народного движения и стремятся с помощью террора уничтожить революционный авангард — большевиков. Мирное завоевание власти в этих новых условиях становится невозможным. Отсюда В. И. Ленин делает выводы тактического плана. В статье «Политическое положение» он разъясняет, что «лозунг перехода всей власти к Советам был лозунгом мирного развития революции», возможного «до перехода фактической власти в руки военной диктатуры... Теперь этот лозунг уже неверен, ибо не считается с этим состоявшимся переходом и с полной изменой эсеров и меньшевиков революции на деле». Поэтому перспективой должно стать теперь «вооруженное восстание», которое обеспечит «переход власти в руки пролетариата, поддержанного беднейшим крестьянством» [1]. Это не означало, что В. И. Ленин отказался от задачи создания Республики Советов, изложенной в «Апрельских тезисах». Но путь ее достижения не мог быть тем путем, который предлагался в апреле.

В сентябре новые изменения. Провал корниловского заговора благодаря большевикам, мобилизовавшим массы против контрреволюционных попыток этого генерала-авантюриста, изменяет соотношение сил. В статье от 14 сентября («О компромиссах») В. И. Ленин констатирует: «Теперь наступил такой крутой и такой оригинальный поворот русской революции, что мы можем, как партия, предложить добровольный компромисс — правда, не буржуазии, нашему прямому и главному классовому врагу, а нашим ближайшим противникам, «главенствующим» мелкобуржуазно-демократическим партиям, эсерам и меньшевикам» [2]. Правительство, созданное на основе этого компромисса, «могло бы обеспечить с гигантской вероятностью мирное движение *вперед* всей российской революции...» [3].

Однако спустя несколько дней после написания этой статьи В. И. Ленин уже считает, что этот «шанс» был упущен. Тем не менее он не теряет из виду возможность мирного взятия власти, как об этом свидетельствует его статья от 9 и 10 октября «Задачи революции». Известно, что взя-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 2, 5.

[2] Там же, с. 134. Мимоходом В. И. Ленин напоминает, как в 1873 году Ф. Энгельс высмеивал бланкистов-коммунистов, враждебных всякому компромиссу.

[3] Там же, с. 135.

тие власти в ноябре 1917 года с помощью вооруженного восстания осуществилось в условиях, благоприятных для большевиков, которые шаг за шагом завоевали большинство в Советах рабочих и солдатских депутатов Петрограда и Москвы.

Напоминание об этом периоде, когда изменения происходили так быстро, имеет целью лишь показать, что для В. И. Ленина диалектика революционного процесса всегда имела конкретный характер. В. И. Ленин больше чем кто-либо был уверен в том, что история не есть простая последовательность событий; изучая К. Маркса и Ф. Энгельса, В. И. Ленин познал законы общественного развития. Однако если наука есть усвоение этих законов, то специфика революционной партии, которая руководит борьбой рабочего класса, заключается в том, чтобы дифференцировать каждый этап социального процесса, изучить ту или иную обстановку в ее своеобразии, вовремя понять *новизну* ситуации. Отсюда важность, которую В. И. Ленин придавал предвидению. Партия может руководить борьбой только в том случае, если она не находится в хвосте событий. Вместе с тем в этот решающий период В. И. Ленин проявляет способность быстро извлекать уроки из опыта. Для Ленина практика (см. его «Материализм и эмпириокритицизм») есть критерий объективно обоснованного познания. Это не значит, что сразу же возможна любая проверка. Все зависит от природы поставленной проблемы, от наличия конкретных условий, которые одни лишь и могут актуализировать гипотезу. Вот почему, когда в ноябре 1917 года В. И. Ленин говорил о возможности начала социалистической революции в других странах Западной Европы, в частности в Германии, для него не могло быть и речи о действительном программировании [1].

Еще одно замечание: Ленин не противопоставляет объективный характер законов истории возможностям вмешательства в сам ее процесс. Прежде всего потому, что революционная борьба, чтобы быть победоносной, должна опираться на эти законы. Но также и потому, что когда эта борьба приводит в движение значительные массы индивидов, заинтересованных в изменении, то она сама получает такие объективные результаты, которые видоизменяют

---

[1] См., в частности: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 60—61.

контекст, в котором она протекает. Отсюда важность, которую В. И. Ленин придавал исторической *инициативе*. Эту инициативу он понимал не как вторжение иррационального в ход вещей. А скорее как соответствующее использование возможностей, открывающихся в данный момент; инициатива в этом смысле есть генератор события[1].

Революционная стратегия не может привести к победе, если она не в состоянии решить проблемы *союза* между рабочим классом и теми социальными слоями, которые могут встать рядом с ним перед лицом общего противника.

В. И. Ленин показал важность этих проблем. Об этом можно судить по его книге «Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения» (1902). В этой работе Ленин подчеркивает необходимую роль революционной теории — теории, которая не носит догматического характера и может направлять деятельность только при условии, если сама она постоянно обогащается опытом. В. И. Ленин разъясняет, что рабочий класс поднимет свое сознание до политического уровня только в том случае, если проявит способность разобраться в сети общественных отношений, если приобретет верное представление о различных классах и их интересах, если он научится выступать в защиту любого дела, с которым смыкается его собственная борьба против угнетения. И это осознание совершается именно с помощью революционной партии[2].

Таким образом, В. И. Ленин в борьбе с «экономистами» неустанно утверждал один из самых ценных уроков научного социализма. Ведь К. Маркс и Ф. Энгельс еще в «Манифесте Коммунистической партии» показали, что пролетариат, поскольку он является до конца революционным классом и поскольку его победа не имеет целью заменить одну эксплуатацию другой, может и должен возгла-

---

[1] См. замечательную статью «Великий почин (О героизме рабочих в тылу. По поводу «коммунистических субботников»)», написанную В. И. Лениным в 1919 г.—Полн. собр. соч., т. 39.

[2] Небесполезно напомнить, что во времена дела Дрейфуса и в других случаях в нашей стране такие марксисты, как Жюль Гед, не считали для рабочего класса нужным вмешиваться в «дело», которое, казалось, его непосредственно не касается. В действительности диалектика демократии и социализма по-настоящему была усвоена революционным движением в нашей стране, когда Коммунистическая партия сумела определить верное направление для победы над фашизмом. Чуть ниже я вернусь к этому решающему этапу.

вить борьбу за демократию. Такое понимание революционной борьбы заключено в историческом материализме: в самом деле, социалистическая революция не возникает из ничего, она берет эстафету во всемирной истории, стало быть, ей непременно надлежит взять на себя заботу о демократических требованиях, которые выдвинула на первый план буржуазная революция, и успешно продвигать дальше на своей собственной почве демократические свободы и новые права.

В. И. Ленин плодотворно использовал этот урок, отвергнув тезис, согласно которому «борьба за демократию способна отвлечь пролетариат от социалистической революции, или заслонить, затенить ее и т. п. Напротив, как невозможен победоносный социализм, не осуществляющий полной демократии, так не может подготовиться к победе над буржуазией пролетариат, не ведущий всесторонней, последовательной и революционной борьбы за демократию» [1].

Такое понимание революционной борьбы составляет сердцевину ленинизма, его ценность и важность подтверждены опытом. Победа над фашизмом во Франции в 1934—1936 годах стала возможной потому, что Коммунистическая партия под руководством Мориса Тореза дала жизнь этому уроку в условиях, присущих нашей стране.

Нужно было бы долго обсуждать все аспекты этой истории, чтобы понять, в какой степени она имела решающее значение для будущего революционного движения во Франции, а также оценить ее значение для Европы (как это подчеркнул Г. Димитров на VII конгрессе Коммунистического Интернационала в 1935 году).

Вступление большинства Социалистической партии в III Интернационал в 1920 году имело четкий смысл: оно было осуществлено на *классовой* основе, при ясном понимании *универсального* характера Октябрьской революции 1917 года. Восстание на Черном море, активная поддержка передовыми французами молодого рабоче-крестьянского государства свидетельствовали о силе, глубине этого течения.

Но овладение ленинизмом, то есть наукой о революции, могло осуществляться лишь в том случае, если французские коммунисты научатся бороться и побеждать в

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 253.

условиях, отличных от тех, в которых боролись большевики. Чтобы понять трудность задачи, необходимо было бы проследить фактически всю историю Французской коммунистической партии до второй мировой войны. Что нужно было сделать на следующий день после съезда в Туре, чтобы французские коммунисты создали настоящую революционную партию? Нужно было порвать с оппортунистической практикой, характерной для старой Социалистической партии, покончить с представлениями, подчиняющими жизнь партии деятельности парламентской фракции, создать действенную партию, способную руководить борьбой непосредственно на местах эксплуатации — на предприятиях. Нужно было также покончить с анархо-синдикализмом, который недооценивал политическую борьбу и неправильно понимал природу отношений между партией и профсоюзом. В книге «Сын народа» Морис Торез напоминает, как в обстановке, созданной колониальной войной в Марокко, молодая партия набиралась опыта массовой работы.

Но скоро именно подъем фашизма поставит коммунистов перед новой ответственностью, перед задачами, имеющими международный размах. Когда сегодня читаешь некоторые рассуждения об истории международного коммунистического движения и об истории Советского Союза, то спрашиваешь себя, а существовал ли когда-то фашизм? Забыть фашизм — значит лишить себя возможности сказать что-либо толковое об СССР и Сталине той эпохи. А чтобы понять рост фашизма, угрозу, нависшую тогда над нашей страной, нужно напомнить кризис 1929—1930 годов, который нанес удар не только по рабочему классу, но и по средним слоям города и деревни. Для спасения своего господства самые реакционные, шовинистические и империалистические элементы французского финансового капитала проводили политику, имеющую целью перенести всю тяжесть кризиса на народные массы. Они пытались всеми средствами, в том числе насилием, заставить трудящихся расплачиваться за кризис. В этом французские реакционеры брали пример с крупной немецкой буржуазии, содействовавшей (материально, политически, идеологически) победе Адольфа Гитлера. В то время во Франции социалистические руководители не понимали природу фашизма; они видели в нем выступление мелкой буржуазии, взбунтовавшейся против крупной буржуазии, тогда как он был

слугой и инструментом в руках крупного капитала. Мировой экономический кризис явился продуктом капитализма. Чтобы помешать подъему народного движения, крупная буржуазия логично пришла к тому, что поставила под вопрос демократические завоевания, приобретения самой буржуазной революции. Все это — в преддверии новой империалистической войны, в условиях натравливания одного народа на другой.

Важная черта фашизма, черта, на которую не всегда обращали достаточно внимания, — это его демагогия. Чтобы превратить средние слои и самые неразвитые отряды рабочего класса в помощников в своей борьбе против революционного авангарда и вообще против демократического движения, фашизм придает себе «социальную» физиономию, «народную» внешность. Он использует в своих целях гнев средних слоев, жертв своей политики. Он использует безработных против своих братьев по классу, он вербует некоторые слои молодежи в полувоенные формирования, которым поручается усмирять демократическое и рабочее движение. Как раз в этих условиях генеральный секретарь партии (с 1930 года) Морис Торез призывает коммунистов работать не покладая рук во имя единства рабочего класса и объединения вокруг него всех слоев, заинтересованных в поражении фашизма. Так диалектически развивается от Единого фронта к Народному фронту политика ФКП, которая вынудила фашизм обороняться и привела к его поражению в мае 1936 года.

Итак, чтобы Коммунистическая партия Франции могла сыграть свою роль, стать во главе этого движения и изолировать крупную буржуазию, которая хотела устранить революционный авангард, она должна была первостепенное значение придавать единству рабочего класса. Первостепенная задача, но очень трудная, поскольку нужно было объединить течения, которые боролись друг с другом, — революционное и реформистское течения, — поскольку руководители Социалистической партии в принципе и на практике отвергали политику союза, выдвинутую Коммунистической партией.

Морис Торез не был во Франции первым, кто говорил о едином фронте. Но он понял: для того, чтобы такая политика одержала верх, нужно было преодолеть в рядах Коммунистической партии взгляды, которые сформировались в течение всего предыдущего периода. Нужно было

прояснить классовое содержание будущего союза. В зале Бюлье в 1932 году он провозгласил: «Все пролетарии — наши». Противоположность между революционным и реформистским течениями не означает, что рабочие-социалисты — враги коммунистов.

Рассматриваемая в свете исторического материализма, она означает, что Коммунистическая партия для выполнения своей революционной задачи должна вовлечь всех рабочих в борьбу на почве их общих интересов, классовых интересов. И именно в *действии* завязываются (между теми и другими) узы совместной борьбы, именно в действии рабочий класс приобретает необходимый ему опыт, именно в действии разграничиваются, с одной стороны, устарелые, а с другой — новаторские концепции, которые революционная партия предлагает всему рабочему классу; именно в действии и под давлением масс, которое дает свои плоды внутри Социалистической партии, руководители этой партии вынуждены были согласиться на союз, которого они не хотели [1]. «Невозможное» становится возможным. Из этого возможного возникает другое возможное — Народный фронт, который тоже рождается в действии, в борьбе, чтобы преградить путь фашизму.

Чтобы представить себе во всей совокупности это историческое движение, необходимо читать и перечитывать доклады, представленные Морисом Торезом на VIII съезде (Виллербан, январь 1936 года) [2] и на IX съезде (Арль, декабрь 1937 года) [3] ФКП.

Анализируя первые победы Народного фронта, Морис Торез заявил в Виллербане:

«...Совершенно ясно, что все это пришло не самотеком. Какая огромная работа и упорная борьба, в том числе внутри партии, потребовалась для того, чтобы она смогла приступить к выполнению своей исторической задачи по сплочению и организации трудящихся!

Многие из вопросов, которые сейчас кажутся простыми, не были ясны для всех в тот момент, когда Центральный

---

[1] 27 июля 1934 года Коммунистическая и Социалистическая партии Франции подписывают соглашение о единстве действий. Генеральный секретарь Социалистической партии Поль Фор заявил, что пришлось «подчиниться Единому фронту».

[2] См.: Торез М. Избр. произв. в двух томах, т. I. М., 1959, с. 104—187.

[3] См. там же, с. 201—299.

Комитет ставил их впервые. *Единый фронт, Народный фронт, любовь к своей стране, подлинное объединение французского народа* — таковы уже старые и в то же время совсем новые вопросы, которые Центральный Комитет должен был разъяснять и комментировать, не допуская их извращения или истолкования в оппортунистическом духе» [1].

Возникший опыт был новым; он имел успех именно потому, что французские коммунисты *вовремя* определили и применили революционную стратегию, соответствующую небывалой национальной и мировой обстановке. Надо было не замыкаться в анализе предыдущей ситуации, а как следует осознать своеобразие ситуации, вызванной ростом фашизма.

Было бы ошибочно думать, что Интернационал не понимал серьезности фашистской угрозы [2]. Но перед лицом такой опасности проблема заключалась в том, чтобы на первый план выдвинуть не лозунг Социалистической республики, а защиту демократии. При этом руководствовались уроками Ленина, в соответствии с которыми, как мы видели, революционная партия свою борьбу за социализм неразрывно соединяет с борьбой за демократию.

Хотя, как известно, еще в феврале 1934 года Морис Торез считал, что «по существу» нет разницы между буржуазной демократией и фашизмом, что и то и другое представляют собой «две формы диктатуры буржуазии», очень скоро он стал их дифференцировать. Об этом ярко свидетельствует национальная конференция в Иври (июнь 1934 года), посвященная созданию социалистическо-коммунистического Единого фронта, «единого фронта антифашистской борьбы», борьбы против войны.

«Бег на скорость, — заявляет Морис Торез, — завязывается между «нами» и фашизмом... И если мы не сделаем «больше, еще больше, всегда больше для Единого фронта», то фашизм может разбить рабочий класс. Однако мы не хотим, чтобы фашизм прошел во Франции».

Коммунисты, говорил также Морис Торез, «борются против всех форм буржуазной диктатуры, даже когда эта

---

[1] Там же, с. 171—172.

[2] См.: Cogniot G. Parti communiste français et Internationale communiste.—In: Willard G., Chambaz J., Bruhat J., Cogniot G., Gindin Cl. Le Front populaire, La France de 1934 a 1939. Paris, Editions sociales, 1972.

диктатура одевается в одежды буржуазной демократии. Но коммунисты никогда не бывают равнодушными к одежде, которую надевает политический режим буржуазии (...). Они защищали, защищают и будут защищать все демократические свободы, завоеванные самими массами».

Эти суждения основывались на практике, которую партия ежедневно имела в борьбе против фашистских организаций, разоблачая их демагогию, не отдавая им улицу и не отступая перед террором, который они намеревались установить. Эти суждения основывались на надлежащей оценке фашизма как продукта крупной буржуазии, отрицавшей наследие 1789 года. В декабре 1937 года на съезде в Арле Морис Торез заявил: «Фашизм сам объявляет себя противоположностью демократии. Так, диктаторы Рима и Берлина выступили в поход против идей 1789 года, против принципов Декларации прав человека и гражданина.

Ну что же! Нам, пролетариям и коммунистам, сынам французского народа, преемникам идей материалистов XVIII века, продолжателям революционной борьбы якобинцев, — нам нравится, что вопрос поставлен именно так: «Демократия или фашизм».

Именно так, в конкретной действительности сегодняшнего дня, ставится этот вопрос как перед рабочими — коммунистами и социалистами, так и перед их друзьями и союзниками из других республиканских партий» [1].

Так блестяще определена революционная задача, которую рабочий класс должен решить, если хочет обеспечить свое будущее. Это, следовательно, предполагало, чтобы он осознал, что демократия не является атрибутом буржуазии, что ее классовые интересы, враждебность социализму привели ее к отрицанию революции, которой она сама руководила, находясь в XVIII веке во главе общественного движения.

На следующий день после смерти Мориса Тореза Жак Дюкло, делясь своими воспоминаниями, рассказывал мне об усилиях, которые Морис Торез должен был приложить, чтобы убедить всю партию, помочь всем активистам понять особенность ситуации, вызванной ростом международного фашизма, и не останавливаться на устаревших тезисах [2].

---

[1] Торез М. Избр. произв., т. I, с. 232—233.

[2] «Мы поступаем как марксисты, отбрасывая безжизненные формулы»,—заявил Морис Торез на съезде в Арле.

Коммунистическая партия не стала бы крупной национальной силой, если бы она не сумела разобраться в обстановке 30-х годов и не разработала стратегию, которую требовал ход событий.

Итак, надо было овладеть конкретной диалектикой развивающейся ситуации, надо было не застрять в ловушке статического понимания — «буржуазия *есть* буржуазия», буржуазное государство, какова бы ни была его *форма*, всегда *идентично* самому себе. Рабочий класс осознавал, что «форма» в данном случае не простая кожура, что она в его борьбе может служить необходимой точкой опоры [1]. *Поскольку он есть до конца революционный класс,* ему надлежит поднять знамя демократических свобод и противопоставить его реакционной буржуазии, которая его растоптала. Сегодня, как и тогда, это не оборонительное выступление, а историческая задача, выполнение которой необходимо для успеха борьбы за социализм. Выполняя эту задачу, рабочий класс тем самым доказывает свою способность руководить всем демократическим движением (и вся история нашей страны с 1934 года показала, что это на самом деле так), сплотить союзников, что дает ему возможность изолировать наиболее опасные силы реакции. Вот почему на VII конгрессе Интернационала, состоявшемся в июле — августе 1935 года, Г. Димитров, исходя из учения Ленина, показал, что пролетариат не может подготовить себя к победе над буржуазией, если не будет вести развернутую, последовательную и революционную борьбу — каждое слово весомо — за демократию.

6 февраля 1934 года мятежники кричали: «Францию — французам». Важнейший аспект фашизма в самом деле состоял в том, чтобы представить себя в глазах французов, жертв кризиса, защитниками национальных интересов. Итак, чтобы не упустить основное звено («демократия или фашизм»), рабочий класс должен был не дать своим врагам рядиться в национальные одежды. Действи-

[1] Отмечено мимоходом, что для материалистической диалектики «форма» не является простой и пассивной внешностью. Она ничуть не менее реальна, чем «содержание», она есть проявление объективного процесса, даже когда она его скрывает. Присущие конкретной истории противоречия развиваются не независимо от «формы»; она их отражает и *развивает* по-своему. Но этот пункт, конечно, заслуживает анализа, который выходит за пределы темы нашей лекции.

тельно, разве спустя несколько лет не эти враги предали Францию Гитлеру («скорее Гитлер, чем Народный фронт!»)? Реакционная буржуазия могла сохранить свою власть только при предательстве интересов нации. Рабочий класс *как революционный класс* есть защитник этих интересов.

Но если практика многих десятилетий дала возможность усвоить эту конкретную диалектику (в частности, так было и в период Сопротивления нацистским оккупантам и их сообщникам, когда самые крупные жертвы в борьбе за освобождение страны принес рабочий класс), то вначале все было не так просто. Рабочие помнили колониальную войну в Марокко, империалистическую войну 1914—1918 годов, Парижскую Коммуну 1871 года, когда знамя версальцев и красное знамя противостояли друг другу. Не служил ли плохим делам «трехцветный лоскут»? Мог ли быть рабочий «патриотом»?

Заслугой Французской коммунистической партии тогда было то, что она показала: борьба рабочего класса и его союзников против фашизма есть продолжение подлинного патриотизма, народного патриотизма.

«Мы снова вернулись к «Марсельезе» и трехцветному флагу наших предков, солдат II года. Мы снова взяли строфы о свободе и использовали против фашистов, врагов французского народа, слова Руже де Лиля:

> Они и к нам и к нам придут,
> чтобы задушить детей невинных.
> *(Съезд в Арле)*

Фактически для нашего народа речь шла о преодолении ложного представления, которое пытались внедрить в его сознание враги, о том, что делает его *нацией*. Речь шла о распознании непрерывности грязной дороги, на которой по очереди увязали эмигранты Кобленца и те, кто готовил предательство Виши. И в противоположность этому массам необходимо было осознать преемственность традиций и борьбы, которые через века от Жанны д'Арк до солдат II года придавали народный смысл слову «родина».

Таким образом, 1934—1936 годы были временем решительного поворота, когда рабочий класс, соединив знамена Коммуны и Вальми, показал свою способность сплотить вокруг себя социальные слои, которые буржуазия хотела

привлечь на свою сторону, чтобы изолировать революционный авангард.

Вот почему в противоположность утверждениям троцкистов и других революционеров фразы коммунисты, ратуя «за объединение французского народа» (название доклада, представленного Морисом Торезом в Виллербане), вовсе не раздували пузыри «священного союза». «Священный союз» жертвовал интересами народа в пользу олигархии, эксплуататорского и привилегированного меньшинства. «Союз французского народа», сплоченный вокруг рабочего класса, направлен против этого паразитического меньшинства. Безусловно, роспуск Народного фронта, мюнхенская капитуляция, «странная война», оккупация подвергли наш народ тяжелому испытанию. Но как ошиблись бы те, кто подумал бы, что опыт, приобретенный в годы, о которых я только что говорил, пропал даром! Как раз вокруг рабочего класса, класса, способного понять и чувствовать свою исключительную связь с нацией, сопротивление французского народа своим врагам сплачивалось, разнообразилось и ширилось[1]. В течение этого периода Коммунистическая партия была объектом жестоких репрессий. Но после Освобождения она стала первой партией Франции. Ее авторитет вырос не только в рабочем классе, она приобрела новых приверженцев и поддержку во всех кругах, способных к восприятию национальных интересов.

Еще одно слово: диалектика отношения «класс — нация», которая формировалась благодаря инициативе коммунистов, была в то же время диалектикой отношения «патриотизм — интернационализм». Борьба классов развертывается в международном масштабе. Содержание пролетарского интернационализма базируется на общности интересов, объединяющих рабочих, трудящихся всех стран перед капиталистической эксплуатацией. Но нация как реальность обязана своим существованием, особенно во Франции, борьбе революционной буржуазии, и именно в таким образом сложившихся условиях рабочий класс каждой страны ведет свою борьбу. Следовательно, обязанности пролетарского революционера могут быть выполнены только тогда, когда он способен бороться с капиталистической буржуазией своей собственной страны. Эта буржуа-

[1] Так появился Национальный фронт за освобождение и независимость Франции.

зия, каковы бы ни были противоречия в тот или иной момент, которые ее противопоставляют буржуазии других стран, не менее солидарна как эксплуататорский класс со всей буржуазией в мировом масштабе. И опыт показывает, что французская буржуазия не колеблется для сохранения своего господства жертвовать национальными интересами, продавая независимость страны. Интернационализм и патриотизм суть два неразрывных аспекта борьбы рабочего класса. Но реакционная буржуазия может одновременно или последовательно проявлять себя как «националистическая» или космополитическая.

Я здесь не развиваю этот вопрос, который сохраняет и поныне свою актуальность. Но я хочу подчеркнуть, что он не может быть правильно решен, если рабочее движение уступает оппортунизму. Оппортунизм, будь он «левый» или правый, ставит проблему в ложных терминах. Смешивая патриотизм и шовинизм, он отказывается признать национальную роль рабочего класса под предлогом интернационализма. Однако для него характерно такое же ошибочное понимание интернационализма. Известна его, например, позиция во времена плана Маршалла, затем в период создания Общего рынка. Подчинение нашей страны интересам крупного капитала (американского, европейского) лидеры социал-демократии представляли как победу социализма...

Далее я представлю некоторые соображения о том, чем может быть диалектика процесса преобразования в современных французских условиях, то есть в борьбе за то, чтобы положить конец ГМК (государственно-монополистическому капитализму).

ГМК возник в общем контексте империализма. Он характеризуется как ярко выраженная монополизация основных отраслей экономики и как вмешательство государства в экономику, настолько сильное в экономическом, политическом и социальном плане, что имеется глубокое взаимопроникновение государства и монополий (известно, что за последний период фирмы многонационального типа получают возрастающее значение).

Из этой ситуации вытекает очень важное следствие, которое все больше обращает на себя внимание в жизни

нашей страны. Раньше буржуазное государство могло сохранять некоторую дистанцию между собой и механизмами государства, оно могло представлять себя с некоторым успехом как арбитра «над классами» (эту тему развивал председатель совета министров Ж. Ланьель во время забастовок в 1953 году). Сегодня государство все больше представлено во всей экономической и социальной системе. Его деятельность осуществляется постоянно, чтобы увековечить и усилить процесс эксплуатации, являющийся сердцевиной капиталистического способа производства. Государство вмешивается для того, чтобы облегчить и ускорить капиталистическую концентрацию, интенсифицировать накопление, сохранить среднюю норму прибыли для крупных фирм, влиять на движение цен, направлять сельскохозяйственное производство и региональную экономику и т. д. А персонализация власти может лишь способствовать тому, что общественное мнение осознает этот вездесущий характер государства, являющегося фактически государством крупного капитала.

В этих условиях связь между экономической, социальной и политической борьбой может быть больше, чем раньше, доступна сознанию широких масс. Следовательно, буржуазное государство должно больше, чем раньше, сталкиваться с непосредственной борьбой за жизненные права различных социальных слоев. Тем более что — и это существенное отличие от III и IV Республик — средние слои, как никогда, чувствуют себя удаленными от центров управления. Они с горечью узнают, что это вездесущее государство, которое вмешивается во все, не их государство, что власть осуществляют круги промышленной и финансовой олигархии, а роль выборных собраний не прекращает сужаться. Отсюда следует, что экономические, социальные и культурные требования этих слоев не могут быть сформулированы без включения или определения политического выбора. Пример: защитники реформы Аби не смогли, как этого хотели, ограничить обсуждение чисто педагогическими рамками. Отражая требования крупного предпринимателя в том, что касается школы и образования, эта «реформа» имеет целью защитить и консолидировать власть крупной буржуазии. Когда студент, преподаватель отвергает ее, то он делает одновременно две вещи: он борется против власти и против Национального совета французских предпринимателей (КНПФ). Притом неза-

висимо от его политических убеждений[1]. В наши дни защита *государственного* характера обучения на любом уровне означает фактически выступление против политики крупных предпринимателей, которые хотят полностью вершить судьбами университета, приспособить школу к тому, что называют «потребностями экономики», подчиненной монополиям.

Суть моего выступления заключается не в том, чтобы повторить, что ГМК переживает кризис, а в том, чтобы напомнить три аспекта складывающейся ситуации:

1. Глобальный и фундаментальный кризис имеет своим источником господство денежного мешка в нашей стране. В настоящее время это господство находится под вопросом не только в нашей стране, но и в различных странах, являющихся жертвами кризиса такой системы. И соревнование между капитализмом и социализмом все больше и больше подтверждает превосходство социализма как системы, где рабочая сила избавлена от эксплуатации.

2. Диалектика системы такова, что попытки крупной буржуазии преодолеть кризис приводят к его обострению. Так, например, власть прижимает не только мелкие и средние предприятия, но и те крупные предприятия, которые не могут выйти на мировую арену, что усугубляет безработицу. Следует также отметить, что та логика, которую власть представляет и защищает, содействует ликвидации скромных крестьянских хозяйств. Недавно во время своей ознакомительной поездки в Лимузин я смог видеть, что это конкретно означает. Чтобы быть «конкурентоспособными», как это рекомендовало правительство, которое желает-де семейным крестьянским хозяйствам добра, некоторые крестьяне модернизировали свое хозяйство. Но логика модернизации связана с использованием более мощного сельскохозяйственного оборудования, а они не могут приобрести новые земли, нужные им для лучшего использования своего оборудования. Производители не могут приобрести новые средства производства. Почему? По-

[1] Один из вечеров Недели марксистской мысли в 1974 году на тему «О морали и обществе» был посвящен культуре. Я отсылаю к дебатам между Ж. Шамбазом и Р. Ремоном. Для Ремона кризис культуры есть такое явление, которое присуще всякой культуре; он не является аспектом, проявлением того, что, с точки зрения Шамбаза, следует рассматривать как общий кризис французского общества. См.: Morale et société. Semaine de la Pensée marxiste. Editions sociales.

тому что наши крестьяне отстранены от земельного рынка, потому что земля является добычей спекулянтов... Таким образом, одна и та же система «толкает» мелкого землевладельца на «модернизацию» хозяйства, если он хочет выжить, и мешает ему в то же время выдерживать конкуренцию со скупщиками земли. Здесь очень хорошо видно, как экономическая и социальная система увязает в кризисе, который сама порождает. Мальтузианство, навязанное государственной властью нашему сельскому хозяйству (регламентация за регламентацией, авторитарное ограничение производства и т. д.), и железные тиски Общего рынка привели к тому, что поставлено под вопрос сельское хозяйство как важный полюс национальной экономики, как деятельность, способная удовлетворить соответствующие потребности страны. Вот как диалектика крупного капитала приводит его к изоляции. Известно, что буржуазия в течение долгих десятилетий умела обеспечить себе ценную поддержку со стороны сельской Франции. В наши дни все больше и больше семейных земледельцев (которые в сельскохозяйственном производстве составляют явно бо́льшую часть населения) задаются вопросом: если мы хотим, чтобы французское сельское хозяйство удовлетворяло потребности страны, и если мы хотим, чтобы оно находило рынки сбыта за пределами страны, то не следует ли освободить его от пут, которыми его связала эта власть?

Примеры можно было бы умножить. Не самый ли показательный пример с энергоресурсами? Власть крупной буржуазии годами делала все, чтобы убедить французов в том, что «конкурентоспособная» экономика может развиваться только благодаря нефти и что эксплуатация угольных шахт в самой Франции стоит слишком дорого. Разумеется, исходя из логики системы, таково было веление рентабельности. Последствия этого известны. Повышение цен на нефть показало, до какой степени эта логика системы противоречит интересам нашей страны, требованиям национальной экономики, способной удовлетворить потребности народа.

3. Кризис жестоко бьет по рабочему классу. Но в различной степени и в многообразных формах он затрагивает огромное большинство французов. Все слои населения, являющиеся жертвами этого кризиса общества, находят, следовательно, в своих собственных интересах не только источник тех мотиваций, которые их все больше и больше

противопоставляют монополиям, но и основание заключить союз с рабочим классом, то есть с основной силой социалистической революции. Даже когда они не благосклонны к социализму...

Таким образом, именно в объективном движении общественных отношений кроется возможность объединения, возможность организации союза народа Франции.

Вспоминая 30-е годы во Франции, я только что говорил, что «священный союз» и «союз французской нации» являются двумя противоположными понятиями. Господствующая олигархия страны хорошо понимает революционное значение «союза народа Франции». Она понимает, что этот союз имеет *классовое содержание*, ибо он означает сплочение вокруг рабочего класса всех социальных слоев, заинтересованных в освобождении страны от власти денег.

Акцентируя внимания на классовом содержании Совместной программы [1], становится возможным понять, что ее победа откроет новый этап в диалектике общественных отношений. Известно, что во время разработки Совместной программы основное разногласие между коммунистами и социалистами касалось проблемы национализации. Социалистическая партия хотела максимально ограничить число национализируемых предприятий, предусмотренных программой. Однако глубокие изменения возможны лишь тогда, когда решающие полюсы экономики переходят под демократический контроль нации.

Примечательна позиция крупной буржуазии в отношении Совместной программы. Именно ввиду содержания этой программы она ее критикует и пытается вернуть Социалистическую партию на почву классового сотрудничества.

Эта программа не является программой строительства социалистического общества. Но ее реализация позволит рабочему классу и его союзникам осуществить новаторский опыт, который откроет путь к социалистической Франции, и это в двояком отношении:

— поражение власти монополий, значительное ограничение средств, которыми в настоящее время располагает

---

[1] Речь идет о Совместной правительственной программе, принятой Французской коммунистической партией и Французской социалистической партией 27 июня 1972 года.— В связи с этим см. Послесловие.— *Прим. ред.*

крупный капитал, создадут ситуацию гораздо более благоприятную для рабочего класса, для всех народных сил;

— диалектика этого объективного процесса приведет в субъективном плане к росту массового сознания: конкретно миллионам людей станет ясно, что власть денег преодолима, что возможно другое общество, где жизнь лучше.

Кое-кто от имени левых сил хотел бы представить Совместную программу как предвозвестник отказа от классовой борьбы. Она с этой точки зрения будто бы представляет собой компромисс с крупной буржуазией. Глубоко ошибочное суждение, ибо целью Совместной программы является ликвидация господства монополий над страной, развитие экономической, социальной и политической демократии, какой наш народ никогда не знал. Более того, Совместная программа не есть компромисс с реформизмом внутри рабочего движения. Конечно, в некоторых положениях этой программы фиксируется определенное равновесие между предложениями коммунистов и предложениями социалистов. Но в своей фундаментальной направленности и целостности эта программа имеет революционное значение. Она является плодом продолжительной массовой работы, проводимой Коммунистической партией. Эта работа привела к тому, что Социалистическая партия согласилась на Совместную программу, хотя она долго отвергала сам ее принцип. Но эта партия, как показывает практика, не взяла твердых обязательств: если бы влияние Коммунистической партии ослабло, то Социалистическая партия могла бы уступить давлению крупной буржуазии.

Революционное значение Совместной программы проявляется сразу же, как только признается *антагонистический* характер противоречия, средство разрешения которого она дает. Речь идет об антагонизме между интересами монополистической олигархии и интересами всех социальных слоев, которые заинтересованы в присоединении к борьбе рабочего класса против ограниченного меньшинства, господствующего над страной (и среди этих слоев находится немонополистическая буржуазия, жертва процесса концентрации, который все более и более открыто совершается в пользу наиболее мощных фирм).

Диалектика классовых отношений в нашей стране после вступления Совместной программы в действие, конечно,

не может быть описана заранее. Но некоторые процессы можно предсказать, если не терять из виду два фундаментальных и неразрывных аспекта:

1. С одной стороны, как я только что подчеркнул, Совместная программа имеет классовое содержание, поэтому ее главная задача — освобождение страны от власти монополий.

2. С другой стороны, эта программа будет реализована лишь в том случае, если рабочий класс и все силы, заинтересованные в изменении, постоянно будут вмешиваться с целью ее осуществления. Именно при таком условии, если можно так выразиться, «передовая демократия» будет продвигающейся демократией. Чтобы процесс демократизации совершался, недостаточно, чтобы большинство французов высказалось за Совместную программу. Нужно еще, чтобы народные массы мобилизовались, действовали, взяли реализацию программы в свои руки и защищали свои завоевания. В самом деле, немыслимо считать, что классовый враг не будет реагировать на эти изменения. Мы знаем, что реакционные руководители США враждебны к таким преобразованиям в нашей стране. Но разве эти господа одни в мире? Эволюция международной обстановки, успехи мирного сосуществования, навязанного отступающему империализму, достижения социалистических стран, развитие рабочего и демократического движения в Европе — все это объективные факторы, которые будут благоприятствовать демократическому преобразованию нашей страны. Франция, освобожденная от господства крупного капитала, будет иметь много друзей в Европе и мире. Этим будет облегчен ее переход к социализму.

Такой опыт будет иметь характер *качественного* изменения одновременно в экономическом, социальном и политическом плане. Его следствием будет не только слом власти монополий, но и направление ключевых отраслей экономики в совершенно новое русло. Их конечной целью больше не будет прибыль для олигархии, а удовлетворение потребностей народа. Это произойдет благодаря совместному выступлению новой власти (основанной на одобрении народом, которое будет проявляться на всеобщих выборах) и тружеников-граждан в различных сферах экономической, социальной и политической жизни.

Таким образом, начнется движение, которое будет черпать свою силу в своем собственном развитии. Так, напри-

мер, разовьется диалектика производства и потребления: потребности народа в нашей стране, освобожденной от господства крупного капитала, будут не только конечной целью производства, но и его движущей силой.

Так (еще один пример) будет и с развитием диалектики отношения между экономикой и демократическими реформами, предусмотренными Совместной программой. В самом деле, демократическая национализация ключевых отраслей экономики вызовет новое развитие (также демократическим путем) научных исследований, преобразование (тоже демократическим путем) и модернизацию образования, подлинное непрерывное обучение. В свою очередь это развитие исследований, обучения и образования, вообще подъем культурной жизни будут содействовать и стимулировать прогресс новой экономики.

Активизация политической и профсоюзной деятельности, стимулируемая преобразованиями в обществе, облегчит сами эти преобразования. Располагая благодаря реализации Совместной программы мощными средствами вмешательства в развитие страны, трудящиеся осознают свою растущую силу, эффективность своего воздействия. Поэтому они сами найдут достаточно причин стремиться к тому, чтобы развитие, начатое победой Совместной программы, продолжалось. Приобретенный ими опыт поощрит их поставить нашу страну на путь социализма.

Диалектика передовой демократии, общие черты которой даны в Совместной программе, есть диалектика качественного изменения, которое совершится в течение определенного периода. Она все больше и больше будет ограничивать объективные возможности возврата к прошлому. Развитие этой новой демократии принесет свои плоды во всех аспектах национальной жизни, на всех уровнях французского общества, в результате чего соотношение сил все больше и больше будет меняться в пользу рабочего класса и его союзников.

В самом деле, Совместная программа во всех своих аспектах будет генератором диалектики отношения нового и старого. Диалектики, в которой новое будет укрепляться в том числе и путем привлечения старых форм, чтобы использовать их в своих целях. Пример: в то время как власть монополий значительно снизила роль муниципальных советов, последние обретут новую жизнь и будут располагать новыми средствами.

Осуществление Совместной программы, *поскольку оно будет делом народных масс*, станет генератором дальнейшего движения вперед, опирающегося на первые победы.

Конечно, эту диалектику нельзя понять, если демократию и социализм представлять как две отдельные сферы, то есть когда игнорируется упомянутый нами урок В. И. Ленина: пути к социализму открываются борьбой за развитие демократии. Вызов, брошенный коммунистами крупной буржуазии, — это именно «демократический вызов». Именно на почве демократии, где буржуазия чувствует себя все более и более неудобно, она будет изолирована.

Защитники власти монополий это поняли. Вот почему они пытаются запугивать французов, повторяя им, что победа левых сил на выборах приведет в действие безжалостный механизм. Франция, говорят они, станет жертвой «механики», которая лишит французов дальнейшего выбора и возможности возврата назад. Это ложь, ибо Совместная программа носит глубоко демократический характер и ее положения будут реализовываться суверенным решением, вмешательством трудящихся, граждан.

Но в силу своего глобального характера Совместная программа не может быть претворена в жизнь лишь в тех или иных частях, без потребности реализации других частей.

Замечание: сказать, что строительство новой демократии на всех участках предполагает активность рабочего класса, выступление всех слоев, заинтересованных в победе над крупным капиталом, не значит, что внутри этого процесса не возникнет никаких противоречий. Уже сегодня мы знаем, что в рядах самого рабочего класса, ведущего борьбу против эксплуатации, не всякое выступление определенной части рабочего класса заканчивается в любых условиях его победой; нам известно, что во многих случаях этому движению для победы нужна поддержка других слоев рабочего класса и шире — других слоев трудящегося населения; мы знаем также, что и власть крупной буржуазии изо всех сил старается помешать борющимся трудящимся найти поддержку в народе.

Но эти явления несут в себе будущее. Они означают, что, поскольку кризис французского общества принял глобальный характер, трудящиеся, ведущие борьбу за те или иные требования, все больше чувствуют, что эта борьба вписывается в общую борьбу. Об этом свидетельствуют их стремление не оказаться в изоляции, их забота об обеспе-

чении поддержки населения. И все это характерно не только для рабочего класса. Мы это теперь наблюдаем и среди трудового крестьянства. Борьба семейных земледельцев существенно обогатила их опыт. Во французских деревнях начали понимать, что «помощь», предоставляемая правительством, не решает всех проблем; мелкие земледельцы все чаще и чаще приходят к мысли, что в дальнейшем необходима широкая сельскохозяйственная политика. Они не хотят, чтобы сельское хозяйство зашло в тупик, вынужденное жить «подачками». Чем больше они осознают общенациональное значение своей борьбы, тем больше стремятся опереться на солидарность других слоев трудящихся, в частности рабочего класса.

Если я на этом настаиваю, то только затем, чтобы подчеркнуть, что *уже сегодня* накапливается опыт, который завтра будет весьма ценен: опыт солидарности и взаимодействия различных форм борьбы. В строительстве экономической, политической и социальной демократии, которую призвана реализовать Совместная программа, недооценка позиций различных слоев и категорий привела бы к риску ослабить весь происходящий процесс. Тогда классовый враг мог бы воспользоваться в своих целях противоречиями между теми или иными частями населения, как это случилось в Чили.

Это значит, что народное движение для обеспечения своего будущего не должно отставать от задач, поставленных его собственным развитием, и не должно в то же время перескакивать через необходимые этапы, ибо это привело бы к изоляции авангарда. Вместе с тем это показывает, что движение не может развиваться без интенсивной борьбы идей. На всех уровнях проблемы будут решаться лишь благодаря сознательному вмешательству общественных сил, участие которых понадобится для действительного решения этих проблем. Можно предвидеть, что в строительстве социалистической Франции борьба идей будет иметь возрастающее значение. Она обусловит подъем общественного сознания, развитие чувства индивидуальной и коллективной ответственности.

Этот процесс тем более легко предвидеть, что будет плюрализм политических партий, а соперничество между революционными и реформистскими идеями продолжится в новых условиях. Это потребует постоянного присутствия и возрастающей активности Коммунистической партии,

способной своевременно ставить проблемы экономического, социального, политического и культурного развития. Еще в «Манифесте», принятом в Шампиньи (1968), делалось ударение на роли революционной партии в передовой демократии.

К. Маркс не изобрел классовую борьбу. Но именно научный социализм дает возможность рабочему классу иметь неиллюзорное представление об историческом процессе; и именно научный социализм дает ему возможность вмешиваться самым действенным образом в этот процесс.

Функция Коммунистической партии — это установление связи между рабочим движением и теорией. Эта связь превращает партию одновременно в воспитателя и воспитываемого, так как она учит рабочий класс, массы и в свою очередь учится у них.

Post scriptum

а) Целью этого изложения (представленного в 1975 году в Центре марксистских исследований), конечно, не является создание «диалектики революции». Впрочем, такой замысел всегда будет обгоняться событиями. Марксизм растворился бы (и не было бы тогда основания говорить о марксистской философии), если бы не сумел определить и изложить *теоретический* момент, который не сводится к той или иной данной исторической ситуации. Таким теоретическим моментом являются, например, в «Философских тетрадях» В. И. Ленина его размышления о категориях, о материалистической диалектике. Но именно в конкретном анализе конкретной ситуации, в ходе неповторяющейся истории революционная партия доказывает свою состоятельность. Разве В. И. Ленин не говорил, что истина «всегда конкретна»? Вот почему я напомнил о борьбе, которую вел В. И. Ленин в 1917 году против понимания исторического движения как повторения. Я мог бы развить этот аспект более пространно; как и в отношении опыта Французской коммунистической партии в годы борьбы против фашизма. В книге «Сын народа» Морис Торез подчеркнул, что задача, вставшая перед французскими коммунистами на следующий день после Учредительного съезда в Туре, заключалась в том, чтобы овладеть живым марксизмом, как это сумел сделать В. И. Ленин. «Научиться побеждать, — писал Морис Торез, — в специфических условиях Франции». По этому поводу я отмечал, как ФКП в борьбе против фашизма поставила по-новому для нашей

страны проблему отношений с реформистским течением. Я мог бы также подчеркнуть новаторское значение политики «протянутой руки» к трудящимся-христианам. В самом деле, именно на диалектическом представлении о современной Франции, на диалектической оценке классовых отношений основывал Морис Торез объективную возможность совместных действий трудящихся — верующих и неверующих — против их смертельного врага. Рассмотрение идеологий в абсолюте антидиалектично. Их как раз нужно рассматривать в движении классовой борьбы. Тогда могут возникнуть ситуации, когда противоположность между идеологиями не мешает совместной деятельности социальных слоев; тем более внутри одного и того же класса. И опыт показал, как в 1934—1936 годы и позже, во время Национального сопротивления, совместные действия объединяли людей с глубоко различными мировоззрениями. К тому же именно в действии изменяется сознание индивидов и групп; по этому вопросу современная история церкви дает многочисленные свидетельства.

б) Моя лекция была прочитана за несколько месяцев до открытия XXII съезда Французской коммунистической партии [1]. Если бы мне пришлось повторить суть сказанного в условиях, созданных XXII съездом, то я, конечно, подчеркнул бы углубление кризиса французского общества, новые аспекты, которые выявили прения на XXII съезде. Несомненно, особо подчеркнул бы обострение *кризиса государства.* Нельзя во французских условиях кризиса государственно-монополистического капитализма механически повторять лозунг: «Сломать государство». Буржуазное государство за последние десятилетия сильно изменилось. Можно было бы подробно показать, что его функции изменились под давлением потребностей монополий. Я только подчеркну, что в его недрах развиваются противоречия, которые в специфических формах демонстрируют успех сил, заинтересованных в изменениях в нашей стране. Отсюда, например, ситуация, которая складывается в армии, где утверждается стремление к демократическому изменению статуса офицера, унтер-офицера, солдата: это вопрос, который сейчас стал уже объектом обсуждения в национальном масштабе. Таким образом, власть крупных монополий больше не может рассматривать ар-

[1] XXII съезд ФКП состоялся в 1976 году.— *Прим. ред.*

мию как огромный пассивный и податливый организм. То же самое касается и судейского сословия. В то самое время, когда пишутся эти строки, можно увидеть, как возрастающее число судей практически выработало в контексте нынешней социальной и политической борьбы новое понимание своих функций и отвергает понимание, которое пытаются ему навязать руководители реакционной буржуазии. Мы могли бы умножить примеры, которые показали бы, что нельзя иметь схематическое представление о «государственном аппарате» и «идеологических аппаратах государства». Ибо классовая борьба представлена в системе самих государственных институтов. Здесь нет ничего таинственного. Ведь государственные и общественные службы во Франции дают работу нескольким миллионам трудящихся. Понятно, что в таких условиях одной из целей власти монополий является (каждый раз, когда это возможно) посягательство на гарантии, которые трудящиеся государственной службы находят в «Законе о государственных служащих», принятом еще в период Освобождения по инициативе министра-коммуниста. Понятно, что представители крупного капитала мечтают применить во Франции дискриминационные меры, которые в ФРГ бьют по служащим-коммунистам и по многим другим. Понятно также, что промышленная и финансовая олигархия все больше и больше ставит своих людей на ключевые посты за неимением возможности уверенно опираться на самих служащих; министерские кабинеты, кабинет президента республики им предоставляют средства авторитарного вмешательства, выходящего за пределы установленных предписаний, которые государственные служащие во Франции по привычке аккуратно соблюдают.

Не забудем, что в 1789 году революционное преобразование французского общества было подготовлено непосредственно кризисом феодального государства. Победившая буржуазия сумела выработать и навязать на многие десятилетия образ надклассового государства, бесстрастного служителя общих интересов. В наши дни эта всеобщность все больше и больше оспаривается. Даже высшие круги католической церкви (см. заявления монсеньора Эчегаре) ставят под сомнение традиционное понимание государства как служителя всех. Когда XXII съезд Французской коммунистической партии призывает французов освободить государство от всевластия «современных

феодалов», предлагая им бороться за создание действительно демократического государства, находящегося на службе всех трудящихся, то он идет в русле истории.

XXII съезд поставил в центр своей работы идею, которая заключается в том, что социализм — это демократия до конца, что строительство социалистической Франции «может быть только демократическим делом большинства французского народа», а рабочий класс является руководящей силой народной борьбы за изменения — изменения, историческую необходимость которых еще больше выявляет кризис государственно-монополистического капитализма. И именно в самой диалектике развивающейся демократии социалистическая Франция найдет собственные средства защиты своих завоеваний.

в) Другие многочисленные аспекты потребовали бы дифференцированного изучения... Например, такой аспект: показать, как всеобщность социализма осуществляется в условиях, характерных для каждой страны. Диалектика всеобщего и отдельного носит конкретный характер. Разве всеобщее было бы подлинно всеобщим, если бы оно сводилось к простому повторению, то есть к пустой форме? И отдельное может развиваться лишь тогда, когда не порывает своих связей с историческим движением, которое ведет человечество к социализму. Изучение отношений между международным рабочим движением и национальной действительностью требует диалектического понимания соотношения всеобщего и отдельного.

Означает ли это, что всеобщее никогда не проявляет себя *как таковое* в историческом процессе? Нет, не означает, ибо всеобщий характер социализма как способа производства, к которому должно прийти человечество, чтобы освободиться от капиталистических отношений эксплуатации, утверждается все больше и больше в опыте революционной борьбы за социализм в странах, где еще господствует капитализм, и в опыте народов, строящих общество без эксплуататорского класса. Кроме того, в этом богатом и разнообразном историческом процессе все более ясно выражается требование таких объективных условий, которые в коммунистическом обществе обеспечили бы самое полное человеческое развитие каждого индивида. Именно здесь всеобщее как таковое как бы проглядывает через борьбу, которая приводит человечество к освобождению.

Жан-Пьер Коттен

МОЖНО ЛИ «ИЗОЛИРОВАТЬ» ДИАЛЕКТИКУ? (ЗАКОНЫ, КАТЕГОРИИ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ПРАКТИКА)

Название этой лекции может показаться загадочным или по крайней мере двусмысленным, поддающимся различным интерпретациям. Поэтому я хотел бы начать с замечания об обыденном и научном значении глагола «изолировать» [1]. Итак, возьмем любой словарь: изолировать — это глагол, который употребляют в таких выражениях, как «*изолировать простое тело, вирус,* отделить его от его комбинации или от среды, с которой обычно он связан» («Petit Robert»). В более общем, но вместе с тем в более неопределенном смысле изолировать означает абстрагировать, различать, отделять.

---

[1] Нужно было бы специально остановиться на этом различии «народного» и «научного» языка. В самом деле, проблемы, поставленные в марксистской философии, являются проблемами, которыми интересуются массы, какими бы «трудными» они ни были, исторически марксистско-ленинская философия стала органической идеологией революционного рабочего класса. Очень важно выяснить как связь, так и различия между современными формами языка в том виде, в каком он в настоящее время используется массами и служит инструментом господствующей идеологии (это касается как «синтаксиса», так и «лексики»), и типом языка, который применяется марксистами для распространения своего нового мировоззрения. Марксистские понятия в своей специфичности требуют точного языка, но если они так представлены, что связь с повседневным языком массами больше не ощущается, эти понятия не могут стать их органической собственностью. Не заботиться об этом значило бы не порывать с элитарной концепцией культуры и философии, это значило бы, как мне кажется, не иметь достаточно точного представления о формах и силе внедрения господствующей идеологии в капиталистическом обществе. На этот счет имеются очень содержательные формулировки у А. Грамши, хотя их и нельзя считать достаточными и законченными.

Но скажут, что тут общего с проблемами, которые ставит диалектика, материалистическая диалектика?

Прежде чем прямо ответить на этот вопрос и представить вам план аргументации, которую я намерен изложить, я хотел бы привести две цитаты, но вовсе не затем, чтобы играть в цитаты, известные или нет, или скрыться за авторитетами, как это делали в средние века теологи, — за авторитетами, которых в то время достаточно было прокомментировать, ибо они гарантировали своим фактическим присутствием саму истину [1].

Сначала формула В. И. Ленина:

«Разработать:

Плеханов написал о философии (диалектике), вероятно, до 1000 страниц (Бельтов+против Богданова+против кантианцев+основные вопросы etc. etc.). Из них *о* большой Логике, *по поводу* нее, *ее* мысли (т. е. *собственно* диалектика как философская наука) nil!!» [2].

Эта цитата, очень классическая, определяет диалектику как «философскую науку», значит, по-видимому, как нечто самостоятельное, изолируемое, относительно независимое, по крайней мере специфическое. Затем формула, которая дает возможность оценить состояние дел у французских марксистов, формула Люсьена Сэва в его вступительном слове на коллоквиуме в Орсей (4—5 декабря 1971 года) «Ленин и научная практика». Говоря о самых важных проблемах, которые ставит материалистическая диалектика, Л. Сэв писал:

«По-видимому, можно обозначить как средоточие этих проблем вопрос о том, *изолируема* ли марксистская диалектика *как таковая* (...). Если, согласно формуле Ленина из работы «Шаг вперед, два шага назад», «основное положение диалектики: абстрактной истины нет, истина всегда конкретна», то какого рода «истина» могла бы иметь место в изложении марксистской диалектики, «взятой отдельно», следовательно, абстрактно, от всякой конкретной реальности или ситуации, даже, и особенно, когда принципиальная абстрактность изложения более или менее маскируется ложно конкретным приведением «приме-

---

[1] См., например: Chenu M. D. Introduction à l'étude de Saint-Thomas d'Aquin, Paris, Vrin, 1954, Ire partie, ch. IV. Les procédés de documentation.

[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 248.

ров»? Не следует ли сказать, как это делают некоторые марксисты последние пятнадцать лет, что для марксизма диалектика *существует* только в конкретных знаниях, в конкретных практиках?» [1]

Теперь я могу развить основной вопрос, который будет служить ориентиром всей лекции, — не является ли теоретически и политически решающей следующая проблема: можно ли в какой-то мере и при каких-то условиях представить теоретическое знание о материалистической диалектике в чистом, очищенном виде, обособленно и отдельно? Одним словом, можно ли представить диалектику в самой себе и для себя? Нет ли здесь риска — а если есть, то как его избежать — затушевать реальный исторический процесс во всем его богатстве и сложности, затушевать в конечном счете действительную политическую практику, а то и совсем ее скрыть? [2]

---

[1] Lenine et la pratique scientifique, Paris, Editions sociales, CERM, 1974, p. 25—26.

[2] Когда я употребляю выражение «действительная политическая практика», то я думаю о специфическом понятии, которое встречается в различных текстах В. И. Ленина, например о понятии политического *искусства*. По поводу письма У. Галлахера, написанного от имени рабочего Совета Шотландии, В. И. Ленин пишет: «Автор, видимо, не учитывает того, что политика есть наука и искусство» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 65). Здесь нет никакого прагматизма, как если бы Ленин противопоставлял знанию общих и универсальных принципов, слишком широких для ведения эффективной политики, эмпирию без принципов, эмпирию, которая не может быть нормирована принципами. Здесь налицо исключительно тонкая и гибкая диалектика теории и практики. В. И. Ленин думает не об абстрактном анализе, взятом за пределами обстоятельств, а об анализе «конкретной ситуации», «данного момента», об анализе, который постоянно исправляется и шаг за шагом овладевает развитием соотношения сил во всех планах. На мой взгляд, здесь имеется целый набор совершенно новых специфических понятий в политической теории, связанных с термином политического искусства. Интересно, что чуть ниже Ленин обвиняет некоторых одновременно в неумении вести эффективно политику и в непонимании того, что такое диалектика. Ленин пишет: «Недостает только одного, чтобы мы пошли к победе увереннее и тверже, именно: повсеместного и до конца продуманного сознания всеми коммунистами всех стран необходимости быть максимально *гибкими* в своей тактике. Великолепно растущему коммунизму особенно в передовых странах недостает теперь этого сознания и уменья применить это сознание на практике» (там же, с. 87). И В. И. Ленин пишет по поводу лидеров II Интернационала: «Полезным уроком могло бы (и должно было бы) быть то, что произошло с такими высоко учеными марксистами и преданными социализму вождями II Интер-

То, что я выдвигаю, касается также исследования и выработки новых знаний — деятельности, отличной от преподавания уже установленных истин, синтеза или резюме доказанных знаний [1].

В то же время я надеюсь показать, что если эти вопросы — глубоко политические вопросы, то они вовсе не являются политистскими: они не выдаются в качестве замены действительной политической практики. В самом деле, известно, что В. И. Ленин в очень знакомом отрывке воспроизводит формулу русского революционера середины XIX века Герцена, когда пишет:

«В крепостной России 40-х годов XIX века он сумел подняться на такую высоту, что встал в уровень с величайшими мыслителями своего времени. Он усвоил диалектику Гегеля. Он понял, что она представляет из себя «алгебру революции» [2].

Но если одной из черт, может быть, самой существенной чертой диалектики, очевидно, является создание алгебры революции, то ее правильное применение невоз-

---

пационала, как Каутский, Отто Бауэр и др. Они вполне сознавали необходимость гибкой тактики, они учились и других учили марксовской диалектике (и многое из того, что ими было в этом отношении сделано, остается навсегда ценным приобретением социалистической литературы), но они в *применении* этой диалектики сделали такую ошибку или оказались на практике такими *не* диалектиками, оказались людьми до того не сумевшими учесть быстрой перемены форм и быстрого наполнения старых форм новым содержанием, что судьба их немногим завиднее судьбы Гайндмана, Геда и Плеханова» (там же, с. 87—88). Короче, необходимо, на мой взгляд, разработать сами по себе, не отрывая их, разумеется, от конкретных анализов, ленинские понятия, позволяющие осмыслить политическую *практику*, понятия специфические по отношению к тем, которые позволяют давать объективный анализ общественно-экономической формации; пора, наконец, выявить и этот аспект сокровищницы ленинизма.

[1] Сразу же отметим: решающий вопрос, касающийся отношения марксистской теории и наук, решающий в теоретическом плане — хотя и резюме или синтез положительных знаний может иметь педагогическое значение и вызывать весьма значительные массовые идеологические результаты,— это вопрос об отношениях между марксизмом и научным *исследованием,* и, хотя это и разные вещи, это касается и отношений между марксизмом и культурой: многое зависит от отношений, которые марксизм поддерживает с культурным *творчеством,* а не просто с критическим освоением или распространением в массах богатств культурного наследия.

[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 256.

можно без очень точного определения научного содержания этой известной «алгебры». Без этого определения всегда можно в теоретическом плане впасть в спекуляцию или в ее противоположность — эмпиризм и прагматизм, а в практическом плане — в догматизм, диалектически связанный со своей противоположностью — оппортунизмом.

Когда пытаются характеризовать специфическое теоретическое содержание материалистической диалектики, то обычно ссылаются на определенное число классических текстов тех, кого именуют «классики марксизма-ленинизма». В этих текстах речь идет о законах диалектики и категориях диалектики. Так что же, материалистическая диалектика состоит из законов и категорий?

Вот несколько наиболее характерных отрывков:

«Таким образом, история природы и человеческого общества — вот откуда абстрагируются законы диалектики. Они как раз не что иное, как наиболее общие законы обеих этих фаз исторического развития, а также самого мышления. По сути дела они сводятся к следующим трем законам:

Закон перехода количества в качество и обратно.

Закон взаимного проникновения противоположностей.

Закон отрицания отрицания» [1].

Употребление выражения «наиболее общие законы» (die allgemeinsten Gesetze) часто встречается в «Диалектике природы». Например, в статье «О прообразах математического бесконечного в действительном мире»:

«В помещенном выше сочинении * диалектика рассматривается как наука о наиболее общих законах *всякого* движения» [2].

Что касается термина «категория», то его можно найти в заметках Ф. Энгельса о Бюхнере: «Два философских направления: метафизическое с неподвижными категориями, диалектическое (Аристотель и особенно Гегель) — с текучими; доказательства, что эти неподвижные противоположности основания и следствия, причины и действия, тождества и различия, видимости и сущности не выдерживают критики, что анализ обнаруживает один полюс

---

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 384.

* Имеется в виду «Анти-Дюринг».— *Ред.*

[2] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 582.

уже как наличествующий in nuce * в другом, что в определенной точке один полюс превращается в другой и что вся логика развертывается только лишь из этих движущихся вперед противоположностей» [1].

Нетрудно найти почти идентичные фразы в «Философских тетрадях» В. И. Ленина:

«Логика есть учение не о внешних формах мышления, а о законах развития «всех материальных, природных и духовных вещей», т. е. развития всего конкретного содержания мира и познания его, т. е. итог, сумма, вывод *истории* познания мира» [2].

Две формулы среди многих других о категориях:

«Объективизм: категории мышления не пособие человека, а выражение закономерности и природы и человека...» [3].

«...Категории суть ступеньки выделения, т. е. познания мира, узловые пункты в сети, помогающие познавать ее и овладевать ею» [4].

Я вовсе не хочу сказать, что ссылкой на тексты, где говорится о законах и категориях диалектики, исчерпывается само содержание диалектики; я только хочу сказать, что, может быть, неплохо попытаться рассмотреть сами по себе и в самих себе эти законы и категории, чтобы знать, имеем ли мы «ясное и отчетливое» представление о том, о чем мы думаем и говорим не тогда, когда мы говорим о содержании того или иного закона, той или иной категории, но — если можно так выразиться, и это еще проблема, причем выглядящая как схоластическая,—тогда, когда мы говорим в общем о законах и категориях.

Мне кажется, что *непосредственный* анализ проблемы не является наилучшим способом: в самом деле, эти термины или эти понятия закона и категории отнюдь не были созданы К. Марксом и Ф. Энгельсом, если даже они коренным образом изменили их природу, функции и значение. Более того — и у нас об этом имеются многочисленные свидетельства, — Маркс, Энгельс и Ленин постоянно заботились о том, чтобы содержание материалистической диалектики мыслилось как можно точнее через отли-

---

* В зародыше.— *Ред.*

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 516—519.

[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 84.

[3] Там же, с. 83.

[4] Там же, с. 85.

чие от того, что ей предшествовало. Через отличие: материалистическая диалектика не отрывается просто так от того, что было раньше нее, она во всяком случае не вводит простой разрыв, отрыв, перелом. Хотя это и не значит, что она вписывается в какую-то традицию, в какие-то рамки непрерывности.

В данном случае наиболее адекватный способ — это показать, как марксизм-ленинизм анализирует свою собственную предысторию, но не для того, чтобы выдумывать предшественников (это телео-теологическая логика: в конечном счете — Гегель), а для того, чтобы лучше понять качественную новизну, введенную марксизмом как в теоретическом плане, так и в плане отношений между теорией и социальной практикой.

В самом деле, может быть, имеется специфическая, хотя отнюдь не автономная, история философии, выражаясь словами Ф. Энгельса, история «теоретического мышления», но эта специфичность проявляется лишь через такой качественный скачок, как создание марксизма, теории нового типа, диалектически связанной с социальной практикой во всей ее совокупности и разнообразии. Таким образом, не повторяя ошибки археологии или телеологии, которые, например, лишь воспроизводят гегелевскую модель, должно быть интересно и важно проследить некоторые моменты, аспекты отдельных моментов истории диалектики, законов и категорий диалектики, чтобы лучше понять специфичность материалистической диалектики.

Здесь прежде, чем указать моменты, которые мы рассмотрим более подробно, приведу две цитаты из работ Ф. Энгельса:

«Наоборот, диалектическое мышление — именно потому что оно имеет своей предпосылкой исследование природы самих понятий, — возможно только для человека...» [1].

«Но теоретическое мышление является прирожденным свойством только в виде способности. Эта способность должна быть развита, усовершенствована, а для этого не существует до сих пор никакого иного средства, кроме изучения всей предшествующей философии.

Теоретическое мышление каждой эпохи, а значит и нашей эпохи, — это исторический продукт, принимающий

---

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 537—538.

в различные времена очень различные формы и вместе с тем очень различное содержание. Следовательно, наука о мышлении, как и всякая другая наука, есть историческая наука, наука об историческом развитии человеческого мышления» [1].

Теперь я выделю два момента:

I) Аристотелевский момент.

II) Гегелевский момент или, скорее, критический момент, осуществленный Гегелем в отношении кантовской диалектики с точки зрения «Науки логики» и/или «Энциклопедии философских наук».

Это требует некоторых методологических уточнений и обоснований.

а) Несомненно — иначе мы замкнулись бы в традиционной практике философии, «теоретического мышления»,— что расшифровка этих моментов вовсе не означает довольствоваться тем, чтобы прочесть иначе, по-другому, набор текстов, который, например, Гегель расшифровывает в «Лекциях по истории философии». Особенно когда известно, какова у него функция философского знания, понятия (Begriff) по отношению к различным областям знания и практики. Чтобы правильно оценить сложное отношение между гегелевской и материалистической диалектикой, речь, несомненно, должна идти о том, чтобы разорвать изнутри кажущуюся системность гегелевского знания и с материалистической точки зрения показать, в каком смысле оно, хотя бы частично и искаженно, отражает реальное развитие процесса познания, а также противоречивое развитие реальной истории (мы оставляем в стороне трудную теоретическую проблему отношения между текстами, которые Гегель опубликовал, или его публичными лекциями и другими сочинениями. Это — вопрос, на который обращал наше внимание Ж. Д'Ондт) [2].

Это значит, что нужно поинтересоваться тем методом, с помощью которого В. И. Ленин использует «Лекции» Гегеля. Разумеется, В. И. Ленин в первую очередь был занят не такими проблемами, как вычленение у Гегеля набора текстов, его расширение, переработка и в особенности изменение к нему отношения. Однако весьма примечательно то, как В. И. Ленин использует «Науку ло-

---

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 366—367.

[2] См., например: Hegel en son temps. Paris, Editions sociales, 1968.

гики»: своими приемами вмешательства, своим практическим подходом В. И. Ленин показывает, что он вовсе не берет материал в том виде, в каком его разработал Гегель.

б) Почему мы выбрали эти два момента? Хорошо известны тексты об отношении Гегеля к Канту. Луи Альтюссер в свое время напомнил о них и предложил интересную и яркую интерпретацию в своем сообщении «Ленин и Гегель» [1]. Чуть меньше известны тексты об Аристотеле, хотя в своей последней работе Луи Альтюссер пишет: «Часто ли замечали, что Маркс не довольствовался одним прохождением через Гегеля, но также явным образом и через некоторые категории постоянно ссылается на Аристотеля, «этого великого мыслителя форм»?» [2].

Ф. Энгельс говорит, что Аристотель, «Гегель древнего мира, уже исследовал существеннейшие формы диалектического мышления» [3]. Часто встречаются такие идеи: а) сравнение Аристотеля и Гегеля; б) настаивание на том, что Аристотель выделил некоторые существеннейшие формы; в) диалектическое содержание (и границы) мышления Аристотеля [4]. Немало аналогичных, почти идентичных замечаний можно найти в «Философских тетрадях» В. И. Ленина: конечно, в конспекте книги Аристотеля «Метафизика» [5], в конспекте книги Гегеля «Лекции по истории философии» [6], а также в различных отрывках, в частности в Конспекте книги Гегеля «Наука логики».

I. Итак, первый, аристотелевский момент.

Маленькое предварительное замечание: может показаться не столь очевидным, что небесполезно сказать несколько слов об одном из самых классических «авторов». Конечно, со мной согласятся, что по ряду некоторых причин в некоторых случаях имело место нечто вроде гегельянизации марксистской философии. Я имею в виду не гегело-марксизм первого издания книги Д. Лукача «История и классовое сознание» (1923), а несколько спекуля-

---

[1] Communication au "Congrès Hegel". Paris, avril, 1968.—In: Lenine et la philosophie. Paris, Maspero, 1972.

[2] Althusser L. Eléments d'autocritique. Paris, Hachette, 1974, ch. IV, Sur Spinoza, p. 68.

[3] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 19.

[4] См., например, «Диалектику природы» Ф. Энгельса.

[5] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 323—332.

[6] Там же, с. 219—278.

тивную версию учения о законах и категориях диалектики, когда на место гегелевской категории Geist ставили категорию материи, своего рода «материалистическую онтологию». Труднее будет согласиться со мной — и мне надо было бы это обосновать, — когда речь пойдет о превращении марксистской теории в нечто похожее на «Критику чистого разума», о более или менее открытом возрождении вопроса об условиях возможности узаконенной теории и практики, следовательно, о трансцендентальной функции категорий как в кантианстве (насчет возрождения «Критики практического разума» вопрос ясен! В философском плане это прямо связано с возникновением ревизионизма во II Интернационале, разумеется, прежде всего у Бернштейна). Но вообще со мной могут не согласиться, если я скажу, что такой «пройденный» автор, как Аристотель, дает кое-какие результаты.

Я несколько сухо изложу некоторые положения, касающиеся аристотелевского «момента» — «момента», который нельзя схватить с помощью гегелевского метода и лишь отдельные характерные черты которого я изложу. Поэтому я прошу специалистов в области аристотелизма извинить меня за эти отчасти приблизительные оценки, которые нисколько не претендуют на то, чтобы догматически и без всяких оснований заменить кропотливую работу современных ученых.

1. Если, как говорил Гегель [1], «прежде всего следует рассматривать как бесконечный прогресс то обстоятельство, что формы мышления были высвобождены из того материала, в который они погружены при сознающем себя созерцании, представлении» [2], то заслуга в этом принадлежит Платону и Аристотелю: «Эти всеобщности были выделены в нечто самостоятельное и, как мы это видим у Платона, а главным образом у Аристотеля, были сделаны предметом самостоятельного рассмотрения...» [3] Точнее, сам термин «категория», а не только род, как у Платона (см., например, в «Софисте» ссылку на «самые главные роды» (Megista mèn tôn genôn, 254 d)), получает техническое, точное значение лишь в философии Аристотеля, а выра-

---

[1] В. И. Ленин приводит эту мысль Гегеля в «Философских тетрадях».— Полн. собр. соч., т. 29, с. 82.

[2] Гегель Г. В. Ф. Наука логики, т. I. М., 1970, с. 84.

[3] Там же.

жаясь более осторожно — в произведениях, известных нам под его именем. То же самое касается термина «закон», выражения «закон мышления», даже если это выражение исторически уже сделалось анахронизмом, по крайней мере стало неподходящим. Так можно указать на различие, существующее между имплицитным присутствием анализа непротиворечия в текстах «Государства» Платона (например, «Государство», IV, 436 b — c и далее) и его ясной формулировкой в «Метафизике» Аристотеля (книга γ). Во всяком случае, категория как термин, получивший важнейшее теоретическое значение, приходит к нам от Аристотеля. Это полезно знать и надо извлечь из этого все выводы, не впадая в словесный фетишизм.

2. Я не буду анализировать — здесь не место и не время для этого — всю сложность теории, учения, описания или изложения аристотелевских категорий; я рассмотрю только несколько черт, на мой взгляд, важных, чтобы понять, почему, например, употребление термина «бытие», слов «онтология» или «онтологическое» порождает некоторые проблемы.

а) Не слишком уточняя, назовем эти категории формами. Их характеризуют и интерпретируют[1] как первые роды. Нельзя подняться выше этих категорий: их можно характеризовать как максимальную степень обобщения, универсализации. Ниже же этих категорий нельзя найти род или, скорее, можно лишь найти нечто такое, что не может быть родом. Следовательно, эти категории являются первыми родами. Существует несколько их перечней. Например, такой перечень можно найти в книге E «Метафизики» (E, 2, 1026a 33, 1026b 1): «А так как о сущем вообще говорится в различных значениях, из которых одно, как было сказано, — это сущее в смысле привходящего, другое — сущее в смысле истины (и не-сущее в смысле ложного), а кроме того, разные виды категорий, как, например, суть вещи, качество, количество, «где», «когда» и еще что-нибудь, что может быть обозначено

[1] Как «онтологические» категории или как конечные роды в предикации и даже как то и другое одновременно. См. классическое изложение Aubenque P. Le problème de l'être chez Aristote, Paris, PUF. 1962, 1re Partie, ch. II, § 3; если верить одному крупному специалисту по Аристотелю, некоторое влияние на автора этой работы оказала философия Хайдеггера; см.: Le Blond J. M. Logique et méthode chez Aristote. Paris, Vrin, rééd, 1970, p. XXXVI,

этим способом, а затем, помимо этого, сущее в возможности и сущее в действительности...»[1]. Принято дополнять это изложение, например, ссылкой на два отрывка из «Категорий» (4,1b 25) и «Топики» (I, 9, 103b 21). Само сущее (я упрощаю и опускаю немало сталкивающихся между собой мнений) во всяком случае не есть род («Метафизика», B, 998b). Таким образом, в рамках иерархии подчинения понятий (следуя модели: род — вид — индивид, которая соответствует различию: всеобщее — особенное — единичное, хотя и не отождествляется с ним), такой иерархии, где подчиненное мыслится исходя из непосредственно вышестоящего рода плюс специфическое отличие, категория составляет последнюю ступень подчинения.

б) Эти различные категории, каков бы ни был способ их сочленения (здесь тоже налицо весьма спорный вопрос относительно значения, например, типа единства, обозначенного «pros hen» («Метафизика», γ, 2, 1003a 33)), нельзя было бы ни объединить в одну систему, ни просто вывести из главного термина (какова бы ни была роль субстанции (ousia), см., например, «Метафизика», книга Z, passim). Есть «принцип», постоянно встречающийся у Аристотеля: сущее выражается многообразно — «To de on legetai [...] pollakhôs» («Метафизика», γ, 2, 1003a 33). Он имеет много значений, и эти значения не сводятся друг к другу. Следствием этого является некоммуникабельность этих высших родов, каковыми представляются категории. Более того, существует связь между множественностью категорий и прерывностью между различными категориями: нет перехода, опосредования, преобразования — одним словом, перехода от одного рода к другому. Качество не есть количество и не может им стать. Это можно показать на известном «эпистемологическом препятствии», каковым длительное время являлось аристотелевское разделение между математикой и физикой и даже геометрией и арифметикой: «Например, нельзя геометрическое [положение] доказать при помощи арифметики... И вообще нельзя доказать посредством одной науки [положения] другой, за исключением тех случаев, когда науки так относятся друг к другу, что одна подчинена другой...»[2]. Теперь лучше

---

[1] Аристотель. Соч. в четырех томах, т. 1. М., 1976, с. 182.
[2] Там же, т. 2. М., 1978, с. 270.

понятна проницательность Ф. Энгельса, когда он говорил о метафизическом способе мышления (способ мышления, который характерен не только для XVII века). Тем более что этому знаменитому запрету перехода к другому роду («métabasis eis allo genos». — «Метафизика», T, 1057a 26) нужно противопоставить центральную категорию материалистической диалектики, которая одна дает возможность определить, очертить другие категории материалистической диалектики — Zusammenhang или Zusammenfassung, что можно перевести по-разному, но только не как синтез.

в) Иерархия проста: категория подчиняет особенное и единичное. И это сказывается на отношениях между науками и философией, поскольку вообще можно использовать такое различение в отношении Аристотеля: всякая частная наука зависит от общих и собственных принципов и всякое знание логически вытекает из этих принципов.

«Так как основанием достоверности и знания вещи следует считать обладание таким силлогизмом, который мы называем доказательством, а этот силлогизм есть такой потому, что таковы те [посылки], из которых он состоит, то первые [посылки] — или все, или некоторые — необходимо не только знать заранее, но и знать больше [заключения]... Так что если мы через первые [посылки] знаем [заключение] и считаем [его] достоверным, то мы знаем их больше и считаем их более достоверными, [чем заключение], ибо через них мы знаем и считаем достоверным также и последующее» [1].

Существует отношение дедукции в строгом смысле слова между посылками и заключениями — такова по крайней мере теория науки во «Второй аналитике», даже если действительная практика науки у Аристотеля не подчиняется модели доказательства в этой «Второй аналитике».

Небольшое замечание: мы критиковали — и с полным основанием — дедуктивизм в марксизме, осмысливая отношение между марксистской философией и науками. Нужно видеть, что дедуктивизм, пример которого, если не модель, мы имеем у Аристотеля, характеризуется тем, что частные и единичные знания якобы законно являются прямым следствием, которое можно получить из «первых посылок», в данном случае из всеобщих принципов, кате-

[1] Аристотель. Соч. в четырех томах, т. 2, с. 260—261.

горий (частное включено в общее и всеобщее, достаточно развернуть, «эксилицировать» то, что потенциально содержится во всеобщем).

3. Не слишком насилуя тексты, не слишком желая заставить их говорить то, что нам понравилось бы, можно сказать, что известные «закопы мышления» образуют единое целое — несколькими способами — вместе с учением о категориях, поскольку они формулируют принципы тождества, непротиворечия и исключенного третьего.

В самом деле, если взять самую классическую формулировку одного из этих «принципов», то что мы увидим? «...Невозможно, чтобы одно и то же в одно и то же время было и не было присуще одному и тому же в одном и том же отношении» [1].

Нет нужды говорить, что этот принцип не доказан, он установлен путем регрессии, и его нельзя отделить от принципа тождества, а также от принципа исключенного третьего: «Равным образом не может быть ничего промежуточного между двумя членами противоречия, а относительно чего-то одного необходимо что бы то ни было одно либо утверждать, либо отрицать» [2].

Не слишком детализируя, видно, что нельзя перейти от одного термина к другому и можно лишь идентифицировать один термин, какой бы он ни был, и отличать его от другого термина, что отражается на всех категориях, на их связи и сочленении.

4. Еще одно замечание об Аристотеле и аристотелизме: о разрыве между теорией и практикой. Все знают 11-й тезис Маркса о Фейербахе: «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его» [3].

Но по этому поводу следует обратить внимание у Аристотеля не только на спекулятивное определение философии, науки, исследующей «первые начала и причины» [4], но и на разрыв между областью спекулятивного, или теоретического, и тем, что относится к этическому, или к жизни полиса — политике [5].

---

[1] Аристотель. Соч. в четырех томах, т. 1, с. 125.
[2] Там же, с. 141.
[3] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 4.
[4] Аристотель. Соч. в четырех томах, т. 1, с. 69.
[5] Недавно вышел один памфлет, касающийся очень важных вопросов, однако трактующий их столь спекулятивно, что вряд ли

Существует несколько признаков, которые противопоставляют друг другу теорию и практику: в частности, теория есть знание о всеобщем, в особенности о необходимом, тогда как практика (этика и/или политика) принадлежит к области частного, единичного, которое не поддается научному анализу stricto sensu. Эта тема пронизывает всю «Никомахову этику»: «Исследования же, касающиеся деятельности и понятия пользы, не представляют ничего твердого, как и исследования, относящиеся к здоровью» [1]. Практика интересуется тем, что есть «чаще всего». Те же темы фигурируют в так называемых «реалистических» книгах «Государства» (в частности, в IV и V книгах).

Все это надо было бы углубить, ибо в этой классической мысли решающим является не столько простое устранение практики, сколько недиалектический разрыв между теорией и практикой, между общим, всеобщим и необходимым, свойственными теории как науке, и особенным, единичным и случайным, присущими деятельности, действиям людей. В этой связи ленинская формула «живая душа марксизма — это конкретный анализ конкретной ситуации» концентрирует внимание на некоторых действительно фундаментальных чертах материалистической диалектики, но, разумеется, не в том смысле, что конкретное как бесконечное особенное противопоставляется всеобщему и общему, то есть имея в виду, что практика по своей сути не поддается теоретизации, ибо последнее относится к классической философии (это можно найти у Декарта). Подобный подход можно встретить

от этого будет польза. По мысли автора, вину за все наши «беды» несет старик Платон. Речь идет о книге Андре Глюксмана "La Cuisinière et le mangeur d'homme" (Paris. Ed. du Seuil, 1975), где он пишет: «Более двух тысяч лет назад Платон выдвинул идею о политической науке, основанной на разуме и созданной компетентными людьми, которая творит счастье простых граждан, не спрашивая их мнения» (с. 82). Было бы по крайней мере правильнее, если бы он показал это противоречие, внутренне присущее мысли Платона, между теорией и практикой. Конечно, Платон действительно говорил: «Руководители те, кто знает» («Государство», 258б), но, как это убедительно показал П. Обенк, историческая действительность phronimos, какими были некоторые софисты, не полностью отсутствует в его трудах. См.: La prudence chez Aristote, Paris, PUF, 1963.

[1] Этика Аристотеля СПб, 1908, с. 25.

у первых практиков-теоретиков, в какой-то мере осознававших политическую практику греческого полиса, — у софистов. И это выражается в формуле: как нет универсальной науки, так нет и науки сиюминутной выгоды, благоприятного момента, «kairos» [1]. Однако действие имеет место именно в настоящий момент.

В материалистической диалектике — и чтобы показать это, небесполезно обращение к аристотелизму — новым может быть: а) диалектика теории и практики, б) наука, безусловно, нового рода, не сводящаяся к приблизительному толкованию актуального момента, конъюнктуры, в) в общем, по крайней мере в принципе политическая практика совершенно нового типа по сравнению с традиционным разрывом между чистой теорией и необходимой, но обязательно эмпирической практикой — словом, наука конкретных обстоятельств, которая коренным образом отличается от софистического суждения о «благоприятном моменте» [2].

5. Последнее замечание в связи с Аристотелем: хотя вся его система представлена как различение, разделение, тем не менее интересно отметить, что на другом уровне у него снова появляется требование, так сказать, универсализации, связи, унификации. Разумеется, это теоретическое требование, но оно также и практическое требование. В самом деле, если перейти от Платона и платонизма к софистам, можно констатировать, что диалектика тесно связана с требованием нерегионального, неограниченного, в конечном счете всеобъемлющего знания, требуемого в политической практике, политической практикой и для политической практики: конечно, политическое вмешательство, которое дает точные и определенные результаты, не опирается только на специальную компетенцию, оно касается общей линии всего общества (отсюда

---

[1] «Никакой ритор, никакой философ до сих пор также не дал определения искусства благоприятного момента, то же самое касается Горгия из Леонтин, который первый начал писать на эту тему, но ничего достойного упоминания не написал» (G o r g i a s, fgt B 13, trad. fr. J.-P. Dumont.—In: Les sophistes. Fragments et témoignages, Paris, PUF, 1969, p. 103).

[2] Даже если, как отмечает В. И. Ленин, в релятивизме и софистике имеется положительная сторона, тем не менее не следует их путать с подлинной диалектикой (см.: Л е н и н В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 317).

безысходный диалог между Горгием и Сократом в «Горгии» Платона). Известно, что одной из основных задач греческого мышления в этот период было выяснение того, присутствует ли в этой области наука, episteme. Софисты отвечают: политической науки нет в том смысле, в каком нет подлинного теоретического освоения реальной политической практики. В некоторой степени платоновское начинание заключается в попытке идеалистическим путем сделать так, чтобы совпали оба термина, оба понятия: наука (как ее понимали в ту эпоху) и политика. Что же касается Аристотеля, то у него снова появляется требование универсального, но это требование не может быть удовлетворено наукой. Откуда, говоря вкратце, и вытекает необходимая функция диалектики в теоретическом плане. Говоря о преимуществе, об одном из преимуществ диалектики, Аристотель пишет:

«Исследование полезно еще для [познания] первых [начал] всякой науки. Ибо, исходя из начал, свойственных лишь данной науке, нельзя говорить что-нибудь о тех началах, поскольку они первые начала для всех наук. Поэтому их необходимо разбирать на основании правдоподобных положений в каждом отдельном случае, а это и есть [задача], свойственная диалектике или наиболее близкая ей. Ибо, будучи способом исследования, она прокладывает путь к началам всех учений» [1].

Итак, диалектика тем более необходима, что она не может претендовать на какое-нибудь подлинно научное звание. То же самое касается отношения между теорией и практикой, что подтверждает изучение различных отрывков из «Риторики».

Мы только наметили направление исследования и, исходя из него, поставим лишь один вопрос: в каком смысле и при каких условиях «диалектические обобщения» могут быть с уверенностью названы научными?

II. Я выделю второй момент, затронув опять-таки лишь некоторые его аспекты, — даже не гегелевский момент и его важность в рамках предыстории материалистической диалектики, а смысл и значение гегелевской критики Канта для понимания теории диалектики, ее законов и категорий.

---

[1] Аристотель. Соч. в четырех томах, т. 2, с. 351.

Не ученая или академическая забота нас беспокоит: всякий возврат к Канту в марксизме, всякое, даже завуалированное, непрямое возобновление кантовских «тем» политически оказываются связаны с ревизионизмом, оппортунизмом. Всякая теория, которая противопоставляет Sollen и Sein, должное и сущее, судит об истории под углом зрения надысторической нормы, вместо того чтобы анализировать реальные противоречия и способ исторически сложного разрешения антагонистических и неантагонистических противоречий. Двигаясь напрямик, скажу: имеются два весьма различных — даже противоположных — представления о заблуждении (и/или вине) в историческом разрешении антагонистических или неантагонистических противоречий: одно представление — в конце концов кантовское — противопоставляет существующему идеал; другое, гегелевское представление, а точнее, мыслимое через перевертывание и материалистическую переработку гегелевского объективного идеализма, — показывает, как можно обращаться с объективными (и субъективными) противоречиями, но трактует ошибки в обращении с этими противоречиями не как какое-то метафизическое «зло», а как историческую реальность, природу которой необходимо анализировать, и анализировать тем более четко, чем она драматичнее для людей, ее переживающих.

Кант — и его различные перевоплощения — это всегда подход к истории с точки зрения «прекрасподушия» и отрицания «мирового движения». Если только снова не впадать в религиозное понимание мира, то нужно сказать, что способы разрешения противоречий являются составной частью исторического развития этих противоречий, даже и особенно когда есть не только один способ разрешения их. В таком случае нужно анализировать материалистическую категорию объективной возможности, которая не противостоит исторической необходимости, и не мечтать о возможностях, настолько идеальных, что они, говоря словами классического философа-идеалиста Лейбница, никогда не смогут осуществиться. Это значит, что имеется материалистический и диалектический статус заблуждения как категории, дающей возможность мыслить социальную практику.

Коснемся вскользь некоторых проблем.

а) Что происходит в истории диалектики между Аристотелем и Кантом?

б) Почему для марксистов в этой истории диалектики кантовский момент важен? Приведем в этой связи лишь одно высказывание В. И. Ленина: «Большая заслуга *Канта*, что он у диалектики отнял «den Schein von Willkür» *.

Две важные вещи:

#

(1) Die Objektivität des Scheins ** (**NB**: неясно, вернуться!!!)

(2) die Notwendigkeit des Widerspruchs ***» [1].

Именно благодаря Канту обнаруживается, хотя в завуалированной и спекулятивной форме, в одном и том же движении объективность видимости, которая не есть просто небытие, просто иллюзия, и необходимость противоречия, внутреннего противоречия, которое вовсе не является продуктом какой-то коллизии между двумя по природе независимыми элементами. Между прочим, это потребовало бы более чем прочтения заново текстов Канта, где эксплицитно речь идет о диалектике, в частности трех его «Критик...».

Самое важное — В. И. Ленин об этом говорил неоднократно, это отметил и Л. Альтюссер [2], даже при всем том, что выводы, которые последний отсюда делает, носят дискуссионный характер [3], — это критика Гегелем не того или иного элемента кантовской философии, а определения предмета, самой природы философии (это очень четко проявляется уже в работе «Вера и знание» (1802), имеющей подзаголовок «Или философия размышления о субъективности в единстве ее форм, как философии Канта, Якоби и Фихте»). И как следствие — радикальная критика функции и природы категорий в кантовской философии.

---

* — «кажимость произвольности».— *Ред.*

** — объективность кажимости.— *Ред.*

*** — необходимость противоречия.— *Ред.*

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 89.

[2] Althusser L. Lenine et la philosophie. Paris, 1972, p. 82—85.

[3] В частности, значение элиминации категории субъекта в и через гегелевскую диалектику: идет ли речь для Луи Альтюссера о глубоком теоретическом выводе? Или это лишь способ противостоять всем результатам спекулятивного гуманизма?

Все это теперь достаточно хорошо известно[1]: объективный идеалист Гегель критикует субъективного идеалиста Канта; он критикует с точки зрения той «науки о мышлении», каковой желает быть «Наука логики». Стало быть, Гегель критикует «Критику чистого разума», трансцендентальную функцию категорий в кантовской философии не с материалистической, конечно, точки зрения, а с точки зрения спекулятивной функции тех же самых категорий. И только эта критика позволяет ближайшим образом представить себе природу и функции категорий в материалистической диалектике.

Нужно исходить из позиции Канта, которую Энгельс и Ленин определили как субъективно-идеалистическую. Это имеет по крайней мере два следствия.

а) С одной стороны, разрыв между категориями и действительностью, ибо эти категории во всяком случае не исчерпывают реальности, а являются лишь условием возможности мыслить эту реальность. Это ведет к разрыву между формой и содержанием, что в основном соответствует различию между явлением для нас и вещью в себе, мыслимой, но непознаваемой.

Это хорошо отметил В. И. Ленин:

«Ding an sich * у Канта *пустая* абстракция, а Гегель требует абстракций, соответствующих *der Sache* **: «объективное понятие вещей составляет самоё их суть» ***, соответствующих — материалистически говоря — действительному углублению нашего познания мира...

Гегель же требует логики, в коей формы были бы gehaltvolle Formen ****, формами живого, реального содержания, связанными неразрывно с содержанием»[2].

Следовательно, имеется связь между функцией категорий относительно разнообразия опыта и разрывом между явлением и вещью в себе. Категории, будучи условием возможности опыта, синтеза опыта, как раз не связаны с этим разнообразием опыта.

---

[1] Среди последних публикаций французских марксистов на эту тему: Michéa J.-C. Sur le statut du materialisme dialectique.— "Cahiers du CERM", 1973, № 108; в частности Sur la "science de la pensée", p. 8—20, Post-scriptum, p. 21—23.

* — Вещь в себе.— *Ред.*

** — сути.— *Ред.*

*** — der objektive Begriff der Dinge die Sache selbst ausmacht.

**** — содержательными формами.— *Ред.*

[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 84.

б) С другой стороны, эти категории могут быть только категориями рассудка в их законном употреблении и, стало быть, связываются с субъектом, хотя бы и трансцендентальным и непсихологическим [1]. У Гегеля же налицо вся критика субъекта, даже трансцендентального, как носителя категорий, хотя и не психологического, но тем не менее своего рода субъективного. И критика эта решает дело: марксистская гносеология не могла бы довольствоваться историзацией трансцендентального субъекта, как это пытается сделать Гастон Башляр, о чем он заявляет, например, в книге «Философия-нет»:

«Прежде всего на уровне фундаментальной категории субстанции мы будем иметь возможность дать набросок неокантианства, то есть философии, исходящей из кантианства, но выходящей за пределы классического учения» [2].

Проблема в конце концов заключается не в том, чтобы знать, является ли кантовский субъект психологическим, отличается ли трансцендентальное от психологического, а в том, что есть проблема отношения между субъектом — и субъективным идеализмом — и трансцендентальным определением категорий. По этому поводу В. И. Ленин при чтении Гегеля замечает, что философия Канта обязательно отделяет форму — или субъект — от содержания:

«Суть довода, по-моему: 1) у Канта познание разгораживает (разделяет) природу и человека; на деле оно соединяет их; 2) у Канта *«пустая абстракция»* вещи в себе на место живого Gang, Bewegung * знания нашего о вещах все глубже и глубже» [3].

Таким образом, решающими в гегелевской концепции диалектики являются по крайней мере две вещи, которые тесно связаны:

1) Категории не суть простые формы, они — сама сущность, которой можно противопоставить лишь, так сказать, додиалектически явление, несущественное, частное или единичное. Тема хорошо известна, и будет достаточно не-

---

[1] Можно припять всерьез неокантианские толкования Когена или Кассирера: можно не антропологизировать трансцендентальное Канта. Но в конце концов нельзя трансцендентальное отделить от субъекта, от какого бы то ни было субъекта.

[2] Bachelard G. Philosophie du non, p. 15.

* — хода, движения.— *Ред.*

[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 83.

скольких цитат. Гегель критикует Канта [1] и одновременно дает представление о Логике: «Но сам логический разум и есть то субстанциальное, или реальное, которое удерживает в себе абстрактные определения, и он есть их подлинное, абсолютно конкретное единство. Нет, следовательно, надобности далеко искать то, что обычно называют материей. Если логика, как утверждают, лишена содержания, то это вина не предмета логики, а только способа его понимания» [2].

Категории, по Гегелю, суть различные моменты понятия, которые в принципе полностью исчерпывают реальность. Об этом, например, говорится в предисловиях к различным изданиям «Энциклопедии философских наук» [3].

2) Более того, для Гегеля в отличие от Канта [4] больше нет рядоположных категорий; категории могут мыслиться лишь в процессе изложения, самопоказа понятия (Begriff), процесс, который идентичен самой «Науке логики» и в котором проявляются различные определения, моменты понятия. Понятие «наука о мышлении» — это понятие развертывания процесса всех моментов понятия, одним словом, всех категорий:

«Таким путем должна вообще образоваться система понятий — и в неудержимом, чистом, ничего не принимающем в себя извне движении получить свое завершение...» И Гегель добавляет по поводу плана «Науки логики»: «Заглавия и подразделения, встречающиеся в настоящей системе, сами по себе также не имеют никакого другого значения, помимо указания на последующее содержание. Но кроме того, при рассмотрении самой сути дела должны найти место *необходимость* связи и *имманентное*

---

[1] «*Критика форм рассудка* привела к указанному выше выводу, что эти формы *неприменимы к вещам в себе*» (Гегель Г. В. Ф. Наука логики, т. 1. М., 1975, с. 99).

[2] Гегель Г. В. Ф. Наука логики, т. 1, с. 101.

[3] См.: Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук, т. 1, Наука логики, с. 53—78.

[4] По крайней мере Гегелю вещи представляются так: «Ближайшие формы априорного, то есть формы мышления, именно мышления как представляющего собой, несмотря на свою объективность, лишь субъективную деятельность, получаются путем систематизации, которая, впрочем, зиждется только на психологически-исторических основах» (Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук, т. 1, Наука логики, с. 154).

возникновение различий, ибо они входят в собственное развитие определения понятия»[1].

По идее, у Гегеля последовательность различных категорий вовсе не есть следствие простого рядоположения, а представляет собой результат одного и того же единого процесса, который и дает смысл содержанию различных определений понятия. Имеется единство процесса и различных моментов этого процесса: единство «законов мышления», в данном случае гегелевской диалектики (бесконечное, конечное, конечное — бесконечное, в себе, для себя, в себе и для себя), и категорий гегелевской диалектики. Например, существует единство между первыми тремя моментами начала, хотя оно и не настоящее начало, «Науки логики» (чистое бытие — чистое ничто — становление) и процессом порождения различных моментов: единство противоположностей, а также отрицание отрицания. Но у Гегеля имеется не взаимосвязь (Zusammenfassung, Zusammenhang), как в материалистической диалектике, а развитие процесса самопорождения, носящего систематический характер[2]. Связь непременно мыслится исходя из понятия, поскольку верно, что в этом объективном идеализме процесс развития есть лишь самоотчуждение абсолюта, бога. Сочленение, опосредование вытекают из самой природы спекулятивного процесса. Скажем мимоходом, что благодаря этому мы многое узнаем об условиях философии как системы. Далее, самым важным и самым существенным является как раз связь между различными категориями и конкретным, определенным, частными действиями: по идее, различные моменты «Науки логики» должны снова найти себя, но в особых формах, в различных «сферах» этой «сферы сфер», каковой является гегелевская философия. Но это по идее, а в деталях все не так просто.

Место различных наук может быть понято лишь исходя из понятия: «Каждая часть философии есть философское целое, замкнутый в себе круг, но каждая из этих частей содержит философскую идею в ее особенной определен-

---

[1] Гегель Г. В. Ф. Наука логики, т. 1, с. 108, 109.

[2] Тема известна. Она появляется в работе Гегеля «Различие между системами Фихте и Шеллинга» (1801) и ясно изложена в сочинении Гегеля «Энциклопедия» (Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук, т. 1, Наука логики).

ности или как особенный момент целого»[1]. Именно это можно увидеть в «Основах философии права»: как место этих «Основ», так и их различные переходы находят свое оправдание в «Логике». Место философии права как части философии находит свое обоснование в «Логике» (§ 2), переход от одного момента к другому объясняется логикой, — например, диалектика воли (§ 5—7) свое объяснение находит в § 7 «Логики». Так происходит вплоть до анализа моментов государства, исходя из моментов понятия (§ 272). Одним словом, конкретное или, скорее, определенное есть только самоопределение понятия. Кстати, это дает возможность Гегелю различать определенное и простую случайность, которую можно отбросить: Платон мог бы не трудиться давать советы кормилицам в своей работе «Государство», а Фихте мог бы воздержаться от пожелания, чтобы в паспорта подозрительных заносили не только их приметы, но и помещали их портреты (Предисловие к «Основам философии права»).

Последнее замечание. Именно потому, что Гегель — объективный идеалист, процесс развития категорий у него уже не приписывается человеческому, психологическому или трансцендентальному субъекту: он есть саморазвертывание абсолюта. И именно это в высшей степени интересует В. И. Ленина: так сказать, объективное саморазвертывание, даже учитывая, что Гегель отличается от Спинозы как раз тем, что у него сама субстанция выступает в роли субъекта[2]. В. И. Ленин пишет: «Итог и резюме, последнее слово и суть логики Гегеля есть *диалектический метод* — это крайне замечательно. И еще одно: в этом *самом идеалистическом* произведении Гегеля *всего меньше* идеализма, всего больше материализма. «Противоречиво», но факт!»[3].

Саморазвертывание без «субъективной остановки» (если не без субъекта): все есть процесс, категории —

---

[1] Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук, т. 1. Наука логики, с. 100.

[2] «На мой взгляд, который должен быть оправдан только изложением самой системы, все дело в том, чтобы понять и выразить истинное не как *субстанцию* только, но равным образом и как *субъект*» (Гегель Г. В. Ф. Система наук. Часть первая. Феноменология духа. М., 1959, с. 9).

[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 215.

лишь моменты процесса, не имеющего ни начала, ни конца.

Я представил эти два момента, и то очень схематично, только для того, чтобы лучше показать через различие, чем могут быть категории и законы материалистической диалектики.

Разумеется, я не стремлюсь изложить, а тем более исчерпать теоретические проблемы, которые нужно было бы рассмотреть в этой области. Я выделю проблему взаимосвязи (Zusammenhang, Zusammenfassung), а также проблему всеобщности или общности (Allgemeinheit). Но я хотел бы до этого напомнить то, что мне кажется не вызывающим особых сомнений:

1. Действительно, на уровне философской позиции имеет место перевертывание (Umkehrung), когда от законченной спекулятивной идеалистической диалектики переходят к материалистической диалектике. При этом не следует путать философскую позицию — понятие, которое говорит о доминантной линии, — с конкретной философией, где связь между доминирующими и недоминирующими элементами не проста (нельзя их механически отделить, нельзя «изолировать» «хорошую», материалистическую сторону, как извлекают руду из породы) как по идеологическим, так и по гносеологическим причинам (лишь тенденциально в некоторых формах иррационализма почти на нет сводятся гносеологические истоки). Перевертывание, стало быть, не есть лишь метафора, ибо оно означает перевертывание доминанты. По этому вопросу приведем лишь одну фразу В. И. Ленина, касающуюся гегелевского определения науки логики: «Перевернуть: логика и теория познания должна быть выведена из «развития всей жизни природы и духа»» [1].

2. Из этого перевертывания вытекают некоторые следствия. Я уточняю свою формулу, которая могла бы оказаться теорицистской: это перевертывание диалектически связано с другими явлениями, и определяющей, конечно, выступает действительная партийность в классовой борьбе:

а) Каков бы ни был статус теории, имеет место примат — не прагматистски понимаемый — практики, общественной и политической практики, и в принципе мы уже

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 80.

не ограничиваемся объяснением мира. Как это видно в «Материализме и эмпириокритицизме», перевертывание осуществляется вместе с утверждением примата практики: «Мы видели, — писал В. И. Ленин, — что Маркс в 1845 году, Энгельс в 1888 и 1892 гг. вводят критерий практики в основу теории познания материализма. Вне практики ставить вопрос о том, «соответствует ли человеческому мышлению предметная» (т. е. объективная) «истина», есть схоластика,—говорит Маркс во 2-м тезисе о Фейербахе» [1].

Теория может мыслиться только как момент общественной практики в ее совокупности. Мы покончили со спекулятивной философией, спекулятивной диалектикой. Разумеется, критерий практики не включает никакого прагматизма, никакого практицистского, а следовательно, агностицистского и отнюдь не материалистического игнорирования специфичности «теоретического момента». Это хорошо известно.

б) В основном [2] было покончено с таким пониманием философии, которое возможно лишь на базе идеалистической философской позиции. И здесь можно было бы соединить воедино элементы марксистской критики гегельянства и, следовательно, гегелевской диалектики как «конца» (Ausgang) в некотором смысле, как завершения классической немецкой философии.

Покончено с:

наукой наук;

философской энциклопедией;

дедукцией частного или единичного из понятий;

телеологическим развитием.

Таким образом, для материалистической диалектики уже не может быть речи о науке или знании, которое ставило бы себя вне, над или по ту сторону общественной практики и, следовательно, классовой борьбы в переживаемый нами период «предыстории» или вне научной и технической деятельности. Эти идеи можно часто встретить у Ф. Энгельса, например:

«Разрыв с философией Гегеля произошел и здесь путем возврата к материалистической точке зрения. Это значит, что люди этого направления решились понимать действи-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 140.

[2] Даже если все сложное историческое движение необходимо для обеспечения в тенденции господства этой новой концепции,

тельный мир — природу и историю — таким, каким он сам дается всякому, кто подходит к нему без предвзятых идеалистических выдумок; они решились без сожаления пожертвовать всякой идеалистической выдумкой, которая не соответствует фактам, взятым в их собственной, а не в какой-то фантастической связи. И ничего более материализм вообще не означает» [1].

Положение как будто ясное: материализм вроде бы сводится к защите объективности в науках, а диалектика — к правильному анализу, непременно связанному с практикой классовой борьбы. В пределе Ausgang означал бы конец в том смысле, в каком прикапчивают зверя или ликвидируют миражи, старые иллюзии. Это значило бы выйти из того «пространства», где, как говорят некоторые, философы, вернее, профессора философии, «жуют» свою жвачку. Проблема возможного «извлечения», возможной «изоляции» «диалектических обобщений» (мы вовсе не настаиваем на этих выражениях, но хотим лишь, чтобы теоретические проблемы, к которым они привлекают внимание, были сформулированы как можно четче) перестала бы быть законной (теоретически), важной и своевременной (практически). Более того: если марксисты еще раз согласятся с постановкой таких вопросов, это будет означать, что они не полностью освободились от определенной идеалистической и спекулятивной практики философии, и вследствие этого они несколько недооценивают реальную ставку классовой борьбы (здесь речь идет о теоретической и идеологической борьбе как одной из трех форм классовой борьбы) в нынешней фазе кризиса капиталистического общества.

Как марксистам нам необходимо ко всем этим соображениям отнестись со всей серьезностью, но я хотел бы все же посмотреть, а не предполагает ли, между прочим, наш специфический вклад как последовательных марксистов в развитие классовой борьбы точное выяснение теоретического момента, в данном случае на самом высоком уровне абстракции? Не следует ли попытаться выяснить не только содержание, но и саму суть этого теоретического момента?

В самом деле, о чем говорил Ф. Энгельс? О чем говорил В. И. Ленин?

---

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 301.

«За философией, изгнанной из природы и из истории, остается, таким образом, еще только царство чистой мысли, поскольку оно еще остается: учение о законах самого процесса мышления, логика и диалектика» [1].

«Продолжение дела Гегеля и Маркса должно состоять в *диалектической* обработке истории человеческой мысли, науки и техники» [2].

Таким образом, вероятно, не было — это по крайней мере наша путеводная нить — разрыва в истории диалектики, а был, скорее, качественный скачок: осталась проблема диалектики *как теории*, хотя бы и совершенно нового типа. И исходя из этого, если проблема переработки, а не только перевертывания гегелевской диалектики имеет решающее значение, то потому, что эта проблема составляет единое целое с проблемой понимания и развития материалистической диалектики. Именно это можно увидеть в письме К. Маркса И. Дицгену от 9 мая 1868 года:

«Когда я сброшу с себя экономическое бремя, я напишу «Диалектику». Истинные законы диалектики имеются уже у Гегеля — правда, в мистической форме. Необходимо освободить их от этой формы» [3].

Многое, если не все, на мой взгляд, зависит от правильного анализа двух черт диалектики:

а) Концепт — или понятие — связи, взаимосвязи.

б) Момент общего или всеобщего.

Может быть, оба момента связаны.

а) Приведем несколько классических высказываний Ф. Энгельса:

«Диалектика как наука о всеобщей связи» [4] (Dialektik als Wissenschaft des Gesamtzusammenhangs). Здесь речь идет о третьем пункте наброска общего плана (Skizze des Gesamtplans). Его можно сопоставить с четвертым пунктом: «Связь наук (по немецки сказано: Zusammenhang der Wissenschaften. — *Авт.*). Математика, механика, физика, химия, биология. Сен-Симон (Конт) и Гегель» [5]. В разных местах «Диалектики природы» нетрудно найти этот термин (или понятие?) Zusammenhang, например, когда

---

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 316.
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 131.
[3] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 32, с. 456.
[4] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 343.
[5] Там же.

Ф. Энгельс говорит по поводу необходимости философии:

«Эмпирическое естествознание накопило такую необъятную массу положительного материала, что в каждой отдельной области исследования стала прямо-таки неустранимой необходимость упорядочить этот материал систематически и сообразно его внутренней связи. Точно так же становится неустранимой задача приведения в правильную связь между собой (Zusammenhang) отдельных областей знания» [1].

И чуть ниже:

«Но именно диалектика является для современного естествознания наиболее важной формой мышления, ибо только она представляет аналог и тем самым метод объяснения для происходящих в природе процессов развития, для всеобщих связей (Zusammenhänge) природы, для переходов от одной области исследования к другой» [2].

Можно было бы найти немало других отрывков, например в работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии». В отрывке, который часто интерпретируется в «позитивистском» духе, Ф. Энгельс пишет, что после гегельянства «...Мы оставляем в покое недостижимую на этом пути и для каждого человека в отдельности «абсолютную истину» и зато устремляемся в погоню за достижимыми для нас относительными истинами по пути положительных наук и обобщения их результатов при помощи диалектического мышления» [3].

Но во многих других отрывках, указывая, что покончено со всякой натурфилософией именно с помощью диалектического понимания природы (die dialektische Auffassung der Natur), Ф. Энгельс добавляет: «Теперь задача в той и в другой области заключается не в том, чтобы придумывать связи из головы, а в том, чтобы открывать их в самих фактах» [4]. И снова появляется Zusammenhänge.

Цитировать В. И. Ленина по этому вопросу означало бы идти в том же направлении.

б) Всеобщность, общность (вероятно, нужно будет различать их), по крайней мере нерегиональность законов

---

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 366.
[2] Там же, с. 367.
[3] Там же, т. 21, с. 278.
[4] Там же, с. 316.

и категорий материалистической диалектики, — это бесспорно, достаточно прочесть В. И. Ленина по поводу Гегеля: «Но гениальна основная идея: всемирной, всесторонней, **живой** связи всего со всем и отражение этой связи...» [1] Или еще:

«Логика есть учение о познании. Есть теория познания. Познание есть отражение человеком природы. Но это не простое, не непосредственное, не цельное отражение, а процесс ряда абстракций, формирования, образования понятий, законов etc., каковые понятия, законы etc. (мышление, наука = «логическая идея») и *охватывают* условно, приблизительно универсальную закономерность вечно движущейся и развивающейся природы» [2].

Но дело в том, что имеются два домарксистских или немарксистских представления как о связи, так и о всеобщности:

1. Связь. Или (идеалистическое представление) синтез, стало быть, сочленение возможны потому, что различные моменты являются лишь саморазвитием понятия, идеи, но это предполагает (см. выше), что моменты их соединения предопределены самой природой идеи. Марксизм может только порвать с таким представлением.

Или имеется лишь эмпирическое разнообразие знаний, а функция синтеза может быть в своей основе лишь эмпирической функцией, функцией объединения различных материалов, простого резюме, которое соединяет вместе различные знания, чтобы дать их подробный обзор. Но тогда, очевидно, нет никакой специфики приема, с помощью которого различные материалы соединяются (разве что они просто уже не разбросаны), а связь между различными знаниями носит чисто случайный и непредвидимый характер. Я не говорю, что таков был в своей исторической действительности позитивизм Конта, я говорю только, что это может быть похоже на прочтение позитивизма как «специализирующегося по всеобщности». Но для чего же тогда философия? Классический вопрос, который встает даже перед «неверным» потомством Конта.

Ясно, что я излагаю здесь позиции, а не конкретные философии, ибо как раз можно было бы показать: содер-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 131.
[2] Там же, с. 163—164.

жание гегелевской «Энциклопедии философских наук» носит эмпирический характер, эмпиризм есть и в примечаниях и заметках как «Науки логики»[1], так и «Основ философии права», налицо также несоответствие (требующее разъяснения) между схемой и материалом, который по идее под нее подводится. Можно было бы также показать, что у О. Конта множество элементов (по поводу множественности «общих законов» он писал: «Мы будем считать безрассудным даже в самом отдаленном будущем пытаться свести их строго к одному». — «Курс позитивной философии», Первая лекция) как бы априорно расположено по одной схеме, модель которой представляет собой известный «закон трех стадий» и которая появляется еще до «Курса позитивной философии».

Однако решающее значение имеет задача понять «Диалектику природы» вне этой альтернативы: это не «материалистическая» замена «Энциклопедии философских наук», а также не новая версия «Курса позитивной философии». Даже если, как показывает приведенное выше высказывание из «Диалектики природы», оба эти типа трудов выражают отнюдь не чисто иллюзорную теоретическую потребность.

2) Всеобщее. Или, по гегелевской модели, всеобщее включает как одно из своих определений особенное или единичное: внешне имеется как бы диалектика отношения всеобщего, особенного и единичного, на самом же деле есть только самовыражение всеобщего (в определенном смысле нет качественного скачка между всеобщим, особенным и единичным):

«Телеологическое отношение есть умозаключение, в котором субъективная цель смыкается с внешней ей объективностью через некоторый средний термин, который есть единство обеих, это единство есть, с одной стороны, целесообразная деятельность, с другой стороны, непосредственно подчиняемая цели объективность, средство»[2].

Это комментирует сам Гегель:

«Развитие цели в идею проходит три ступени: *во-пер-*

---

[1] Это хорошо показывает Ж.-Т. Дезанти в связи с математикой, хотя его теоретико-идеологические интересы и не совпадают с нашими. См.: La philosophie silencieuse. Paris, Ed. du Seuil, 1975, Rapport traditionnel des sciences et la philosophie, p. 22—62.

[2] Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук, т. 1, Наука логики, с. 395.

вых, ступень субъективной цели; *во-вторых*, ступень осуществляющейся цели и, *в-третьих*, ступень осуществленной цели. Вначале мы имеем субъективную цель, и она как для себя сущее понятие сама есть тотальность моментов понятия» [1].

Второй момент есть только «обособление этого всеобщего, благодаря чему последнее получает определенное содержание» [2].

Или — я умышленно воспроизвожу выражение О. Конта, ибо даже некоторые марксисты спрашивают себя, была ли «позитивистская сторона» у Ф. Энгельса, который будто «никогда по-настоящему не освободился от некоторой позитивистской темы «Немецкой идеологии»»[3], — общность того, что Конт обозначает как «общий факт», вероятно, может быть только своего рода абстрактным всеобщим, предельно бессодержательным (хотя это и не относится к самому О. Конту), которое получается путем отбрасывания особенного. Всеобщее здесь — лишь обыденное частное. Отсюда его бессодержательность. А тогда спрашивается, что может оно дать по сравнению с эффективным конкретным научным познанием?

Фактически лишь в неразрывном единстве можно решать вопрос о материалистической диалектике всеобщего, особенного и единичного и проблему «всеобщей связи», ибо эта связь, если она существует, может быть только нерегиональной как в своих фундаментальных процессах (это, очевидно, законы диалектики), так и в своих моментах, или «узлах» — категориях диалектики; и наоборот, взаимосоединение всеобщего, особенного и единичного, возможно, осуществляется по модели диалектической связи. Так что диалектический (и исторический) материализм не может в своих основных компонентах быть изложен иначе как диалектическим образом.

Для выяснения проблемы связи я начну со ссылки на деятельность К. Маркса и Ф. Энгельса или, скорее, на их научную (исторический материализм, хотя он одновременно является научным и философским) деятельность, диалектически связанную с их политической практикой, и со

---

[1] Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук, т. 1, Наука логики, с. 395.

[2] Там же.

[3] Althusser L. Lenine et la philosophie. Paris, Maspero, 1969, p. 46.

ссылки на связь, которую они очень рано пытаются установить между своей деятельностью и научной и технической деятельностью той эпохи в других областях, в частности в области естественных наук.

Что, в сущности, ищут К. Маркс и Ф. Энгельс? И превосходит ли предлагаемое ими то, что они уже знали, нашли? Что они ищут, когда интересуются, например, Дарвином и изучают результаты, но не процессы исследования и открытия, в других естественных науках?[1] Они не пытаются ни применять так называемые законы, свойственные натурфилософии, ни обобщать эмпирически примеры, взятые из достижений естественных наук своей эпохи. Но что же тогда? Одно замечание В. И. Ленина нас сможет ориентировать и даже дать ответ: «На эту сторону диалектики обычно (например, у Плеханова) обращают недостаточно внимания: тождество противоположностей берется как сумма *примеров* [«например, зерно», «например, первобытный коммунизм». То же у Энгельса. Но это «для популярности»...], а не как *закон познания* (*и* закон объективного мира)»[2]. Следовательно, они ищут законы мышления (которые к тому же отражают естественные и социальные процессы), общие, даже универсальные законы, которые можно было бы выделить на определенном этапе истории. Не как условия, хотя бы и исторические, возможности всякого процесса мышления, отражающего реальность в движении, а как «квинтэссенцию» процесса научного познания, «квинтэссенцию», которую можно выделить лишь на определенном этапе истории процесса познания в XIX веке вместе с возникновением исторического материализма и развитием всей совокупности наук. В этом смысле законы могут быть разработаны только посредством анализа *совокупности* процесса научного познания, и они могут быть проверены только *совокупностью* движения научного познания[3]. По этому

---

[1] Этим различением мы обязаны Курту Рейприху, см.: Reiprich K. Die philosophisch-naturwissenschaftlichen Arbeiten von Karl Marx und Friedrich Engels, Berlin, Dietz Verlag, 1969, S. 24.

[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 316.

[3] В самом деле, когда переходят от конкретного процесса не к абстракции процесса вообще, а к квинтэссенции процесса, то не переходят от одного примера, от нескольких примеров к абстрактной сущности этих примеров, ибо налицо качественный скачок. И наоборот: я именно так интерпретирую строки, написанные Энгельсом в связи с законом перехода количества в качество: «Закон

вопросу Л. Альтюссер делает замечание, которое заслуживает углубленного анализа: «У Энгельса было ощущение, как было у многих до него, а у некоторых, может быть, есть и сейчас, что мы подошли к периоду окончательного синтеза... Энгельс думал, что ...науки находятся на стадии интеграции и стихийно создают эквивалент прежней философии природы» [1].

Видимо, это замечание связано с двумя вопросами: а) Практически мог ли Ф. Энгельс как «изолированный философ» синтезировать (это ставит проблему разделения умственного труда и способа, с помощью которого Энгельс на деле смог преодолеть это разделение)? б) Принципиально, что же гарантирует, делает возможной или необходимой любую связь? Известно, что Л. Альтюссер как в «историческом», так и в «географическом» плане (применение термина «континент» для него, по-видимому, не только метафора) отвергает идею сочленения, как связанную с континуизмом, который нельзя установить при современном состоянии знания — и речь здесь идет о принципиальной теоретической позиции. Недаром когда Поль Рикер ему сказал, что он будет вынужден прибегнуть «к эпистемологии связи областей [знания]» [2], Л. Альтюссер ему ответил:

«Общее требование связи областей [знания] для меня является собственно идеологическим вопросом, и я его абсолютно не ставлю».

П. Рикер: Нет, именно вы его поставили...

Л. Альтюссер: Отнюдь, как раз Энгельс говорил о связи областей [знания], но я — абсолютно нет: существуют «континенты» [знаний]. Я вовсе не говорю, что они имеют общие границы. Абсолютно нет: я спинозист, существует бесконечность атрибутов... [3]

перехода количества в качество и обратно. Закон этот мы можем для наших целей выразить таким образом, что в природе качественные изменения — точно определенным для каждого отдельного случая способом—могут происходить лишь путем количественного прибавления, либо количественного убавления материи или движения (так называемой энергии)» (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 385).

[1] Дискуссия, которая проходила после сообщения "Lenine et la philosophie".—Bulletin de la société française de philosophie: séance du 24 février 1968, 62e année, № 4, oct.-dec. 1968, p. 170.

[2] Ibid., p. 164.

[3] Ibidem.

Можно сомневаться по поводу некоторых формулировок (в частности, по поводу идеи о том, что Ф. Энгельс будто бы более или менее «восстановил» замысел натурфилософии, преобразив его «материалистически»), но здесь ключевой вопрос: можно ли в принципе и практически осуществить «связь областей [знания]»?

Я не думаю, что в настоящее время можно дать окончательный ответ на этот вопрос, ибо это потребовало бы целого теоретико-исторического исследования появления в марксизме проблемы диалектики природы [1]. Тем не менее можно высказать некоторые замечания и привести некоторые довольно убедительные факты.

Возьмем два примера:

1. Функция «трех открытий» в работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии».

2. Важность и значение анализа учения Дарвина.

Мы допустили бы ошибку, если бы недиалектически представляли отношение между «тремя открытиями» и «законами диалектики»; эти три открытия есть признак качественно нового в плане познания естественных процессов, стало быть, в них важно не их особенное содержание, хотя это не значит, чтобы это содержание было, так сказать, растворено в неясной, короче, спекулятивной абстракции. На уровне «квинтэссенции» (Ленин), на уровне познания «взаимной связи процессов, совершающихся в природе» [2], Энгельс считает, что можно выдвинуть следующее положение (которое не есть лишь спекулятивно-эмпирическое обобщение): «...Все движение в природе (а также в мышлении и обществе. — *Ж.-П. К.*) сводится к этому непрерывному процессу превращения из одной формы в другую» [3].

Возьмем «пример», связанный с Дарвином (который один заслуживал бы очень длительного изучения). Что интересует Маркса и Энгельса? Не установление того, что в научном творчестве Дарвина проявляется будто какой-то

---

[1] Ж.-П. Лефевр, представляя письма Маркса и Энгельса, говорит, что документы, которые он приводит, «не могут занять в основном все еще пустующее место анализа исторической связи марксизма с историей естественных наук» (см.: Marx K., Engels F. Lettres sur les sciences de la nature. Paris, Editions sociales, 1974, p. 8).

[2] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 303.

[3] Там же, с. 304.

спекулятивный закон, и не извлечение каких-то элементов, примеров для сопоставления с анализами исторического материализма.

Но в той мере, в какой творчество Дарвина составляет качественный скачок в истории процесса познания (качественный скачок, конечно, в «секторе» познания, а также знания, следовательно, соединения), оно, по-видимому, узаконивает, например, хотя и неизолированно, закон качественного скачка: «Подобно тому как Дарвин открыл закон развития органического мира, Маркс открыл закон развития человеческой истории...» [1]

Видимо, этим объясняется то, что одна из главных забот Ф. Энгельса в «Диалектике природы» — это очень заметно в его сложной, да и неровной работе над документацией и информацией, касающихся состояния наук, в частности естественных наук, — заключается не в том, чтобы более или менее резюмировать различные трактаты по электричеству, механике, физике, химии и т. д., и не в том, чтобы обнаружить, как Deux ex machina, законы, упавшие с неба, а в том, чтобы, исходя из различных материалов, заставив их «действовать» друг на друга [2], показать нечто вроде общего закона, который (при данном состоянии знания) может считаться применимым ко всякому процессу: связь, представляющая одновременно и качественный скачок. При чтении различных разделов «Диалектики природы» можно заметить, что Ф. Энгельса в данном случае интересует прежде всего показ процесса превращения одной формы в другую, одним словом взаимосвязь.

Итак, не исключено, что можно «изолировать» сами по себе эти знаменитые «законы диалектики», поскольку продолжая коллективно всю ту работу по выявлению взаимосвязи (эта работа, видимо, частично успешно завершена), которой занимались К. Маркс и Ф. Энгельс и отражение которой, конечно не исчерпывающее и не окончательное, мы находим в текстах «Диалектики природы», — можно показать специфический тип общности этих

---

[1] Там же, т. 19, с. 350.

[2] Несколько указаний в этом смысле см.: Glucksmann C. Engels et la philosophie marxiste. Paris, Ed. de la Nouvelle critique, p. 20—22.

законов, их диалектические связи с особенным и/или индивидуальным. Именно под таким углом зрения можно читать то, что В. И. Ленин писал во фрагменте «К вопросу о диалектике», обращая особое внимание на диалектический смысл его слов:

«У Маркса в «Капитале» сначала анализируется самое простое, обычное, основное, самое массовидное, самое обыденное, миллиарды раз встречающееся, *отношение* буржуазного (товарного) общества... Дальнейшее изложение показывает нам развитие (*и* рост *и* движение) этих противоречий и этого общества, в Σ * его отдельных частей, от его начала до его конца.

Таков же должен быть метод изложения (respective изучения) диалектики вообще (ибо диалектика буржуазного общества у Маркса есть лишь частный случай диалектики)» [1].

Все дело в том, чтобы понять не в аристотелевском смысле это отношение между всеобщностью закона и особенностью «случая».

Всеобщность этих «законов диалектики» вовсе не есть абстрактная всеобщность. Они указывают, в частности, что в истории процесса познания нужно и можно различать постепенное развитие и качественный скачок. «Общие теоретические концепции», о которых часто говорит Ф. Энгельс, в конечном счете отсылают нас к качественным скачкам в процессе познания, и отсюда, видимо, следует, что наиболее общие законы являются также историческими законами, но их историчность — особого рода: они чувствительны лишь к великим *революциям* того или иного сектора познания, — революциям, которые вызывают, хотя и не механически, глобальную *реорганизацию* различных секторов, их связи, их взаимоотношений. Три закона диалектики могут быть выявлены (но это потребовало бы очень долгого исторического анализа, к чему мы не стремимся и в чем к тому же не компетентны) лишь при условии, что энгельсовский анализ правилен (а также если имелись теоретические и практические средства доведения его до конца). Именно учитывая развитие всей *совокупности* знаний в XIX веке, специфическое, хотя и диалектически связанное с противоречивым развитием общества,

---

* в сумме.— *Ред.*

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 318.

можно выявить и новую «теоретическую концепцию», которая не является системой, но имеет последовательный характер.

Это то, о чем говорит Л. Сэв:

«Развитие наук и обществ с начала XIX века было связано с рядом коренных преобразований в нашем конкретном знании мира, но философски все эти преобразования мыслимы в свете гносеологической революции, которая ознаменовала окончательный кризис спекулятивной философии и возникновение диалектического материализма» [1].

Говоря о ядре абсолютной истины, содержащейся в трех законах диалектики, Л. Сэв добавляет:

«Залог истины этого «ядра» находится не в *исторически* относительной сумме знаний, сложившейся в ту или иную эпоху, а, что совсем другое дело, в выводах, *гносеологически необходимых*, которые предписала в узловой момент своей истории совокупность знания и социального опыта человечества» [2].

При этом Ф. Энгельс говорит — а здесь тоже есть кое-какие проблемы, — что «наиболее общие законы... *по сути дела* (курсив мой. — *Ж.-П. К.*), сводятся к следующим трем законам...» [3]. Таким образом, очевидно, что не может быть закрытой и окончательной системы законов. Ясно, что новые законы, подлинно новые черты предполагаются, но это потребовало бы разработки не того или иного знания, пусть даже оригинального, не эффективности той или иной политической практики, пусть даже важной, а качественной новизны на уровне движения всей совокупности знания и истории. Л. Сэв со своей стороны выдвигает гипотезу: может быть, явление неравномерного развития? Но в конце концов не приходит к определенному заключению.

Эти несколько фрагментарных замечаний (и немного программатических) могут служить переходом к анализу некоторых черт категорий материалистической диалектики и условий, при которых можно их выделить, даже показать новые черты. В самом деле, общность, даже универсальность этих категорий нельзя понять без понятия связи и качественного скачка. По этому вопросу замечания со-

---

[1] In: Lenine et la pratique scientifique, p. 32.
[2] Ibid., p. 33.
[3] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 384.

ветского философа Т. Ойзермана являются самыми показательными, когда он пишет при рассмотрении выводов другого советского философа И. Фролова:

«Свою роль философия может выполнить, включаясь в единый поток познания, вскрывая всеобщее в специфическом» [1].

Действительно, речь идет о том, чтобы иметь, насколько возможно, ясное понимание понятия категории.

«Понятие категории, — пишет Т. Ойзерман, — зачастую применяется весьма расширительно, то есть толкуется просто как предельно общее понятие в рамках данной отрасли знания. С этой точки зрения иной раз говорят, что категориями классической механики являются масса, плотность, непроницаемость, скорость, давление, работа и т. д. Не стирается ли в таком случае различие между категориями и общими понятиями?» [2]

И он предлагает, конечно не по-аристотелевски, несколько списков собственно философских категорий: субстанция, материя, движение, пространство, время, единство, сущность, явление, закон, необходимость, в другом месте — бытие, генезис, тождество и противоположность, единство противоположностей, частное и общее, единичное и множественное, сущность и явление, необходимость, содержание и форма, материя и т. д.

Возможность, необходимость выделения категорий, вероятно, проистекает из их природы: об этом говорят очень известные тексты Ф. Энгельса и В. И. Ленина, — тексты, которые хотя и не исчерпывают проблему, но тем не менее позволяют ставить вехи.

Но что собой представляют эти категории? На свой страх и риск я предлагаю некоторые начатки для определения: моменты, узлы процесса познания, моменты специфической общности, диалектически связанные с «научными абстракциями (хотя они к этому не сводятся); моменты, которые можно извлечь из анализа различных процессов познания и особенно из их взаимосвязи (следовательно, из качественных скачков); узловые моменты познания, которые являются отнюдь не метафизическими субстанциями (неизменными, вечными), а историческими сущностями, основные черты которых развиваются не

[1] Ойзерман Т. И. Проблемы историко-философской науки. М., 1969, с. 213.

[2] Там же, с. 353.

в ритме процесса познания, понимаемого как хроника событий, но которые, да позволят мне такую метафору, имеют собственное временное измерение как временное измерение бессознательного, само временное измерение истории философии в ее исторически прогрессивном развитии (несмотря на повторяющийся антагонизм между идеализмом и материализмом). Более того, эти категории нельзя представлять изолированно, а только диалектически, в их взаимосвязи, в их немеханическом отношении к понятиям, к конкретному знанию, к социальной практике в ее совокупности, откуда они извлечены. Таково несколько длинное определение. Если мне удастся прояснить его, то на этом я закончу свою слишком затянувшуюся лекцию.

Я возьму, хотя, может быть, в строгом смысле это не категория, но представляет собой ядро диалектики (исходя из которого, вероятно, можно понять другие категории, если не все категории), понятие противоречия. В этой связи можно привести известные формулировки В. И. Ленина:

«Раздвоение единого и познание противоречивых частей его... есть *суть* (одна из «сущностей», одна из основных, если не основная, особенностей или черт) диалектики» [1].

Чуть ниже В. И. Ленин добавляет:

«Тождество противоположностей («единство» их, может быть, вернее сказать? хотя различие терминов тождество и единство здесь не особенно существенно. В известном смысле оба верны) есть признание (открытие) противоречивых, *взаимоисключающих*, противоположных тенденций во *всех* явлениях и процессах природы (и духа и общества *в том числе*)» [2].

Я думаю, что, исходя из этих формул, можно уловить одновременно «природу» категории и возможность изоляции теоретического содержания диалектики, если верно, что противоречие выступает как матрица всех категорий диалектики (если не как категория, объединяющая все категории).

В самом деле, противоречие не есть термин, понятие, которое отражало бы объективно процессы или моменты процесса на одном уровне форм движущейся материи.

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 316.
[2] Там же, с. 316—317.

В. И. Ленин, повторяю еще раз, писал: «Тождество противоположностей... есть признание... противоречивых... тенденций во *всех* явлениях и процессах природы...» [1]. В. И. Ленин подчеркивает слово «все». Исходя из этого текста, имеющего важное значение для анализа противоречия, вероятно, можно говорить, что категория в общем отличается от понятия не только своей наибольшей общностью в количественном плане, но также, и даже прежде всего, в качественном плане: если известно, что формы движущейся материи качественно различны, даже (и тем более) если налицо единство материальности, то отсюда следует, что сущность общности той или иной категории заключается в преодолении специфическим образом границ рода; категории диалектического материализма не являются аристотелевскими категориями. Если пользоваться противоречием как парадигмой, то оно отсылает ко *всем* явлениям природы (противоречие занимает свое место в диалектическом материализме лишь при условии, что отсылает соответствующим образом, который, очевидно, следует уточнить, к совокупности природных процессов). И можно было заметить, что В. И. Ленин говорит о природе как о единстве, представляющем сложное явление (общество и мышление, конечно, в качественном плане являются специфическими моментами, но в конце концов моментами природы, скажем, единства материальности).

Еще один момент: эта трансрегиональная, межрегиональная (следуя модели связи, Zusammenhang) общность вовсе не есть пустая абстракция по сравнению с богатством особенного и единичного. В. И. Ленин ее характеризует на весьма высоком уровне обобщения, различая две и только две концепции развития, процесса (это, видимо, уровень, свойственный тому, что Ф. Энгельс назвал общими «теоретическими концепциями»):

а) «развитие как уменьшение и увеличение, как повторение, *и*»

б) «развитие как единство противоположностей (раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношение между ними)» [2].

Иначе говоря: либо концепция, которая оставляет «в тени *само* движение», либо концепция, при которой

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с.

[2] Там же, с. 317.

«главное внимание устремляется именно на познание *источника «с а м о»*движения»» [1].

Итак, Ленин, очевидно, хотел сказать, что на уровне «теоретического мышления» выявление «квинтэссенции» научной деятельности и общественной практики состоит в показе исторического возникновения двух — и только двух — общих концепций развития, движения. Grosso modo метафизическая концепция и собственно диалектическая концепция. Но Ленин и нас наталкивает на мысль, что эти концепции можно изложить сами по себе. Специфическим содержанием, свойственным «диалектическим общностям», выступило бы содержание, присущее общим теоретическим концепциям. Стало быть, это содержание не сводится к известным «примерам», которые В. И. Ленин воспроизводит, справедливо критикуя недиалектическую концепцию примера и сущности (и/или закона):

«В математике + и —. Дифференциал и интеграл.

≫ механике действие и противодействие.

≫ физике положительное и отрицательное электричество.

≫ химии соединение и диссоциация атомов.

≫ общественной науке классовая борьба» [2].

Итак, каково содержание категории, каковы черты, характеризующие категорию? Нечто общее или, скорее, всеобщее, которое не просто повторяет то, что уже представлено в различных понятиях, но извлекает из них «квинтэссенцию». Противопоставлять здесь эволюцию и раздвоение единого на противоположности, конечно, не означает развивать in concreto математический анализ или анализ в области исторического материализма, это означает появление общей теоретической концепции, которая отражает общее движение мышления и которая по крайней мере указывает (за исключением тех случаев, когда эта общность есть лишь спекулятивная экстраполяция самых частных результатов) на «эпистемологический базис», от которого уже нельзя возвращаться назад (стало быть, отношение между «общими теоретическими концепциями» и реальным исследованием более диалектично, чем может казаться, не говоря уже об отношении между этими первыми «элементами» и идеологиями). Одним словом, «общая

---

[1] Л е н и н В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 317.

[2] Там же, с. 316.

концепция» определяет некое поле, но отнюдь не заменяет деятельность по выработке конкретных знаний.

Я возьму только один пример, сознавая, что он имеет лишь частичное значение для нашего анализа, — пример, связанный с категорией сущности, или закона, которая диалектически связана (впрочем, как и все прочие категории) с категорией явления и/или кажимости. Здесь нужно было бы показать, как в своих работах Ф. Энгельс, а также В. И. Ленин обновляют гегелевские понятия путем переработки многочисленных отрывков из «Науки логики». Конечно (и Гегель говорит об этом), вопреки всякой метафизической концепции для диалектики сущность есть закон ее проявлений. Но В. И. Ленин смещает акценты в соединении существенного и несущественного:

«...т. е. несущественное, кажущееся, поверхностное чаще исчезает, не так «плотно» держится, не так «крепко сидит», как «сущность». Etwa*: движение реки — пена сверху и глубокие течения внизу. *Но и пена* есть выражение сущности!» [1]

Несколько ниже: «Кажущееся есть сущность в *одном* ее определении, в одной из ее сторон, в одном из ее моментов. *Сущность* кажется тем-то. Кажимость есть явление (Scheinen) сущности самой в самой себе» [2].

Таким образом, содержание, свойства категорий диалектики как «философской науки» в той мере, в какой она не касается непосредственно «бытия» [3], а касается отношения «бытия» к знанию, не развиваются в ритме истории наук, понимаемой как хроника, не регистрируют изо дня в день новшества общественной и политической практики.

В конечном счете — и как раз это хорошо видел Гегель, хотя телеологическим, спекулятивным и идеалистическим образом, если иметь в виду то, что у него доминировало, — отношение между категорией и понятием само, очевидно, является диалектическим. Как «двигается» категория? Вспомним зарождение современного естествознания: «Современное естествознание вынуждено было заимствовать у философии положение о неуничтожимости движения» [4].

* Примерно.— *Ред.*

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 116.

[2] Там же, с. 119.

[3] Отметим: объективная реальность, бытие никоим образом не играют какую-либо трансцендентальную роль в марксистской философии. См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 43.

[4] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 360.

Это достаточно известно. Однако не следует истолковывать его как нечто абсолютно новое, «порожденное» «теоретической практикой»; изменение философской категории *причины* — а также времени и пространства — постгалилеевской наукой связано в философии с именем Декарта. Тем не менее между конкретным знанием и изменением содержания принципов и категорий лежит целая диалектика. Достаточно почитать вторую часть «Начал философии» и сразу становится ясно, что связь между изложением принципов и конкретным действительным развитием науки не есть простая связь. Излишняя изоляция категориального уровня носила бы столь же односторонний характер, как и непризнание его: различие «теоретического мышлепия» и наук должно представляться в развитии процесса, где оба термина составляют моменты, которые можно мыслить только во взаимозависимости.

Таким образом, статус общего представляет собой единое целое с установлением подлинных качественных скачков: по-видимому, настоящий качественный скачок в анализе противоречия — это тот скачок, который ведет нас к рассмотрению того, что такое сами по себе второстепенные или неантагонистические противоречия, взятые на основе совокупности научной деятельности и социальной практики. При этом если всеобщее тождественно со специфическим, то это теоретическое положение, которое можно выделить как таковое, не только не освобождает от конкретного анализа конкретной ситуации вместе с возможными ошибками и поправками, но требует его.

Может быть, я слишком абстрактно говорил. Я не претендую на то, чтобы дать исчерпывающий ответ на вопрос, которому была посвящена эта лекция. В конце концов цель была более скромная: если диалектика должна быть алгеброй революции, если имеется примат практики, то разве попытка несколько прояснить некоторые из наиболее абстрактных проблем, связанных со статусом материалистической диалектики, не может между прочим способствовать борьбе против идеологии «смерти философии», не означает непрагматическим и неложно политическим путем показать теоретическое достоинство марксизма-ленинизма и с позиций воинствующего материализма выступить в современной классовой борьбе, развертывающейся здесь и теперь?

Пьер Жегле

ДИАЛЕКТИКА ПРИРОДЫ: О НЕКОТОРЫХ ПОНЯТИЯХ (КАЧЕСТВО, КОЛИЧЕСТВО)

На первый взгляд нетрудно предпринять изложение диалектики природы и таких понятий, как качество, количество и т. д., исходя из таких известных работ, как «Диалектика природы», «Анти-Дюринг» Ф. Энгельса и «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленина, где более чем достаточно указаний для такой скромной задачи, как прочтение одной лекции. Однако такое изложение непременно вписывается в происходящий спор об отношениях между философией и наукой, о проблемах теории познания, о вкладе марксизма в решение этих проблем и, следовательно, о совокупности вопросов, которые порождают борьбу мнений, могущих принять крайние формы.

Мы считаем установленным, что интерес основоположников марксизма к естественным наукам не случаен, а, напротив, имеет существенное значение. Трудно в этом сомневаться, когда, например, видишь, как Энгельс ставит себе явной целью «показать, что диалектические законы являются *действительными законами развития природы* и, значит, имеют силу также и для *теоретического* естествознания»[1] (курсив мой. — *П. Ж.*). Эти утверждения в данном тексте не брошены наугад, как если бы автор не знал, в каком направлении пойдет дальнейшая работа. В «Анти-Дюринге» читаем: «Но диалектика и есть не более как наука о всеобщих законах *движения и развития природы* (курсив мой. — *П. Ж.*), человеческого общества и мышления»[2].

---

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 385.
[2] Там же, с. 145.

Очень знаменательно, что здесь собраны три термина: природа, общество и мышление.

Ф. Энгельс знал ловушки дедуктивизма, и тем, кого страх этого недостатка заставляет отказаться заранее от всяких конкретных поисков, полезно напомнить другой отрывок из «Анти-Дюринга»: «Само собой разумеется, что я ничего еще не говорю о том *особом* процессе, который проделывает, например, ячменное зерно от своего прорастания до отмирания плодоносного растения, когда говорю, что это — отрицание отрицания. Ведь отрицанием является также и интегральное исчисление. Значит, ограничиваясь этим общим утверждением, я мог бы утверждать такую бессмыслицу, что процесс жизни ячменного стебля есть интегральное исчисление или, если хотите, социализм. Именно такого рода бессмыслицу метафизики постоянно приписывают диалектике» [1].

Собственно говоря, до начала нашего изложения стоит, видимо, особо остановиться на анализе другого пункта. Речь идет об отношениях между К. Марксом и Ф. Энгельсом в связи с замыслом последнего написать то, что Маркс в письме к Либкнехту в 1876 году квалифицировал как «труд несравненно более важный», чем «Анти-Дюринг», а именно «Диалектику природы». Чтобы видеть, в какой степени взаимопроникают друг в друга замыслы и работы основоположников марксизма, напомним здесь факт, известный специалистам: некоторые тексты, опубликованные в «Диалектике природы», есть не что иное, как фрагменты предварительных работ к диссертации К. Маркса, университетской работы, написанной, когда ее автору было около двадцати лет, и озаглавленной «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура». Следовательно, Маркс предоставил в распоряжение Энгельса свои собственные предварительные исследования.

Введение к настоящему исследованию по проблемам качества и количества необходимо искать не где-нибудь, а в прямых свидетельствах, которые оставило это сотрудничество. В письме К. Маркса к Ф. Энгельсу, написанном в 1867 году, мы читаем: «Между прочим, из заключительной части моей III главы, где указывается на превращение ремесленника-мастера в капиталиста в результате

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 145.

чисто *количественных* изменений, ты увидишь, что я там в *тексте* привожу открытый Гегелем *закон превращения чисто количественного изменения в качественное,* как закон, имеющий силу в истории и в естествознании» [1]. Действительно, мы находим в отделе третьем I тома «Капитала отрывок, который потом воспроизведет Энгельс в «Анти-Дюринге»: «Владелец денег или товаров только тогда действительно превращается в капиталиста, когда минимальная сумма, авансируемая на производство, далеко превышает средневековый максимум. Здесь, как и в естествознании, подтверждается правильность того закона, открытого Гегелем в его «Логике», что чисто количественные изменения на известной ступени переходят в качественные различия» [2].

Итак, суть нашей первой проблемы будет заключаться в том, чтобы уточнить место, которое занимают категории качества и количества в зрелом марксизме. Мы увидим, что это место совершенно особое и что его точное определение, которое трудно осуществить во всем его объеме, настоятельно необходимо для тех, кто хочет понять связь марксизма с естествознанием, а также для тех, кто ставит вопрос о *законах диалектики*, я хочу сказать, о *формулировке* таких законов.

Кроме того, нам видно, как вышеприведенный текст Маркса отсылает к Гегелю. Тот, кто обращался к «Науке логики», знает, что очень значительная часть этого труда — примерно 400 страниц — посвящена категориям качества и количества. Как раз выяснению значения этого примечательного факта, исследование которого обязывает рассмотреть некоторые аспекты истории теоретического мышления в ее отношениях с развитием естественных наук, будет посвящена следующая часть нашего изложения.

Наконец, мы должны будем сформулировать проблемы, которые, как нам кажется, ставит перед современными марксистскими исследованиями нынешнее состояние этих вопросов, и тогда, вероятно, будет понятно, почему предпочтительное внимание уделено категориям качества и количества, в то время как поле размышлений, открытое «Диалектикой природы», могло бы побудить к другим выборам.

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 31, с. 260.
[2] Там же, т. 23, с. 318.

Самой распространенной идеей по поводу места категорий качества и количества в марксистской теории считается идея, которую представляет вышеприведенный отрывок из «Капитала». Суть этой идеи состоит в том, что имеется диалектический закон, согласно которому «чисто количественные изменения на известной ступени переходят в качественные различия». Ф. Энгельс со своей стороны в «Диалектике природы», как и в «Анти-Дюринге», иллюстрирует этот закон различными примерами, в том числе архиизвестным примером с водой, которая сразу замерзает или начинает кипеть, когда соответственно изменяется температура.

Однако следует сказать, что, как бы широко ни была распространена эта идея, она все же имеет ограниченный характер по сравнению с общей концепцией, которую Ф. Энгельс сам излагает относительно связи между качеством и количеством, так как в вышеприведенном тексте в диалектике можно найти следующее высказывание, которое охватывает большее разнообразие возможных отношений между качеством и количеством: «Закон этот (перехода количества в качество и *обратно*. — *П. Ж.*) мы можем для наших целей выразить таким образом, что в природе качественные изменения — точно определенным для каждого отдельного случая способом — могут происходить лишь путем количественного прибавления либо количественного убавления материи или движения» [1]. Такова самая общая форма, которую придали, насколько мне известно, классики марксизма закону отношения между качественными и количественными изменениями. Эта форма исключает сведение этого отношения к такому аспекту, который фиксируется в «качественных скачках».

Добавим к этому три замечания:

1. Существенно отметить, что для Ф. Энгельса имеется *диалектический закон* перехода количества в качество (или обратно). Речь идет, говорит Энгельс [2], об одном из диалектических законов — он перечисляет три, — которые абстрагируются из истории природы и человеческого общества. Среди сформулированных Ф. Энгельсом законов диалектики как таковых именно этот является предметом бо-

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 385.
[2] См. там же, с. 384.

лее или менее обстоятельного исследования. В текстах о диалектике, в которых у Ф. Энгельса излагаются три закона, дальнейшее развертывание получает фактически лишь один закон, закон превращения количества в качество и обратно, материала же по двум остальным (закон взаимопроникновения противоположностей, закон отрицания отрицания) сравнительно меньше. Всякий спор о возможности и необходимости формулировать законы диалектики должен учитывать тот вклад, который раньше внес Ф. Энгельс своим анализом категорий качества и количества. Наконец, примечательно, что этот вклад осуществляется в контексте, в котором связь между марксизмом и естествознанием представлена непосредственно.

2. В тот момент, когда Ф. Энгельс формулирует законы диалектики и начинает излагать диалектику отношений между количеством и качеством, он откладывает рассмотрение внутренних связей между этими законами. По-видимому, это обозначает рубеж, достигнутый Ф. Энгельсом в подготовке труда о диалектике, — замысел, который обдумывал и К. Маркс [1]. Современные марксистские исследователи здесь имеют очевидный материал для размышлений.

3. Критическое обсуждение категорий качества и количества, на наш взгляд, имеет место в трудах Ф. Энгельса только в виде набросков. Прежде всего тут имеется в виду гегелевский идеализм. В отличие от чисто спекулятивного изложения категории количества надо отметить знаменитый отрывок из «Анти-Дюринга»:

«Десять пальцев, на которых люди учились считать, т. е. производить первую арифметическую операцию, представляют собой все, что угодно, только не продукт свободного творчества разума. Чтобы считать, надо иметь не только предметы, подлежащие счету, но обладать уже и способностью отвлекаться при рассматривании этих предметов от всех прочих их свойств, кроме числа, а эта способность есть результат долгого, опирающегося на опыт, исторического развития» [2].

Можно отметить, что в этом тексте число, несомненный знак количества, появляется как качество, продолжающее существовать после того, как было абстрагировано от всех других качеств. Но категория качества со

[1] См. его письмо к Дицгену от 1868 года (Соч., т. 32, с. 456).
[2] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 37.

своей стороны, насколько нам известно, в трудах Энгельса не стала предметом конкретного позитивного или критического рассмотрения. Он, по-видимому, допускает понятие качества, пригодное для того, чтобы представлять все, что называется обычно свойством материи.

Такая позиция может породить проблему. В цитированном уже тексте о диалектике Ф. Энгельс, например, пишет: «В механике мы не встречаем никаких качеств, а в лучшем случае состояния, как равновесие, движение, потенциальная энергия, которые все основываются на измеримом перенесении движения и сами могут быть выражены количественным образом» [1]. Понимание качества, которое имплицитно содержит это утверждение о механике, противоположность, установленная между качественным и измеримым, быть может, означает тот момент, в котором сосредоточиваются некоторые трудности, помешавшие после смерти Ф. Энгельса развить полностью подлинную диалектику природы. Это станет яснее после следующей части нашего изложения.

Теперь остановимся на некоторых аспектах *истории* категории качества и количества, истории, в которой веху первой величины составляет «Наука логики» Гегеля. На одном примере мы видим, как эта «Наука логики» доставила Марксу и Энгельсу материал, который они переработали и включили в ткань материалистической мысли. Существует прямая связь между наличием категорий качества и количества в марксизме и местом, которое они занимали в трудах Гегеля.

Чтобы дать представление о месте этих категорий у Гегеля, необходимо напомнить, как построена «Наука логики». Но желательно не путать это напоминание, похожее на фотографическое изображение, с критической оценкой работы Гегеля.

Можно сказать, что «Наука логики» состоит из трех частей. Первая часть — учение о бытии. Гегель нам говорит, что логика бытия объективна, но не в том смысле, который мы сегодня придаем этому термину, а в том смысле, как она должна быть поставлена по отношению к логике понятия, которая для Гегеля есть субъективная

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 386.

логика и составляет третью часть его сочинения. Это деление на объективную логику (учение о бытии) и субъективную логику (учение о понятии) ведет, естественно, к рассмотрению того, что Гегель называет сферой опосредования, представляет собой учение о сущности и составляет вторую часть «Науки логики».

Не следовало бы из этого схематичного представления делать вывод о том, что будто учение о сущности есть простая соединительная черточка между составными частями логики (Бытие и Понятие). Скорее здесь надо говорить о ключевой части системы. Гегель, например, пишет, что сущность есть «истина бытия». Согласитесь, что это немало. И именно в этой части «Науки логики» он излагает центральную идею о том, что диалектическое противоречие есть корень всякого движения и всякой жизненности.

В интересующем нас здесь вопросе совершенно очевидно, что первая часть «Науки логики», фундамент объективной логики, является в сущности трактатом о качестве, количестве и их взаимных отношениях. Чтобы быть по возможности точным, можно даже сказать, что качество и количество для Гегеля являются *первыми определениями* бытия. Он к ним добавляет в так называемом «общем делении бытия» третье определение, имеющее, на наш взгляд, главное значение для понимания рассматриваемого теоретического момента в истории мышления. Это определение есть «качественно определенное количество» — мера. Каждое слово в этом отнюдь не спекулятивном высказывании идет в счет, так как оно выражает в общем и целом результат, которого достигает теоретическая разработка в естествознании вместе с понятием меры.

Здесь не место анализировать очень длинные рассуждения, которые Гегель посвящает этим трем определениям бытия. Скажем просто, что то, что он вообще подразумевает под «качеством», может быть понято как свойство, которое непосредственно воспринимается и проявляется, например, через предмет, вещь, в своих отношениях с другими вещами. Одна из черт гегелевской системы: понятия в ней всегда с необходимостью порождают друг друга в чистом логическом движении преимущественно от общего к частному, что вызывает нагромождение числа переходов, предназначенных для введения категории количества. По этому вопросу мы уже напомнили

мнение Ф. Энгельса, а некоторые замечания В. И. Ленина в «Философских тетрадях» также побуждают нас к осторожности по отношению к такой чисто формальной игре.

Но вопрос, который важно поставить, следующий: *зачем Гегелю, пожелавшему восстановить в своих правах диалектическое мышление, оказавшееся до него жертвой продолжительного забвения, понадобилось создать логику категорий качества, количества и качественно определенного количества, то есть меры?*

По этому вопросу мы наметим ответ из трех пунктов, которые последовательно связаны с отношением Гегеля к Аристотелю, с наследием греческой мысли по вопросу о диалектике и, наконец, с распадом античного наследия в период быстрых научных успехов, начавшихся в XVI веке, — распадом, после которого диалектическая теория могла быть восстановлена лишь через усвоение этих достижений и переворотов, совершенных в теоретическом мышлении.

Относительно первого пункта нам здесь достаточно краткого указания, взятого из «Введения» к «Науке логики», где Гегель пишет, что «со времени Аристотеля она (логика)...не сделала ни одного шага назад, но также ни одного шага вперед... Но если со времени Аристотеля логика не подверглась никаким изменениям... то мы отсюда должны сделать, скорее, тот вывод, что она тем более нуждается в полной переработке; ибо двухтысячелетняя работа духа должна была ему доставить более высокое сознание о своем мышлении и о своей чистой сущности в самой себе» [1]. Следовательно, Гегель предполагает в некотором роде прямо продолжить то, что было сделано Аристотелем.

У Аристотеля имеется критический итог диалектической концепции, разработанной до него греческими философами, — итог, который сопровождается обогащением новыми идеями, поднимающими эту концепцию до высшего уровня, достигнутого развитием знаний в IV веке до нашей эры. У Аристотеля имеется теория зарождения и исчезновения, то есть *становления* вещей и мира, становления, которое он рассматривает в терминах *противопо-*

---

[1] Гегель Г. В. Ф. Наука логики, т. 1. М., 1970, с. 105.

ложностей (порядок — беспорядок, большое — малое, целое — часть, белое — черное, единое — множественное, знание — незнание...), в традициях двух веков, которые ему предшествовали. Благодаря своей идее, развиваемой наперекор Гераклиту, что действие противоположных терминов проявляется в третьем термине, Аристотель, несомненно, первым набросал в общих чертах теорию единства противоположностей.

Но известно, что случилось позже с преподаванием, основанным на трудах Аристотеля и носившим полностью склеротический характер в средневековой схоластике; это преподавание начало сталкиваться с новыми идеями, которые с конца XV века начали возникать повсюду. К своему несчастью, аристотелевская мысль была отождествлена с космогонической концепцией — с системой Птолемея, — которая имела против себя людей, гонимых инквизицией за ересь, и успехи естественных наук, быстро развивавшихся со времени Коперника. Аристотель тогда оказался в руках медиков из комедий Мольера. Наша задача заключается не в том, чтобы обсуждать здесь собственно идеологические аспекты борьбы, завершившиеся тем, что греческая диалектика надолго была отправлена в музей истории. Но это происходило в то время, когда под влиянием как экспериментальных, так и теоретических факторов *количественное* (в виде меры) начинает принимать возрастающее участие в процессе развития научных знаний.

По-видимому, именно астроном Кеплер, которому наука обязана открытием эллиптической формы траектории планет вокруг Солнца, первым выразил со всей ясностью проявлявшееся в то время противоречие в теоретическом мышлении. Действительно, Кеплер отмечает, что у Аристотеля в конечном счете противоположные термины противопоставляют то, что является *тем же самым, и другое*, то есть здесь отношение инаковости, определяемое только через термины качества. Это не означает, что Кеплер отрицает существование таких отношений инаковости, которые Аристотель раскрыл, это не означает также, что Аристотель ничего не знал о количественном аспекте вещей. За четыре века до нашей эры гениальный Аристотель писал: бытие как субстанция есть и качество и количество. Кеплер ставит вопрос: что должно занимать центральное место — отношения инаковости, то есть по

существу качественные отношения, или отношения количественные?

Ответ Кеплера совершенно ясен и очень важен для движения идей, которое тогда началось и продолжается в наши дни. Кеплер заявил, что понятия «тот же самый» и «другой» нужно *заменить* понятиями *«больше»* и *«меньше»*, иначе говоря, в центр процесса познания нужно поставить вместо отношений качества отношения количества.

Следовательно, в этот момент мы вступаем в длительную фазу движения теоретического мышления, характеризующегося утверждающимся противопоставлением количества по отношению к качеству, можно сказать, борьбой за превосходство одной категории над другой. По-видимому, только сейчас начали задумываться о последствиях такого оборота, который приняла история теоретических наук на заре нашей эпохи, эпохи очень быстрого научного развития.

Надо особо подчеркнуть, что *подход Гегеля характеризуется учетом такого противопоставления и попыткой его преодоления* — благодаря пересмотру реального содержания научных знаний — в рамках учения о бытии, где количество и качество прекращают свой ложный спор, потому что наконец-то произошло их соединение в то, что Гегель называет качественно определенным количеством — мерой. Понятие меры постепенно выделялось в ходе научного развития, и, если можно так сказать, оно не было «готово», когда Гегель писал «Науку логики». Поэтому для Гегеля существование меры вещей (что не следует путать с перечислением) остается частично загадочным. Значит, лишь с учетом последних достижений, углубления понятия сохранения, построения понятий обратимости и необратимости нужно оценивать важность принципов качества, количества и их соединения в мере, выдвинутых Гегелем. Таким образом, видно, каким путем категории качества и количества в конце концов стали первостепенным материалом для создания современной диалектики. Центральный пункт здесь заключается в следующем: *включение в марксизм категорий качества и количества проистекает из необходимости преобразовать — внутри материалистической диалектики и в соответствии с достижениями современной науки — диалектические принципы античного мышления.*

Чтобы представить проблематику, являющуюся основным предметом нашего изложения, резюмируем то, что было сказано до сих пор:

а) Для Маркса и Энгельса существует закон перехода количества в качество; этот закон может быть сформулирован по-разному, но он есть один из *общих законов*, которые в силу самой своей общности относятся к числу законов диалектики.

б) Качество, количество и мера являются тремя основными категориями в логике Гегеля (в его объективной логике), и именно здесь находится путь, который предшествует их включению в марксизм.

в) Включение качества и количества как центральных категорий в диалектику связано с современным развитием естественных наук.

Исходя из этого, ясно, что понимание отношения марксизма к естественным наукам должно много выиграть при полном прояснении статуса категорий качества и количества в материалистической диалектике. Однако если Энгельс имел случай дать материалистическую критику спекулятивного анализа количества у Гегеля в связи с происхождением *чисел*, то он не оставил никакого сколько-нибудь важного текста о другом аспекте количества, который Гегель называл качественно определенным количеством, то есть *мерой*. Между тем это понятие становится центральным понятием для естествознания на определенной ступени теоретической разработки.

Для физиков, например, проблема меры есть проблема *размерности* величин, используемых ими, и однопорядковости уравнений, в которых они выступают. Вот очень простой пример для понимания разницы между числом и мерой: мы находимся в зале, где присутствует сто человек; хотя мы в некотором смысле имеем качественно определенное количество (сто персон), сто здесь чистое число, результат подсчета присутствующих; с другой стороны, зал имеет площадь в 100 квадратных метров и, хотя это может удивить, количество, которое нас теперь интересует, имеет другую природу; это мера, а не простое число. В этом можно дать себе отчет, например, вспомнив, что площадь зала получают путем умножения длин обеих сторон, то есть совершают операцию, которая касается иных качеств, чем то, к которому относится число 100; эта операция определяет новое качество — площадь, единицей которой, на-

пример, будет квадратный метр. Именно когда соединение нескольких качеств создает определенным образом новое качество, мы имеем *меру* (здесь две длины соединены для получения нового качества — площади). Иначе мы имели лишь одно перечисление.

Этого различения нет в анализах проблем количества, которые до сих пор проводила диалектика, и верно, что на первый взгляд оба случая, взятые здесь в качестве примеров, могли бы представиться как примеры качественно определенного количества. Причиной такого недостатка послужило состояние науки, которое к середине прошлого века не позволяло еще легко проводить важные различия такого рода, ибо из-за элементарного вида вышеприведенных примеров не надо забывать, что проблема размерности физических величин (то есть качественного содержания их меры) есть в действительности всегда сложная проблема.

Достигнув этого пункта, мы выдвигаем идею о том, что указанный здесь недостаток заметно исказил смысл идеи, которую сам марксизм выдвинул, — о своем отношении к теоретическому естествознанию. Действительно, разве не *механика* со времен Галилея и до наших дней, больше чем любая другая наука, развивала понятие меры, важность которого мы только что показали? А какое слово больше, чем слово «механика», обременило себя значением, прямо противоположным значению слова «*диалектика*»?

С самого начала, на рубеже XV и XVI веков, механика выделила точные понятия пространства и времени, *качественные* отношения между которыми позволяют установить дефиниции новых понятий — понятий скорости и ускорения. Получение ясного представления об этих понятиях, которые кажутся большинству из нас элементарными, потребовало огромных усилий со стороны самых выдающихся умов своего времени. Анализ других отношений, благодаря чему была выработана другая величина — масса, — позволил в свою очередь в ходе постепенного развития в течение двух веков определить кинетическую энергию, импульс (который Декарт смешивал с предшествующим понятием), затем кинетический момент (характеристика движений вращения). Только к 1840 году благодаря Гельмгольцу разрабатывается понятие потенциальной энергии.

Это время расцвета новых *качеств*, которые явились результатом новых открытий, и здесь можно понять оговорки, которыми мы сопровождали высказывание Ф. Энгельса о том, что в механике мы не встречаем никаких качеств... Если речь идет о понятии энергии, например, то мы прежде всего имеем дело с качественными изменениями в обычном смысле, с превращением потенциальной энергии в кинетическую, кинетической в тепловую, тепловой в световую и т. д. Но как показала теоретическая наука, то есть механика, мы здесь присутствуем во всех случаях при одном и том же соединении качеств, массы, длины, времени в определенных пропорциях: ML^2T^{-2}; открытие, которое следует из изучения механики в течение нескольких веков, гласит, что основной закон движения — сохранение энергии в различных формах, в которых она может выступать, — это прежде всего качественный аспект в обычном смысле, то есть определенное отношение качеств (M, L, T), которое образует новое *качество* — энергию.

Если нам это ясно, то мы можем сделать шаг вперед, чтобы увидеть проблему, которую поставили вначале, под новым углом, — проблему связи между диалектическими законами, точнее, в данном случае проблему связи между законом перехода количества в качество и другими законами диалектики.

Мы только что видели тесную связь между законом сохранения, с одной стороны, и определением меры — с другой: энергия может быть кинетической или потенциальной, механической или тепловой; но через *размерность*, которая ее измеряет (масса, умноженная на длину в квадрате, разделенная на время в квадрате ML^2T^{-2}), она всегда есть энергия, энергия как *качество*. Таким образом, *качество* одновременно *изменяется и сохраняется*. Вообще, когда проводят до конца анализ этого «качественно определенного количества», являющегося мерой в физике, то непременно констатируют, что выдвижение такого качественного определения количества (меры) подразумевает, что налицо сохранение качества при качественном превращении.

Что это значит, если не то, что *в самой сущности соединения качества и количества можно увидеть другой закон диалектики — закон взаимопроникновения противоположностей?*

Стоит поразмыслить над тем, что именно та часть, которая посвящена теории качества и количества у Гегеля, натолкнула В. И. Ленина на важнейшее определение в «Философских тетрадях»:

«*Диалектика* есть учение о том, как могут быть и как бывают (как становятся) *тождественными противоположности*, — при каких условиях они бывают тождественны, превращаясь друг в друга, — почему ум человека не должен брать эти противоположности за мертвые, застывшие, а за живые, условные, подвижные, превращающиеся одна в другую. En lisant Hegel...*» [1].

Для физических наук это действительно только тогда, когда понимают, что *всякое превращение выражается полностью лишь в том случае, если известно, в чем заключается сохранение, которое ему соответствует; из соединения этого возникает теория меры.*

Понимать дело так, что каждая вещь образует единство со своей противоположностью, стало быть, признать сначала противоположные аспекты внутри процесса, затем объединить их в терминах закона сохранения — таково основное условие развития меры, то есть определения количеств, связанных с качествами, которые называют размерностями. Таким образом, понимание меры как понятия ведет нас к тому, чтобы снова вернуться к исследованию материи под углом зрения процесса, превращения, изменения, движения.

Как показать в процессе постоянство качества при изменении качества, чтобы располагать мерой? Другими словами, на чем основывается открытие закона сохранения, имеющего непременно как качественный, так и количественный характер? На такие вопросы, очевидно, нет исчерпывающего ответа, ибо в каждом конкретном случае это дело конкретной науки. Но видимо, можно выделить один характерный признак подхода, связанного с этой формой освоения количественного.

В самом деле, насколько нам известно, нет такого закона сохранения, который каким-то образом не был бы связан с процессами, имеющими *обратимый* характер. Вообще вряд ли был бы смысл говорить о сохранении какой-либо величины, если бы превращения, которым

---

* Читая Гегеля.— *Ред.*

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 98.

она подвергается, исключали всякую возможность возврата к первоначальному состоянию. В конечном счете сохранение следует из того, что после цикла превращения то, что было в начале, находится также в конце, и это можно констатировать.

Тем не менее понятие обратимости процесса является совсем не таким простым. Понятие обратимости приобретает такие же разнообразные формы, как конкретные процессы, к которым оно применяется. Бывает, что его можно выразить на обыденном языке, но на определенном теоретическом уровне оно представляется в абстрактной, иногда сильно математизированной форме, как в случае с теорией групп симметрии [1].

Вообще, на наш взгляд, можно сказать, что обратимое превращение есть такое превращение, которое имеет в себе свое собственное отрицание. Но нужно уточнить диалектическое содержание движения мышления, которое приводит к формулировке закона сохранения: превращение, затем обратное превращение; то есть отрицание, затем отрицание отрицания и открытие того, что сохраняется в том, что уничтожается в каждой крайней точке возвратно-поступательного движения.

Говоря об обратимости, мы не должны забывать, что полагаемое превращение имеет место среди многих других, от которых оно изолировано лишь мыслительной операцией. Эти другие бесчисленные превращения не все, очевидно, удовлетворяют критериям обратимости. Они могут иметь такую природу, что мы не в состоянии решить наверняка, имеет ли в них место обратимость, но нам достоверно известно, что необратимые превращения существуют. Следовательно, хотя понятие обратимости в связи с «мерой каждой вещи» имеет важное значение, тем не менее мы не должны терять из виду его относительный характер. Это проявляется в физике при описании количеств, которыми можно пренебречь в ходе обратимого превращения.

До сих пор я говорил об обратимости лишь в общих терминах. Чтобы быть более понятным, необходимо теперь сказать несколько слов о понятии *«состояние»*. В самом деле, если превращение позволяет чему-нибудь пе-

---

[1] См.: Bitsakis E. — In: Colloque d'Orsay, 1971, Lénine et la pratique scientifique.

рейти из одного состояния в другое, то ясно, что в случае с обратимым превращением мы должны точно знать, в чем суть состояния, чтобы в конце цикла мы могли распознать возврат к первоначальному состоянию. Однако понятие состояния подвержено изменениям, и исключение всякой двусмысленности в описании состояния является серьезной проблемой, стоящей перед науками. Действительно, состояние всегда определяется конкретно, например частным значением некоторых величин, включенных в закон процесса. Но в это определение входят не *все* величины, поддающиеся изменениям в ходе процесса; этот факт является причиной многих дискуссий о «детерминизме» или «необходимости». Фактически мы здесь имеем абстракцию того же типа, что и абстракция, которая мысленно выделяет данное превращение из совокупности превращений, совершающихся одновременно. Состояние, хотя оно и определено конкретно, есть абстракция, которая сводит процесс к одному из его аспектов.

Нужно добавить, что для характеристики обратимого превращения недостаточно указать на допустимый или вынужденный возврат к первоначальному состоянию. Переход из первоначального состояния в конечное состояние, идентичное первоначальному состоянию, описывает просто цикл. Если изменениями, которые затрагивают величины, не указываемые при описании состояния, нельзя пренебречь, то превращение необратимо, ибо условия, управляющие реализацией нового цикла, изменились. Зато, насколько нам известно, нет такого обратимого превращения, которое не содержало бы в себе в качестве возможности или в качестве необходимости осуществление цикла, то есть возврата в первоначальное состояние.

Прежде чем идти дальше, поразмыслим над примером, взятым из политической экономии. Мы увидим, что понятия меры и сохранения, а также их связь с понятиями цикла и обратимости являются более общими, чем это вытекает из учета сфер знаний, где их обычно используют. Вместе с тем мы надеемся, что этот пример повысит интерес к теме этой лекции тех, чья работа обычно не связана со специфическим лексиконом естественных наук.

На первых страницах «Капитала» К. Маркса очень точно излагается то, что мы называем законом сохранения.

«Известный товар, например один квартер пшеницы, обменивается... на другие товары в самых различных пропорциях. Но ...различные *меновые стоимости* одного и того же товара *выражают нечто одинаковое...*» [1] (курсив мой. — *П. Ж.*). В этой главе Маркс развивает не теорию меры, а теорию стоимости. Но стоимость представляет особую меру, относящуюся к товарам. Анализ, осуществленный Марксом, может быть с пользой рассмотрен под углом зрения его вклада в решение общей проблемы меры.

В таком случае необходимо представить вам следующее замечание Маркса. Мы знаем, что субстанция стоимости — это труд. Мы знаем меру его количества — рабочее время. Но «вещь может быть полезной и быть продуктом человеческого труда, но не быть товаром. Тот, кто продуктом своего труда удовлетворяет свою собственную потребность, создает потребительную стоимость, но не товар. Чтобы произвести товар, он должен произвести не просто потребительную стоимость, но потребительную стоимость для других, общественную потребительную стоимость» [2]. Следовательно, рабочее время, необходимое для производства вещи, имманентно не является мерой стоимости этой вещи.

Рабочее время превращается в *меру* лишь тогда, когда вещь становится товаром, то есть начинает подвергаться серии обменов — специфическое наименование того, что мы до сих пор называли в общих терминах процессом или превращением. Поскольку мы имеем дело с законом сохранения, с законом стоимости, то в чем заключается обратимость серии обменов и какую роль она играет в возникновении меры обмениваемых вещей? Таковы вопросы, имеющие прямое отношение к теории меры.

Напомним, что Маркс выражает отношения стоимости в форме уравнения такого типа:

20 аршин холста = 1 сюртуку [3]

и на некоторых этапах своего анализа говорит об их взаимной равноправности, другими словами, об обратимости актов обмена, который они выражают. Так, например, в предыдущем уравнении относительная форма стоимости холста выражается эквивалентно в сюртуке и «смотря по

---

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 45.
[2] Там же, с. 49.
[3] Там же, с. 62.

тому, как мы будем читать это уравнение, слева направо или обратно, каждый из двух товарных полюсов, и холст и сюртук, окажется попеременно то в относительной форме стоимости, то в эквивалентной форме»[1]. Но эта обратимость не имеет большого значения, если рассматривать лишь один акт обмена. Поэтому Маркс говорит, что «здесь еще довольно трудно установить полярную противоположность»[2].

Иное дело, если принять во внимание совокупность возможных обменов на двадцать аршин холста. Именно это делает Маркс, чтобы определить развернутую относительную форму стоимости, выраженную серией уравнений:[3]

20 аршин холста = 1 сюртуку

20 аршин холста = 10 фунтам чая и т. д.

Каждому уравнению здесь соответствует возможный обмен, в котором участвует холст. Об этой серии Маркс говорит, что она никогда не закрыта, ибо на рынке появляются новые товары. Однако при рассмотрении рынка в определенный момент ясно, что число товаров, на которые могут быть обменены двадцать аршин холста, как бы велико оно ни было, все же не бесконечно. Следовательно, если мы на минуту абстрагируемся от появления или исчезновения товаров, то относительная форма стоимости выразится *конечным* числом уравнений вышеприведенного типа. Когда полный список этих уравнений написан, то совокупность возможностей обмена на двадцать аршин холста оказывается тем самым исчерпанной. Еще один лишний акт обмена — и 20 аршин холста возвратятся на свою исходную точку, к своему первому владельцу. Этот дополнительный акт, стало быть, выразится как раз через одно из предыдущих уравнений, «прочитанное наоборот», например:

40 фунтов кофе = 20 аршинам холста.

В таком случае мы имеем *замкнутый цикл,* возврат в «первоначальное состояние», который аннулирует все предыдущие обмены на двадцать аршин холста. Эта замкнутость цикла — отрицание товарооборота — полностью

---

[1] Там же, с. 78.

[2] Там же.

[3] См. там же, с. 74.

выражает сохранение стоимости, поскольку первый владелец получает обратно точно то, что он имел вначале.

Итак, замкнутость цикла обмена и обратимость актов обмена находятся в тесной связи. Схватывая процесс в его совокупности, К. Маркс одновременно переворачивает все уравнения своего ряда, то есть записывает все возможные способы закрытия цикла, то есть опять же выражает в своей совокупности обратимость процесса обмена: [1]

$$\left.\begin{array}{ll} 1 \text{ сюртук} & = \\ 10 \text{ ф. чаю} & = \\ 40 \text{ ф. кофе} & = \\ 1 \text{ квартер пшеницы} & = \\ 2 \text{ унции золота} & = \\ {}^1/_2 \text{ тонны железа} & = \\ x \text{ товара } A & = \\ \text{и т. д.} & \end{array}\right\} \text{20 аршинам холста,}$$

и таким образом он приходит к всеобщей форме стоимости, к единственному товару, служащему в качестве всеобщего эквивалента для всех остальных.

Мы видим здесь, каким образом процесс — товарооборот — осуществляется необратимо под угрозой самоотрицания, в данном случае под угрозой потерять свое общественное значение, и однако он имеет свойство обратимости для каждого из своих элементов (здесь для каждого акта обмена), как и для всего процесса в целом, который ежеминутно стремился бы замкнуться в самом себе, если бы на рынке не появлялись новые товары. Мы также констатируем, что при изучении количественного аспекта процесса нельзя обойтись без этого свойства обратимости.

Возвращаясь снова к физике, являющейся преимущественно количественной наукой о природе, мы не удивимся тому, какое место в ней занимает понятие обратимости. Оно в ней принимает столько форм, что мы даже не будем пытаться их перечислить. Нас будут интересовать лишь некоторые аспекты проблемы, имеющие отношение к сохранению одной из самых основных физических величин — энергии.

---

[1] См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 75.

С одной стороны, хорошо известен закон сохранения энергии; с другой стороны, *большинство законов физики обратимы по отношению ко времени*, то есть, если можно так выразиться, они игнорируют существование прошлого и будущего. Так обстоит дело с законами классической механики, с уравнениями распространения электромагнитного поля, уравнением Шредингера и т. д. Что это значит и какая связь существует между этими двумя фактами?

Классическая механика имеет своим предметом исследования траектории, скорости, ускорения макроскопических тел, обладающих массой. Она знает две формы энергии, и только две: кинетическую энергию, которая, как указывает ее название, выражает движение, и *потенциальную* энергию, проявления которой непосредственно не даны, но которая всегда готова превратиться в кинетическую энергию. В то же время в классической механике понятие состояния системы особенно просто. Если система образована из материальных точек — а ее всегда можно свести к этому случаю, — то ее состояние целиком определяется местоположением и скоростями этих точек. Стало быть, также очень просто определить цикл. Цикл считается завершенным, когда все точки системы возвращаются в свои первоначальные позиции и одновременно восстанавливают свои начальные скорости. Такие циклы непрерывно имеют место в периодических движениях.

Когда механика изучает системы, которые непрерывно описывают цикл, то она вовсе не имеет в виду системы, которые для этого снабжаются энергией. В сущности, вечное движение составляет основное теоретическое понятие механики. Оно основано на абстракции, согласно которой *движущаяся* система может рассматриваться как система, энергетически изолированная от всякой другой системы. Правомерность такой абстракции подтверждается экспериментом; она сначала диктуется движением небесных тел и особенно планет; другое подтверждение своей правомерности она находит в возможности осуществления движений, например маятниковых, колебания которых поддерживаются с помощью количественно небольшой энергии, намного меньше, чем энергия самих движений.

Итак, рассмотрим систему, которая не получает и не теряет энергию, но в то же время приводится в действие

циклическим движением. Для простоты предположим, что эта система есть тяжелый конец маятника, описывающего поочередно дугу круга вправо, затем влево и т. д. На самой низкой точке своего хода конец маятника обладает максимальной скоростью, с которой связано определенное значение кинетической энергии. Но в верхних точках хода вправо или влево скорость равна нулю и, следовательно, кинетическая энергия тоже отсутствует. Однако когда во время следующего колебания маятник снова достигает низшей точки, то он снова полностью обретает свою кинетическую энергию, как это может показать любое измерение его скорости. Так как во время движения маятника он ничем не снабжался и у него ничего не отнимали, то кинетическая энергия при своем исчезновении превращается в потенциальную энергию, способную в свою очередь снова превратиться в кинетическую энергию. Отсюда одна из форм принципа сохранения энергии: эквивалентность кинетической энергии и потенциальной энергии.

Из этого примера мы видим тесную связь, существующую между циклом и законом сохранения. Отсюда мы можем извлечь другую важную вещь. В частном случае маятникового движения его цикл распадается на две одинаковые, но направленные в противоположные стороны части: одна и та же кривая описывается поочередно слева направо, затем справа налево. Но что произойдет, если изменить знак времени на противоположный, описывая это движение в математических выражениях? Траектория останется неизменной, но направление движения изменится. Следовательно, изменение знака у времени — замена будущего прошлым — это обмен двух полуциклов движения, но это не меняет само движение. Иначе говоря, в том движении, какое мы только что описали, понятия прошлого и будущего не имеют смысла. «Направление течения» времени может быть выбрано произвольно. Говорят, что уравнения движения симметричны по отношению к инверсии времени.

Мы здесь подходим к сущности понятия обратимости. Когда мы рассматриваем осуществленный цикл в маятниковом движении, то мы получаем сохранение энергии глобально в полном цикле. Но превращение кинетической энергии в потенциальную совершается непрерывно в течение этого цикла. Стало быть, сохранение энергии долж-

но проявляться не только в интервале времени, возможно, довольно большом, соответствующем циклу, но и во все ничтожные интервалы времени, на которые цикл может быть расчленен! Для этого нужно, чтобы каждому бесконечно малому перемещению в одном направлении могло соответствовать обратное перемещение, чтобы, по крайней мере теоретически, бесконечно малый цикл был возможен. Это значит, что уравнения движения должны быть составлены так, что если в системе возможно какое-либо движение, то всегда будет возможно и обратное движение, то есть такое движение, что система снова проходит через те же состояния в обратном порядке. Именно это выражает инвариантность законов механики по отношению к изменениям знака времени, инвариантность, которая, разумеется, имеет общий характер, а не ограничивается приведенным здесь примером.

Из предыдущего следует, что если бы законы механики были универсальными законами движения материи, то прошлое могло бы быть безразлично принято за будущее, и наоборот. Понятия прошлого и будущего запечатлеваются в понятии времени, так как существуют необратимые процессы, тем более заметные для человека, что они касаются непосредственно его жизни. Но, по нашему мнению, следует признать, что объективная основа обратимости времени так же сильна, как и объективная основа его необратимости. Обратимость времени действительно является одним из оснований «точного отношения» количественного к качественному, то есть меры. Стало быть, мы не должны выбирать между обратимым временем и необратимым временем. Время есть противоречивое понятие, отражающее определенный аспект движения, которое само носит противоречивый характер.

Не забудем, однако, что только в абстракции система рассматривается как энергетически изолированная от окружающей среды. Всякое прибавление или всякая потеря энергии, как бы мала она ни была, изменяет систему, которая перестает быть полностью циклической. Ее эволюция приобретает необратимый характер, хотя эта необратимость может проявляться лишь очень медленно.

Теперь мы увидим, что эти ограничения абсолютной обратимости естественных процессов не составляют един-

ственный вклад физики в понятие необратимости. Все-таки представляется, что, хорошо подготовленная своим количественным подходом для различения циклических и обратимых эволюций, физика, когда она покидает свою любимую почву, начинает кое-где спотыкаться. Об этом свидетельствуют превратности понятия энтропии.

В противоположность энергии энтропия не есть величина, чьи проявления даны непосредственно в самом обыденном опыте. Поэтому гораздо труднее постичь ее значение с помощью простых примеров. Но энтропия есть величина, которую открыла физика для характеристики *необратимых эволюций* исследуемых ею систем. Оказывается, изучение изменений этой величины имеет огромное значение для понимания многих физико-химических явлений, а сфера ее применения все больше и больше распространяется на биохимию и даже на биологию. Поэтому мы не можем обойтись без краткого рассмотрения того, что такое энтропия, каково ее отношение к качественным скачкам, чтобы уточнить, что же в настоящее время подразумевается под необратимостью в естественных науках.

На наш взгляд, важно отметить, что в сущности энтропия не есть мера в том смысле, в каком до сих пор это слово употреблялось, а есть величина, зависящая от *счета* [1]. Если речь идет о счете, то это значит, что кое-что считают. Но что? Мы уже говорили о понятии состояния. Нам нужно снова к нему вернуться, так как счет здесь касается различных микроскопических состояний, способных осуществлять одно и то же макроскопическое состояние.

Под макроскопическим состоянием, например, понимают следующее: газ имеет данный объем, данное давление при данной температуре. Объем, давление, температура суть величины, значение которых определяет *макроскопическое состояние*. Но этот газ состоит из очень

---

[1] В классической термодинамике энтропия имеет размерность, что придает ей видимость меры; но это следует из того случайного факта, что температуры указываются в градусах, а не в единицах энергии; в таком случае энтропия имеет размерность константы Больцмана; вместе с развитием физики высоких температур эти температуры все чаще выражаются в единицах энергии.

большого числа молекул, которые мы представляем в макроскопическом масштабе как крошечные материальные точки, обладающие массой. К ним применимы упомянутые нами раньше законы механики. В каждый данный момент каждая молекула имеет определенные положение и скорость и находится, стало быть, в таком состоянии, которое мы определили в терминах механики. Совокупность состояний всех молекул образует *микроскопическое состояние* газа, которое определяется через положения и скорости всех своих молекул.

Легко понять, что микроскопическое состояние газа определяет его макроскопическое состояние: давление газа есть лишь проявление скорости его молекул и температуры, выражение их средней энергии. Но неверно обратное утверждение, ибо *очень большое число различных микроскопических состояний порождает одно и то же макроскопическое состояние*. Это происходит оттого, что давление и температура суть средние величины и что существует огромное число сочетаний скоростей или энергий молекул, которые дают одни и те же средние значения давления и температуры газа. Это число, точнее, его логарифм, есть *энтропия* рассматриваемой среды.

При этом имеется связь между степенью порядка в системе и ее энтропией, потому что чем больше система упорядочена, тем меньше сочетаний местоположений и скоростей, которые она способна осуществлять в микроскопическом масштабе. Крайним примером могло бы служить тело при температуре абсолютного нуля: все его молекулы были бы неподвижны, правильно расставлены и зафиксированы кристаллическим состоянием: с точки зрения лишь скоростей число возможных микроскопических состояний равно единице, ибо допустима лишь одна скорость, и она равна нулю. Поднимем температуру: молекулы начинают колебаться вокруг своих первоначальных местоположений и их скорости могут комбинироваться всевозможными способами внутри одного и того же макроскопического состояния; тогда энтропия растет как логарифм числа этих сочетаний. Снова поднимем температуру: кристалл расплавляется, так как колебания получили слишком большую амплитуду, чтобы молекулы могли оставаться по соседству со своими прежними местоположениями. Появляются новые возможности для микроскопических состояний, и это выражается через

повое возрастание энтропии. Таким образом, она может быть понята как показатель степени упорядоченности системы.

Кроме того, степень упорядоченности системы тесно связана с ее качественными свойствами. В вышеприведенном примере строгий порядок молекул в твердом теле превращается в относительный беспорядок в жидкости. Качественный скачок состоит в преобразовании макроскопических законов, которым подчиняется система, например гидродинамических законов, описывающих течение жидкости, законов упругости, описывающих механические свойства твердого тела. Энтропия, говорили мы, есть показатель степени упорядоченности, которая обусловливает качественное состояние системы. Отсюда следует, что *изменение энтропии должно рассматриваться как выражение* — не вообще выражение, а «точное» выражение — *накопления микроскопических количественных изменений, которое вызывает качественные скачки на макроскопическом уровне* [1].

Теперь мы можем приступить к обсуждению законов необратимости в том виде, в каком они представлены в естествознании. Эти законы сформулированы крайне лаконично в виде второго принципа термодинамики, который гласит, что изменение энтропии изолированной системы никогда не может быть отрицательным. Иначе говоря, для системы, не обменивающейся ни материей, ни энергией со своей окружающей средой, энтропия либо растет, либо постоянна.

В последнем случае о системе говорят, что она уравновешена. В уравновешенной системе совершаются бесчисленные микроскопические процессы, но в целом система не эволюционирует. В частности, она не подвергается качественным изменениям. Но состояние равновесия может быть осуществлено благодаря одновременному и

---

[1] Это накопление может быть выражено только тогда, когда микроскопические состояния хорошо определены. Чтобы распространить закон количественного накопления на качественные измерения, происходящие на микроскопическом уровне, нужно знать субмикроскопический уровень. В настоящее время существует предел на уровне «элементарных» частиц. Как раз об этом я писал при подготовке коллоквиума CERM «Ленин и научная практика»: закон количественного накопления не осуществляется на квантовом уровне.

длительному присутствию двух качественно различных форм, обычно превращающихся одна в другую. Это замечание важно для уточнения понятия качественного скачка. С понятием скачка общепринято связывать идею внезапности, даже насилия. На самом деле понятие скачка выражает лишь качественный разрыв, переход от одного типа свойств к другому типу свойств. Совершается ли этот разрыв медленно и постепенно во времени или быстро и неожиданно — это вопрос частного случая. В состоянии равновесия обе фазы сосуществуют до бесконечности.

Мы не будем задерживаться на применениях второго принципа, которые вытекают прямо из вышеприведенного изложения, несмотря на то, что периодически снова всплывает их философская экстраполяция, предсказывающая тепловую смерть Вселенной. Значительно более интересные моменты для размышления представлены новым физико-химическим направлением, на которое Ж. Д. Мартинан уже обратил внимание [1]. Речь идет о термодинамике необратимых процессов [2].

Вернемся снова к рассмотрению вопроса о качественных скачках. Во всех случаях, изученных до настоящего времени физикой и химией, качественный скачок в принципе может совершаться в двух направлениях. Так, можно сколько угодно осуществлять переход от состояния жидкости к состоянию твердого тела, и наоборот. Можно также синтезировать или разложить молекулу. Но что происходит с энтропией в такого рода превращениях туда-обратно? Здесь уже нельзя рассуждать об энтропии изолированной системы, ибо эти последовательные превращения требуют привнесения энергии, даже материи извне. Раз система открыта для обменов, она обменивается с внешним миром также и энтропией. Необратимость в таком случае проявляется в том, что внутренние изменения системы в стадии эволюции являются *производителями энтропии.* Их роль во всей энтропии системы всегда позитивна, если не равняется нулю.

---

[1] Martinand J.-L.—In: Colloque d'Orsay, 1971, Lénine et la pratique scientifique.

[2] Prigogine I. Introduction à la thermodynamique des processus irréversibles. Paris, Dunod, 1968; Glansdorf P. et Prigogine I. Structure, stabilité et fluctuation. Paris, Masson, 1971.

Что это значит? Это значит, что качественные скачки могут осуществляться в двух направлениях и что первоначальное качественное состояние может быть снова воспроизведено, но при этом *каждый качественный скачок вызывает бесповоротное изменение в микроскопическом порядке вещей.* Увеличение энтропии в связи с эволюцией системы — энтропии, которая в целом или частично выбрасывается во внешнюю среду, — является *нестираемым отпечатком* этой эволюции на среде. Количественное накопление, связанное с ростом энтропии, не только вызывает качественные скачки, но последние в свою очередь способствуют накоплению новых количественных изменений, накоплению, которое не устраняет обратный качественный скачок, если он происходит. Таков, на наш взгляд, глубокий смысл термодинамической необратимости.

Увеличение энтропии в связи с эволюцией систем долгое время рассматривалось как чисто негативное явление, потому что оно, казалось, неизбежно ведет к состоянию равновесия, где энтропия перестает расти, а система эволюционировать. Эта трудность стоит того, чтобы на минуту поинтересоваться причинами, которые делали столь трудным ее преодоление. Мы уже говорили, что значение энтропии дается подсчетом микроскопических состояний, способных давать одно и то же макроскопическое состояние. Содержанием энтропии является именно это число. Знание энтропии ничего не говорит о природе — качестве — сосчитанных микроскопических состояний. Значит, оно не дает возможности предвидеть, что произойдет в том или ином конкретном случае внешнего прибавления энтропии, так как в каждом случае то, что происходит, зависит одновременно от системы-приемника энтропии и природы рассматриваемых микроскопических состояний.

Но мы знаем и исследуем растущее число физико-химических ситуаций, которые свидетельствуют о повторном использовании количественного накопления, выраженного в форме роста энтропии. Так, мы изучаем «спаренные» реакции, которые совершаются внутри системы, в целом производящей энтропию, но в недрах которой один из химических процессов «потребляет» часть энтропии, производимой другим. Может даже случиться, что вся энтропия системы остается постоянной, поскольку произведенная энтропия полностью выбрасывается наружу. В таком случае *макроскопически упорядоченным* устойчивым структу-

рам удается сформироваться в условиях, полностью отличных от термодинамического равновесия. Это «диссипативные (рассеянные) структуры», особенно исследованные Пригожиным и представляющие новый тип качественных состояний материи. Чтобы отметить современные границы знаний и горизонты, которые они открывают, процитируем самого Пригожина: «Даже если мы до сих пор не имели настоящей систематической теории, тем не менее вполне реальное существование нестабильностей, ведущих к диссипативным структурам, имеет важное значение... Трудно избежать впечатления, что такие нестабильности, связанные с диссипативными процессами, могли бы играть существенную роль в биологических процессах, и особенно на первых этапах биогенеза».

Подведем итоги. Анализ отношений «качество — количество» с помощью материалов, полученных после работ как Гегеля, так и Энгельса, побуждает установить четкое различие между счетом и мерой. Мера показывает новое качество, размерность величины, о которой нельзя сказать, что она является таким же непосредственным свойством, как качество вообще — в таком виде, как его определяет Гегель. Мера основывается в конечном счете на том, что в процессе имеет место обратимость. В реальном процессе обратимость и необратимость тесно связаны. Эта двойная характеристика важна для понятия времени. То, что мы об этом говорили, является дополнением нашего предыдущего исследования [1].

Процессам, изолируемым нами в мышлении, более или менее присущи те или иные свойства обратимости и необратимости. Речь идет не только о том, чтобы обнаружить в каждом случае то, что берет верх — что предполагает точное определение состояний исследуемых систем,— но еще больше о том, чтобы обнаружить то, что обратимо в реальном процессе, даже когда обратимость — лишь второстепенное свойство, с тем чтобы быть в состоянии развить количественное изучение процесса вплоть до законченной формы меры.

Кроме того, количественное накопление нам представляется как точное выражение необратимости, потому что,

[1] См.: Jaeglé P. Essai sur l'espace et le temps. Paris, Editions sociales, 1976.

как показывает поведение энтропии, необратимость не стирается возвратом в первоначальное состояние системы, которая подверглась по видимости обратимым качественным разрывам. Можно поставить вопрос, не может ли энтропия или производная величина превратиться в меру в истинном смысле слова. Этот вопрос особенно ставится развитием биологии, которая пока неточно формулирует закон генетической инвариантности. Среди трудностей, которые могут встретиться, есть одна, уже нами упомянутая: учет количественного накопления с помощью увеличения энтропии ничего или почти ничего не говорит о качестве, природе, накопленных количественных изменений. Возможно, мы имеем дело с новым аспектом отношений «качество — количество», который должны будут выяснить будущие исследования. Математический аспект вопроса имеет место в теории информации, для которой подсчет количества информации в битах сам по себе ничего не говорит о природе переданной информации или информации, которая должна быть передана.

Жорж Лабика

МАТЕРИАЛИЗМ И ДИАЛЕКТИКА

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В этом разделе мы не предлагаем читателю размышлений общего характера относительно *материализма* и *диалектики*. Он посвящен исследованию того, какую функцию выполняет у Ленина материалистический критерий в обосновании явления, которое я характеризовал в другом месте [1] как его *политическую практику*. Поэтому читателю следует помнить, что он имеет здесь дело с определенным этапом исследования: все, что предшествует этому этапу, считается известным, то, что относится к последующему этапу, — в основном опускается. Короче говоря — и это отнюдь не является попыткой найти оправдание или уклониться от рассмотрения проблемы, — мы имеем здесь дело с рабочей гипотезой в стадии ее практического применения.

Будем считать, что нам известны политические и идеологические условия (особенно все, что относится к народничеству), в которых приходилось действовать молодому Ленину, и перейдем к существу дела.

«Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» — первое систематизированное изложение Лениным марксизма — представляет собой текст, само написание которого может быть понято лишь в связи с породившей его политической практикой. Этот труд, по-

[1] См.: Lénine et la pratique politique.—In: Lénine et la pratique scientifique. Paris, Editions sociales, CERM, 1974.

явление которого было подготовлено несколькими работами, создававшимися начиная с 1892 г. и обсуждавшимися в марксистских кружках различных городов, призван был помочь решению тройной задачи: полемической, воспитательной и теоретической. Этим задачам в дальнейшем были посвящены многие другие важные произведения, и на решение их в свое время направлялись усилия Маркса и Энгельса. Сочетание размышлений с жизнью, тесная связь теоретической деятельности с работой в массах, истолкование текущих событий, столкновений и действий личностей, которые их воплощают, с позиций целостной концепции, делающей их доступными пониманию как в теоретическом, так и в практическом плане, — такова, несомненно, наиболее «оригинальная» черта марксистских трудов. Самое меньшее, что можно сказать в этой связи, —это то, что данная черта не имеет ничего общего с обычными философскими рассуждениями. Отмеченная особенность всегда должна приниматься в расчет. Ею никогда нельзя пренебрегать при изучении марксистской литературы.

Интересующее нас произведение Ленина состоит из трех выпусков, первый из которых является наиболее важным [1].

Ленин отвечает в нем на критику марксизма Н. К. Михайловским, являвшимся редактором журналов «Русское богатство» и «Отечественные записки». Михайловский был видным теоретиком народничества, социологом, работы которого, в особенности посвященные «Капиталу» Маркса, пользовались широкой известностью. Высоко оценивая труд Маркса, он вместе с тем утверждал, что нигде не нашел в нем изложения материалистического понимания истории [2], и характеризовал его метод как метод, отмечен-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 125—203; второй выпуск, который был направлен против либерального народника Южакова, утрачен; а третий выпуск (с. 207—346), направленный против Кривенко, посвящен программе народников и социальному анализу российского общества.

[2] Следует напомнить, что в то же самое время, когда Ленин создавал свой труд, Плеханов пишет работу «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», увидевшую свет в 1895 г. и пользовавшуюся большим успехом. Конечная цель обеих работ, как видно, в значительной мере одна и та же. О Михайловском см. нашу статью "Marxisme et specificité" в журнале "La Pensée", 1974, № 177.

ный «непререкаемостью диалектического процесса». Это позволяло ему, признавая обоснованность некоторых выводов «экономического материализма», оспаривать его новизну и значение в целом и, следовательно, подтверждать обоснованность принципов субъективной социологии.

Напротив, аргументация Ленина развивается в двух направлениях:

— первое касается «предмета» Маркса (А).

— второе — его «метода» (Б).

ИДЕЯ «МАТЕРИАЛИЗМА В СОЦИОЛОГИИ»

Ленин сначала выступает как читатель Маркса, прежде всего «Капитала», делая упор на два представлявшихся ему наиболее важными момента, а именно на то, что Маркс говорит «только об одной «общественно-экономической формации», о капиталистической» [1] и «естественно-историческом процессе развития общественно-экономических формаций» [2]. Исследование «современного общества» — таков, собственно, предмет «Капитала».

Можно уверенно сказать, что в двадцать три года Ленин «усвоил» марксизм. Разве не служит подтверждением тому факт совпадения терминологии, используемой Лениным, с терминологией «Экономических рукописей 1857—1859 годов» — текста, который был ему совершенно неизвестен?

«...Мы имеем дело с определенной исторической эпохой... с современным буржуазным производством, — ни-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 133. Та же самая мысль неоднократно повторяется.

Уточним, что мы предпочитаем термин «экономическая формация общества» терминам «общественно-экономическая формация» или «социо-экономическая» или «экономическая и социальная» формация для перевода выражения "ökonomische Gesellschaftsformation" (у Ленина и согласно ленинской терминологии «общественно-экономическая формация»). По этому вопросу нами были даны объяснения в нашей статье "Quatre observations sur les concepts de mode de production et de formation économique de la société" в журнале "La Pensée", 1971, № 159, p. 89. Мы отсылаем читателя к этой статье.

[2] Там же, с. 134; вопрос об использовании термина «естественно-исторический процесс» заслуживает дополнительного обсуждения. Следует отметить, что Ленин продолжает придерживаться этого термина и в дальнейшем, поскольку он вновь пользуется им в 1917 г., то есть после нового прочтения им трудов Гегеля, в работе «Государство и революция».

сал Маркс, — которое и на самом деле является нашей подлинной темой»[1].

И Ленин стремится показать, что эта мысль Маркса является результатом «выделения из всех общественных отношений — *отношений производственных*, как основных, первоначальных, определяющих все остальные отношения»[2]. Полностью цитируя текст предисловия к работе «К критике политической экономии»[3], он показывает, что свидетельством «гениальности» Маркса как раз и является «эта идея материализма в социологии»[4]. Ленин подчеркивает, что до Маркса эта идея была лишь гипотезой, противоречащей тому, что люди думали об их собственном становлении, тогда как с открытием Маркса материализм, выделив производственные отношения как структуру общества, дал «тот общенаучный критерий повторяемости»[5], который до этого оставался скрытым вследствие исключительного интереса, проявлявшегося к идеологическим общественным отношениям. Благодаря разработке учения об «общественной формации», которое Ленин рассматривает как решающий вклад Маркса, происходит переход от простого описания явлений к науке. Но «Капитал» вовсе не сводится к этому «скелету». Напротив, Маркс облекает его «плотью и кровью», анализируя соответствующие производственным отношениям надстройки[6]. Как же можно после этого заявлять, что в «Капитале» не удалось обнаружить материализма, или набраться смелости утверждать, будто вопрос об «экономическом» материализме рассматривается только в одной работе Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства»[7]? «Но где читали Вы у Маркса

---

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 21.

[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 134.

[3] В этом заключается собственно *воспитательный* аспект труда Ленина, который состоит в ознакомлении читателя с подлинными текстами, их цитировании, указании на их точные выходные данные, их комментировании. Блестящим образцом этого является его работа «Государство и революция».

[4] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 136.

[5] Там же, с. 137.

[6] См. там же, с. 138—139.

[7] О широком знакомстве Ленина уже в то время с трудами Маркса и Энгельса свидетельствует упоминание им в одной лишь работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» таких произведений, как «Капитал», «К критике политической экономии», «Манифест Коммунистической партии»,

или Энгельса, чтобы они говорили непременно об экономическом материализме? Характеризуя свое миросозерцание, они называли его просто материализмом»[1]. Отстаивая далее детерминизм, который «не уничтожает ни разума, ни совести человека», и идею «исторической необходимости», которая «ничуть не подрывает роли личности в истории»[2], Ленин определяет концепции Михайловского как «буржуазные», используя это слово в качестве синонима «метафизические» или «ненаучные», в противоположность взглядам Маркса, как раз знаменующим собой разрыв науки с метафизикой, с которой она, как всякая наука, начинала[3].

* *
*

Чтобы ответить Михайловскому, характеризовавшему «экономический материализм» тем, что он называл его «двумя устоями»: всеопределяющим значением форм производства и обмена и непререкаемостью диалектического процесса[4], Ленин обращается к Энгельсу. Вот в чем заключается смысл его доказательства: Михайловский использовал в качестве «повода» для нападок одну из глав работы Энгельса «Анти-Дюринг». Однако «Энгельс говорит, что Маркс никогда и не помышлял о том, чтобы «доказывать» что бы то ни было гегелевскими триадами, что Маркс только изучал и исследовал действительный процесс, что он единственным критерием теории признавал верность ее с действительностью»[5].

Мы попытаемся восстановить доказательство Ленина путем параллельного чтения двух текстов: прямого чтения текста Энгельса и текста Ленина, читающего Энгельса.

Мы будем придерживаться следующей схемы (см. с. 172).

Проблема состоит в следующем: критика Михайловского Лениным, по-видимому, повторяет критику Дюринга Энгельсом по одному и тому же вопросу об отношении

«Нищета философии», «Происхождение семьи, частной собственности и государства», «Анти-Дюринг», «К жилищному вопросу».

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 149.

[2] Там же, с. 159.

[3] См. там же, с. 154.

[4] См. там же, с. 163.

[5] Там же. В данном случае речь идет о XIII главе работы Энгельса «Анти-Дюринг», озаглавленной «Диалектика. Отрицание отрицания».

Примечание: ⟶ "против" ; f( ) : "функция..."; // : "параллельно...

Маркса к Гегелю. Как представляется, именно в этом состоит открыто признаваемая цель обоих текстов:

— Ф. Энгельс упрекает Дюринга за «промах», который состоит в том, что он отождествил «диалектику Маркса с диалектикой Гегеля» [1].

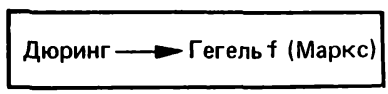
— Ленин упрекает Михайловского в том, что он вернулся к «шаблонному обвинению марксизма в гегелевской диалектике» [2].

Однако встает вопрос о том, являются ли отношения II/IV и I/III идептичными.

Мы проследим за ходом обоих доказательств, сведя их к основным положениям.

(А) Доказательство Энгельса или глава XII «Анти-Дюринга» [3].

Для Дюринга диалектика Гегеля представляется полнейшим абсурдом, особенно «путаное и туманное представление Гегеля о том, что количество переходит в качество» [4]. Но, по Дюрингу, диалектика, применяемая в «Капитале», представляет собой не что иное, как гегелевскую диалектику. Следовательно, наша схема I читается как



[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 126.

[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 163.

[3] Главой этой работы, которая, согласно Ленину, служит «поводом» Михайловскому, является глава XIII, но ее нельзя отделить от XII главы, которую также имеет в виду Ленин. Обе они посвящены диалектике.

[4] См. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 122, 127.

Против такого рода аргументации Энгельс выдвигает следующие положения:

а. Противоречие присуще самим вещам — тезис, объявляемый Дюрингом верхом бессмыслицы, — и Энгельс показывает это на трех примерах: движения, жизни, математики [1];

б. Закон перехода количества в качество верен; примеры тому: процесс производства относительной прибавочной стоимости, рассматриваемый в «Капитале», который «подтверждает» гегелевский закон, а не является вопреки тому, что утверждает Дюринг, его следствием; химические вещества; Наполеон и кавалерия [2].

Вывод: признание правоты Гегеля, а не Дюринга, есть тем самым признание правоты Маркса. Отметим, что вследствие этого вопрос об отличии диалектики Гегеля от диалектики Маркса не ставится.

(А') Доказательство Энгельса в главе XIII «Анти-Дюринга».

Продолжая свое «разоблачение» использования Марксом «диалектических костылей», Дюринг утверждает, что отрицание отрицания, прямо заимствованное у Гегеля, играет в «Капитале» роль настоящей повивальной бабки [3].

Энгельс, анализируя отрывок из «Капитала», где сам Маркс упоминает «отрицание отрицания» [4], устанавливает, что Маркс просто доказывает исторически, что «процесс этот есть исторический процесс, и если он в то же время оказывается диалектическим, то это уже не вина Маркса», который ограничивается тем, что отмечает это «в то же время» [5]. Это уточнение позволяет Энгельсу утверждать,

[1] См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 123—125.

[2] См. там же, с. 128, 130—132.

[3] См. там же, с. 133.

[4] См. там же, т. 23, с. 773. «Капиталистический способ присвоения, вытекающий из капиталистического способа производства, а следовательно, и капиталистическая частная собственность, есть первое отрицание индивидуальной частной собственности, основанной на собственном труде. Но капиталистическое производство порождает с необходимостью естественного процесса свое собственное отрицание. Это — отрицание отрицания. Оно восстанавливает не частную собственность, а индивидуальную собственность на основе достижений капиталистической эры: на основе кооперации и общего владения землей и произведенными самим трудом средствами производства».

[5] Там же, т. 20, с. 137.

с одной стороны, что Маркса лишь выдают за гегельянца, а с другой — что диалектика не может рассматриваться в качестве какого-то «инструмента простого доказывания» [1]. Он добавляет, что таким «инструментом простого доказывания» нельзя считать даже формальную логику, поскольку она «представляет собой прежде всего метод для отыскания новых результатов...» [2]. Исходя из этих замечаний, он переходит к более общему изложению закона отрицания отрицания, иллюстрируя его следующими примерами: ячменное зерно, насекомые, математика, история собственности, философия и учение Руссо [3].

Вывод:

а. утверждается всеобщий характер «закона» отрицания отрицания,

б. диалектика определяется как «наука о всеобщих законах движения и развития природы, человеческого общества и мышления» [4]. Наконец, признается заслуга Гегеля как человека, впервые открывшего и сформулировавшего «закон», который оспаривается Дюрингом [5].

Со своей стороны отметим, что это доказательство (А') представляет собой шаг вперед по сравнению с доказательством (А), поскольку от простой защиты Гегеля от нападок Дюринга здесь делается переход к рассмотрению самой диалектики. Однако определение диалектики как таковой вновь связывается с Гегелем. Как же обстоит в таком случае дело с отношением Маркс/Гегель? И не получается ли, что (А') служит обоснованием для (А), иными словами, для утверждения правоты Гегеля против Дюринга?

(Б) Доказательство Ленина [6].

Общий принцип этого доказательства состоит в сле-

---

[1] Там же, с. 135, 138.

[2] См. Маркс К. Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 138. Отметим, что попутно Энгельс представляет отношение формальной логики к диалектике как аналогичное отношению элементарной математики к математике высшей; известно, что это отношение связано у него с другим отношением: между метафизикой как «обычным... способом мышления» и диалектикой (там же, с. 123, 125; см. также «Диалектику природы», там же, с. 530, 532).

[3] См. там же, с. 139, 140, 141—142, 143.

[4] Там же, с. 145.

[5] См. там же, с. 146.

[6] Речь идет здесь опять-таки о его работе «Что такое «здрузья народа» и как они воюют против социал-демократов?». Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 163 и след.

дующем: Ленин противопоставляет утверждениям Михайловского о том, что Маркс лишь использовал гегелевскую логику, доказательства, приводимые Энгельсом в главе XIII «Анти-Дюринга» (A').

Ленин развивает три тезиса:

а. Маркс ничего не «доказывает» с помощью триад [1].

б. «...Задача материалистов—правильно и точно изобразить действительный исторический процесс...» [2].

в. «Настаивание на диалектике» и триады суть не что иное, как «остатки гегельянства».

Прежде чем более подробно рассматривать ход доказательства, отметим, что Ленин:

— сохраняет различие между историей и диалектикой, отмеченное уже Энгельсом;

— рассматривает диалектику у Маркса, а также в прочтении последнего Энгельсом, в качестве «остатка». А это суждение, *которое не заимствовано из текста Энгельса*, в принципе должно привести к постановке вопроса о различии между Марксом и Гегелем. Представляется, что Ленин должен был задаваться именно этим вопросом, когда он вновь заявляет, что диалектика является всего лишь «указанием на происхождение доктрины» (марксизма) или «крышкой», без которой эта доктрина может обойтись, и что она вовсе не является ее «устоем» [3].

То, что Маркс и Энгельс называли диалектическим методом, согласно Ленину, представляет собой не что иное, как «научный метод в социологии» в противоположность «метафизическому» способу мышления; метод, который Ленин определяет через образ живого организма, применяемый им к производственным отношениям и законам их развития. Объяснению через триады он противопоставляет цитаты из работ «Развитие социализма от утопии к науке», «Послесловие» ко 2-му изданию «Капитала» и «Нищета философии». Он уделяет особое внимание заметке И. Кауфмана о «Капитале», которую воспроизводит и которую Маркс оценивал как одно из лучших изложений диалектического метода [4]. Ленин комментирует текст Мар-

---

[1] См. там же, с. 164, 174—175.

[2] Там же, с. 164.

[3] См. там же.

[4] См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 19—21; Ленин на с. 166 цитирует текст Кауфмана в том виде, в каком он был воспроизведен самим Марксом.

кса относительно различия, существующего между ним и Гегелем, — текст, который следует в «Послесловии» за цитатой из Кауфмана. «По Гегелю, — пишет он, — развитие идеи, по диалектическим законам триады, определяет собой развитие действительности» [1], откуда вытекает та роль, которую играют триады, и «непререкаемость диалектического процесса». Для Маркса же «идеальное есть только отражение материального» и «для триад не остается... другого места, как роль крышки и шелухи». Кроме того, он напоминает, что Маркс *«кокетничал* гегелевским языком» (курсив мой. — *Ж. Л.*) [2].

Таким образом, Ленин делает основной акцент на материализме, на «естественно-историческом» процессе. Тем самым он не только присоединяется к отповеди, данной Энгельсом, которую он называет «прекрасной» [3], но, уточняя ее, он тем самым ее довершает. Следовательно, «диалектических костылей» не существует и с Маркса снимается обвинение в гегельянстве, по крайней мере в «приверженности к триадам».

Тем не менее следует отметить, что, если Ленин в одном из примечаний [4] напоминает — очевидно, чтобы более четко отмежеваться от Михайловского и Дюринга, — о приводимых Энгельсом примерах (ячменное зерно и т. д.), сам он не прибегает к ним. Создается даже впечатление, что он противопоставляет один раздел главы из работы Энгельса (см. А'), где воспроизводится цитата из «Капитала», на которую нападал Дюринг, другому, в котором Энгельс иллюстрирует проявление законов гегелевской диалектики. Когда Ленин вновь возвращается к собственной отповеди Михайловскому, он нигде не упоминает о гегелевских приемах (триада, отрицание отрицания). Ссылаясь на анализ последовательной смены трех видов морали, высмеиваемый Михайловским как триада, состоящая из прошлого, настоящего и будущего, Ленин ограничивается утверждением, что Энгельс стоит в данном случае

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 168.

[2] Там же.

[3] См. там же, с. 175. В связи с тем что Михайловский, умалчивая об этом, текстуально воспроизводит рассуждения Дюринга, Ленин полностью цитирует Энгельса (с. 169—174; см.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 133—134), включая цитируемую Энгельсом страницу Дюринга, содержащую высказывание насчет «костылей».

[4] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 175.

на материалистических позициях — тогда как изложение бесспорно строится под влиянием гегельянства.

Данное доказательство приводит Ленина в конце концов к тому, чтобы дать определение марксизма, значение которого теперь очевидно. Речь идет, по его словам, о доктрине, которая «опирается, во-первых, на материалистическое понимание истории и, во-вторых, на диалектический метод» [1]. Касаясь последнего, он уточняет: «диалектический метод состоит совсем не в триадах... он состоит именно в отрицании приемов идеализма и субъективизма в социологии» [2].

Что касается нас, то теперь благодаря анализу этих «прочтений» мы в состоянии вернуться к проблемам, которые поставили вначале.

Представляется, что один из выводов, который может быть сделан, сводится к тому, что *критика Михайловского Лениным не повторяет критики Дюринга Энгельсом.* Действительно, отношения $\frac{I}{II} / \frac{III}{IV}$ не идентичны, поскольку их цели неодинаковы:

— Энгельс, выступая против Дюринга, устанавливает обоснованность гегелевской диалектики;

— Ленин, выступая против Михайловского, устанавливает научность марксистского материализма.

Можно было бы, конечно, считать, что мы имеем дело в обоих случаях скорее с параллелью, чем с различием, поскольку в случае с Дюрингом, который объявляет себя материалистом, приходится защищать диалектику, тогда как в случае с Михайловским, который является идеалистом, акцент необходимо делать на материализме. Следовательно, речь могла бы идти о взаимодополняющих доказательствах, результатом которых является определение марксизма с точки зрения двух его неразделимых, но разделенных в момент полемики сущностных черт: диалектики и материализма.

Однако и в этом случае фактом осталось бы то, что Ленин, исключив всякую ссылку на Гегеля, оказался вынужденным отвлечься и от самого предмета Энгельса — диалектики (сведенной им к «материализму в социологии») как «учения об общих законах... природы, человече-

[1] Там же, с. 184.
[2] Там же, с. 185.

ского общества и мышления». Но разве отвлечение от диалектики не означает в то же время отвлечение от философии, вынесение ее в некотором роде за скобки?

В результате мы оказываемся перед новой проблематикой, касающейся статуса философии: каковы у Ленина отношения между материализмом и диалектикой? Каково отношение между диалектическим и историческим материализмом? Эта проблема заставляет нас вернуться к текстам, к анализу *прочтения Лениным Энгельса,* что необходимо каждый раз, когда рассматриваются вопросы философии. Для выяснения проблемы и вычленения из нее теоретических узлов мы будем вести анализ в трех следующих направлениях:

А — продолжение исследования первых трудов, которые, возможно, (не) являются «юношескими произведениями»;

Б — исследование работы «Материализм и эмпириокритицизм» как специфически философского труда;

В — наконец, рассмотрение «Философских тетрадей» в той мере, в какой оно, возможно, дает повод вернуться к ранее выдвинутым положениям и, конечно же, открывает возможность для подведения итогов нашего анализа.

Примечание: здесь будут рассмотрены, притом частично, два первых пункта.

А. МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТИКА

III часть работы «Что такое «друзья народа»...» содержит критику народничества в политическом плане. Вся ее аргументация строится на практическом применении «единственно научного метода общественной науки, именно — материалистического метода» [1].

Это практическое применение осуществляется по трем главным направлениям, весьма показательным для характеристики метода работы Ленина.

Первое относится к использованию материалов экономических обследований. Здесь уже намечены выводы, к которым придет Ленин в работе «Развитие капитализма в России». Речь идет о том, чтобы сделать очевидным тот факт, что только «материалистический анализ» позволяет получить точное представление о социально-экономических изменениях, которые происходят в России. Факт

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 218.

вступления страны на путь капиталистического развития, носящего необратимый характер, делает очевидными совершенно определенные явления, такие, как наличие связи между кустарным промыслом и капиталистической промышленностью, разложение мелкого производства, превращение в капитал средств производства, которые были отделены от экспроприированных крестьян, или «раскрестьянивание» крестьян и кустарей [1]. Тем самым превосходство «теории рабочего социализма» проявляется в двух отношениях:

— по отношению к буржуазной политической экономии, которая рассматривает буржуазный строй в качестве вечного и естественного [2];

— по отношению к «крестьянскому социализму», на уровне которого застряли «друзья народа» [3].

Добавим, что данный текст закрепляет разрыв с «легальными марксистами» и сторонниками экономизма, поскольку он подготавливает теорию классового союза между городским пролетариатом и крестьянством в России.

Второе направление носит идеологический характер. Экономическая характеристика позволяет дать объяснение основ идеологических воззрений народников. «Было бы отступлением от материалистического метода, если бы я, критикуя воззрения «друзей народа», ограничился сопоставлением их идей с марксистскими идеями. Необходимо еще объяснить «народнические» идеи, показать их **МАТЕРИАЛЬНОЕ** основание в современных наших общественно-экономических отношениях. Картинки и примеры экономики наших крестьян и кустарей показывают, что такое этот «крестьянин», идеологами которого хотят быть «друзья народа». Они доказывают буржуазность экономики нашей деревни и тем подтверждают правильность отнесения «друзей народа» к идеологам мещанства» [4].

---

[1] См. там же, с. 209—237.

[2] См. там же, с. 222.

[3] См. там же, с. 238.

[4] Там же, с. 238—239. Возражая Михайловскому, Ленин выдвигает следующее положение: «...Теория Маркса состоит в исследовании и объяснении эволюции хозяйственных порядков известных стран, и «приложение» ее к России может состоять только в том, чтобы, **ПОЛЬЗУЯСЬ** выработанными приемами **МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО** метода и **ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ** политической экономии, **ИССЛЕДОВАТЬ** русские производственные отношения и их эволюцию» (там же, с. 274—275).

В процессе анализа народничества Ленин различает две формы, которые обрела эта идеология соответственно двум этапам экономического развития России. Старому русскому народничеству, столь дорогому для марксизма [1] тем, что оно выражало политическое сознание, соответствовавшее докапиталистическим условиям, он противопоставляет, как реакционное в полном смысле этого слова, новое народничество, неспособное оценить новых явлений [2]. Но критика мелкой буржуазии и ее идеологии — народничества выдвигает на первый план вопрос о материализме, ибо мелкая буржуазия в состоянии выработать лишь утопический социализм, в данном случае проникнутый тоской по прошлому [3]. Материалистическая позиция состоит в том, чтобы проводить классовую границу между пролетариатом и мелкой буржуазией.

Третье направление является политическим. Оно целиком ориентируется на вытекающую из предшествующего анализа необходимость «организации социалистической рабочей партии» [4]. Такая необходимость требует теснейшей связи теоретической и практической работы, причем последней отдается преимущество [5]. Необходимость эта ставит, в частности, перед интеллигенцией совершенно четкие задачи: «Studieren, Propagandieren, Organisieren» [6], согласно формуле, которую Ленин заимствует у Либкнехта и подкрепляет следующим указанием:

«Нельзя быть идейным руководителем без... теоретической работы, как нельзя быть им без того, чтобы направлять эту работу по запросам дела, без того, чтобы

---

[1] Ленин пишет: «Вместо «национальный» следовало бы сказать «крестьянский» — по отношению к старому русскому народничеству и «мещанский» — по отношению к современному. «Источник» народничества — преобладание класса мелких производителей в пореформенной капиталистической России» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 413). См. также с. 271, 273—274, 280, 290—291, посвященные Чернышевскому и Герцену именно как представителям первого направления в народничестве.

[2] Анализу различий между двумя поколениями народников уделено особое внимание в работе «От какого наследства мы отказываемся?», написанной в конце 1897 г., где содержится лучшее, на наш взгляд, определение народнической идеологии (см. там же, т. 2, с. 528—529).

[3] См. там же, т. 1, с. 294, 298.

[4] См. там же, с. 304.

[5] См. там же, с. 308.

[6] «Изучать, пропагандировать, организовывать» *(нем.)*.

пропагандировать результаты этой теории среди рабочих и помогать их организации.

Эта постановка задачи гарантирует социал-демократию от тех недостатков, от которых так часто страдают группы социалистов, — от догматизма и сектаторства.

Не может быть догматизма там, где верховным и единственным критерием доктрины ставится — соответствие ее с действительным процессом общественно-экономического развития; не может быть сектаторства, когда задача сводится к содействию организации пролетариата, когда, следовательно, роль «интеллигенции» сводится к тому, чтобы сделать ненужными особых, интеллигентных руководителей» [1].

В сущности, между всеми этими направлениями не существует четких границ и все они отражают одну и ту же реальность — реальность политической практики, которая представляет собой не что иное, как материалистический метод. Цитируя отрывок из «Послесловия» ко второму немецкому изданию «Капитала», в котором Маркс характеризует свой метод как по самому существу своему критический и революционный, Ленин дает следующий комментарий:

«Заметьте, что Маркс говорит здесь о материалистической критике, которую только и считает научной, т. е. критике, сопоставляющей политико-юридические, социальные, бытовые и др. факты с экономикой, с системой производственных отношений, с интересами тех классов, которые неизбежно складываются на почве всех антагонистических общественных отношений» [2].

Такое прочтение представляется нам весьма примечательным, ибо там, где Ленин видит «материалистическую критику», Маркс пишет «диалектическая» [3]. Может быть, мы имеем дело с простой заменой одного термина другим, поскольку в глазах марксиста материализм и диалектика являются синонимами? Как бы то ни было, здесь мы опять сталкиваемся с устранением всякой ссылки на Гегеля. Еще раз констатируем, что акцент решительно делается на том,

---

[1] Там же, с. 309.

[2] Там же, с. 340.

[3] См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 21—22; напрасно было бы искать слово «материалистическая» на этой странице, где речь идет лишь о двойственном характере диалектики, «мистифицирующей» (Гегель) и «рациональной» (Маркс).

что в корне отличает марксизм от любого предшествующего учения, что составляет его неповторимость, — на политической практике нового типа, которая, возможно, нигде не получила лучшего определения, чем в следующем выводе, сформулированном в работе «Что такое «друзья народа»...»:

«...Задачей теории, целью науки — прямо ставится тут содействие классу угнетенных в его действительно происходящей экономической борьбе...

...Прямая задача науки, по Марксу, это — дать истинный лозунг борьбы... (Курсив мой. — *Ж. Л.*)»[1].

То есть: материализм/наука/классовая борьба/партийность: политическая практика.

Наш вопрос о статусе философии сохраняет свою силу. Точно так же, как у Ленина, остается постоянной, причем всегда в связи с Энгельсом, ссылка на материализм как единственно научный метод.

Работа «Экономическое содержание народничества», написанная в 1895 г., не только подтверждает это[2]. Возражая П. Струве, утверждавшему, что «*чисто философское обоснование* этого учения (марксизма. — *Ж. Л.*) еще не дано», Ленин пишет буквально следующее: «С точки зрения Маркса и Энгельса, философия не имеет никакого права на отдельное самостоятельное существование, и ее материал распадается между разными отраслями положительной науки»[3]. Может быть, подобное устранение философии, куда более *радикальное*, чем сужение ее сферы

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 341. Здесь же Ленин цитирует отрывок из знаменитого письма Маркса Арнольду Руге, написанного в сентябре 1843 г. Известно, что в этом письме формулируются две дорогие Ленину мысли:

— «...Само философское сознание не только внешним, но и внутренним образом втянуто в водоворот борьбы».

— «...Связать нашу критику с критикой политики, с определенной партийной позицией в политике, а стало быть, связать и отождествить нашу критику с *действительной* борьбой» (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 379, 381).

[2] Формула «материализм единственно правильный метод общественной науки» или «единственно научный метод социологии» постоянно встречается у Ленина (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 436, 438 и сл.), так же как и ссылка на Энгельса (на «Анти-Дюринг», там же, с. 436, 440, «Происхождение семьи...», с. 439).

[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 437—438.

Энгельсом [1], свидетельствует о сциентизме? Не является ли оно, скорее, показателем иной практики, о которой мы неоднократно упоминали? Иными словами, как показал Ж. Т. Дезанти, ссылаясь как раз на тексты, относящиеся к рассматриваемому нами периоду: «Дело больше не сводится к тому, чтобы создавать под видом философии законченную раз и навсегда систему мира, являющуюся единым творением одного мыслителя. Речь идет о том, чтобы в ходе борьбы и для прояснения ее смысла участвовать в обогащении научного метода, использование которого создает возможность революционного преобразования мира в соответствии с его объективными законами» [2].

Заметки, которые в те же годы (1895 г.) Ленин делает по поводу «Святого семейства», выдержаны в том же духе. Критика Гегеля («Тайна спекулятивной конструкции») представляется ему «крайне интересной», а изложение французского материализма он относит к числу «самых ценных в книге» [3]. Его некролог, посвященный Фридриху Энгельсу, проникнут утверждением примата политики; только материализм и его применение к истории, а не диалектика упоминаются здесь как основной признак, отличающий его от Гегеля [4].

Как следует истолковывать отсутствие у Ленина в то время определения диалектики и даже вообще философской рефлексии?

Может быть, это своего рода «грех» молодости, который впоследствии был преодолен?

---

[1] См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 25. «...Из всей прежней философии самостоятельное существование сохраняет еще учение о мышлении и его законах — формальная логика и диалектика. Все остальное входит в положительную науку о природе и истории». См. вторую часть нашей работы.

[2] Desanti J. T. Lénine et la philosophie.—«Cahiers du Communisme». janv-févr., 1954, p. 107.

[3] См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 16, 28.

[4] См. там же, т. 2, с. 5—14; о знакомстве Ленина с трудами Энгельса свидетельствует упоминание следующих работ: «Положение рабочего класса в Англии». «Святое семейство». «Манифест Коммунистической партии», статьи в «Новой Рейнской газете», в «Немецко-французском ежегоднике». «Анти-Дюринг» (последняя характеризуется им как «удивительно содержательная и поучительная книга».— Прим. на с. 11), «Происхождение семьи, частной собственности и государства», «Людвиг Фейербах...», «К жилищному вопросу», статьи о России, «Капитал» II и III тома.

Этот тезис отстаивался Р. Гароди в небольшой работе, посвященной Лепину [1]. Его аргументация состояла в следующем: существует *молодой Ленин,* мышление которого еще не соответствует мышлению Маркса; проявлением такого несоответствия является отсутствие философской рефлексии и диалектики; вину за него несет Каутский.

По поводу работы «Что такое «друзья народа»...» Р. Гароди пишет: «Лепин, которому в то время было всего двадцать четыре года, выступает против этих тезисов (речь идет о народничестве. — *Ж. Л.*) от имени упрощенного марксизма, рассматриваемого главным образом в свете его сциептистской интерпретации Каутским и Плехановым» [2]. Сама работа характеризуется им как «памфлет» [3], не содержащий никакого «философского вклада Ленина не только по сравпению с Марксом и Эпгельсом, но даже по сравнению с Каутским и Плехановым» [4].

В то же время марксизм Каутского резко осуждается за механическое применение дарвинизма к социологии, превращение революционной диалектики Маркса в эволюционную метафизику, за догматическую вульгаризацию марксизма, исключающую «всякое размышление о философских основах», за позитивистское сведение учепия Маркса к экопомическим законам, за автоматизм, оппортунизм [5].

Более того, согласпо Р. Гароди, Ленин будто бы не только оставался па этих позициях вплоть до 1907 г. [6], но сумел преодолеть влияние концепций Каутского лишь в 1914 г. настолько, чтобы дать определение диалектики, хотя в действительпости, как уточняет автор, «его революциопная практика намного опережала и эти концепции, и эту теорию диалектики» [7].

Несмотря на поверхностный характер такой интерпретации, она заслуживает ряда замечаний, причем не столько ради пустой полемики, сколько для лучшего уяснения всей серьезности проблематики, которая нас интересует.

---

[1] Garaudy R. Lénine. Paris, PUF, 1968.
[2] Ibid., p. 17.
[3] Ibid., p. 16.
[4] Ibid., p. 19.
[5] Ibid., p. 16.
[6] Ibid., p. 32; «Именно к этому времени относится начало его разрыва с догматизмом Каутского и Плеханова».
[7] Ibid., p. 39.

1. ОТНОСИТЕЛЬНО ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ НЕЗРЕЛОСТИ ЛЕНИНА

Думается, мы достаточно убедительно показали, опираясь на факты, несостоятельность подобного рода утверждений, чтобы не возникло необходимости вновь возвращаться к ним даже в связи с работой «Что такое «друзья народа»...» и упоминаниями о двадцатичетырехлетнем Ленине, за которым сам Р. Гароди вынужден признать по меньшей мере заслугу разработки «понятия общественно-экономической формации» [1]. Тем более смехотворным было бы принимать всерьез рассуждения о периоде «молодости», который Ленин, по словам Гароди, преодолеет, лишь переступив через свое сорокалетие, и это несмотря на пример Канта и особенно на хорошо известное ленинское положение об отставании теории от практики.

2. ОТНОСИТЕЛЬНО ВЛИЯНИЯ КАУТСКОГО И ПЛЕХАНОВА

Нет никакого сомнения в том, что вопрос об отношении Ленина к Каутскому, как и вопрос об отношении Ленина к Плеханову, представляет большой интерес и заслуживает углубленного исследования. Мы не претендуем на то, чтобы заняться здесь таким исследованием, поскольку оно не является необходимым для решения стоящей перед нами задачи. Мы ограничимся тем, что рассмотрим некоторые вопросы, без ответа на которые не может обойтись никакой анализ.

Прежде всего представляется довольно произвольной попытка характеризовать всю деятельность Карла Каутского столь однозначно. Его роль была весьма значительной. Он лично знал Маркса. В 1883 г. он основал в Цюрихе газету «Нойе Цайт», которой руководил в течение 34 лет. Он продолжил работу Энгельса по изданию «Капитала» и унаследовал авторитет, которым тот пользовался в международном рабочем движении. Его влияние было огромным. Ленин будет проявлять большой интерес ко всему тому, чем занимался Каутский, даже после того как порвет с пим в теоретическом и политическом плане. В этой связи с чисто хронологической точки зрения следует уточнить, что разрыв между пими относится не к 1907, а к 1909 г., когда, согласпо Лепину, Каутский в своей

---

[1] Ibid., p. 18.

работе «Путь к власти» [1] «последний раз выступал с целыми выводами, как марксист» [2]. Конечно, можно заметить, что отход Каутского от марксизма начался еще раньше, поскольку он в основном был составителем Эрфуртской программы германской социал-демократии и в силу этого обстоятельства стал объектом критики со стороны Энгельса за данную им механистическую формулировку экономических законов и положение об автоматическом крахе капитализма под воздействием кризисов [3]. Тем не менее Каутский сыграл решающую роль как в критике Бернштейна, так и в анализе III тома «Капитала». Ленин высоко оценивал также его интерпретацию революции 1905 г. [4]. Он не откажется от своих оценок, которые высказал в этот период (поскольку он вновь вернется к ним позже), даже от тех — и это следует подчеркнуть особо, — которые он дает в «Что делать?» и которые Р. Гароди считает наиболее спорными [5].

Что касается «фаталистического натурализма», который Ленин якобы разделял с Каутским, используя такие формулировки, как «развитие общественно-экономической формации как естественно-исторический процесс» [6], то об этом можно говорить лишь вопреки истине и абстрагируясь от всего контекста, в котором акцент постоянно делается на классовой борьбе, иными словами, на том, что

---

[1] Эта работа вышла в свет в Берлине в 1909 г., французский перевод опубликован в 1970 г. парижским издательством «Anthropos» под названием «Le Chemin du pouvoir». Paris. 1970.

[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 96 (см. также с. 118 и т. 33, с. 110).

[3] См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 227—243. В дальнейшем основным вопросом, ознаменовавшим полный разрыв Каутского с марксизмом, стал вопрос о диктатуре пролетариата; в работе «Пролетарская революция и ее программа» (1922 г.) он устранил выражение «диктатура пролетариата» из посвященного государству § IV работы Маркса «Критика Готской программы» (см. также тетрадь заметок «Марксизм о государстве», составленных Лениным в январе-феврале 1917 г., и его комментарий к письму Энгельса Бебелю от 18—28.III.1875; см.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 34, с. 99—106, а также: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 64—67, 166—172).

[4] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 88—94, 99—152, 199—210; т. 12, с. 213—217, 342, 391.

[5] См.: Garaudy R. Lénine, p. 20 et suiv.

[6] Ibid.; мы неоднократно указывали на использование этой формулировки.— *Ж. Л.*, см. выше в ряде мест.

является прямой противоположностью фатализму [1].

Кроме того, следует ли удивляться тому, что в борьбе с субъективным идеализмом и стихийностью, характерными для народничества, Ленин смог найти себе твердую опору в лице Каутского для утверждения экономической детерминации и материализма Маркса?

Что касается Плеханова, в отношении которого можно было бы высказать аналогичные замечания, то мы напомним лишь о том, что, несмотря на многочисленные и глубокие разногласия, которые противопоставили его Ленину, последний писал еще в 1921 г. (следовательно, после «разрыва» по философским вопросам, являвшегося следствием различной оценки Гегеля): «...Нельзя не пожелать, во 1-х, чтобы выходящее теперь в свет издание сочинений Плеханова выделило все статьи по философии в особый том или особые томы с подробнейшим указателем и проч. Ибо это должно войти в серию обязательных учебников коммунизма» [2].

3. ОТНОСИТЕЛЬНО ВОПРОСА О ФИЛОСОФИИ

По Гароди, существуют якобы два Ленина — догегелевский и послегегелевский, а рубеж, отделяющий их друг от друга, это время его работы над «Философскими тетрадя-

[1] Добавим, что речь идет о формулировках, являвшихся общеупотребительными в то время. Как пишет Ж. Бадиа: «Возможно, есть другая причина, которая также объясняет обвинение в фатализме,— это вопрос о словоупотреблении. В среде немецкой социал-демократии в то время существовала общая тенденция повторять формулировки, встречающиеся у Маркса: уподоблять исторические события явлениям природы, заявлять, что они происходят с необходимостью природного явления. У многих авторов того времени, а не у одного только Каутского можно встретить выражение mit Naturnotwendigkeit, используемое применительно к историческим законам. Я полагаю, что в конечном счете мы имеем дело с расхожими формулировками, которые вступают в противоречие, иногда на той же самой странице, например у Розы Люксембург, с формулировками, где, напротив, делается ударение на необходимости борьбы пролетариата за изменение данного общества, которое не может трансформироваться mit Naturnotwendigkeit в социалистическое общество. Если обращать внимание только на первую формулировку, то можно обвинить Розу Люксембург в фатализме. Ее можно упрекнуть в том, что она считает наступление социализма неотвратимым, почти фатальным» (Les théories de l'impérialisme au début du XX-e siècle, p. 109).

Это замечание в полной мере относится и к Ленину.

[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 290. У нас еще будет возможность вернуться к Плеханову в ходе дальнейшего изложения.

ми». Создается впечатление, будто изучение «Науки логики» послужило импульсом, позволившим Ленину наконец дать теоретическое обоснование своей собственной практики, вооружая марксизм философией, которой ему, по крайней мере в четко выраженной форме, до этого недоставало. Так мольеровский Журден на своем первом уроке философии обнаружил, что он говорит прозой.

Мы знаем, что в данном случае речь идет об указании на реальный вопрос, а не его адекватном выражении. Действительно, весьма затруднительно, если не невозможно, доказать существование упомянутого рубежа, поскольку в трудах Ленина не только не наблюдается достаточно четко выраженного разрыва, но, напротив, он постоянно возвращается к выводам из своих предшествующих исследований. Об этом свидетельствует замешательство Р. Гароди, когда он даже о работе «Что такое «друзья народа»...» пишет: «Этот материализм, *даже не носящий диалектического характера,* играет позитивную роль, и Ленин дает замечательное определение этого *практического материализма:* единственно научный метод, требующий, чтобы всякая программа была точной формулировкой действительного процесса (курсив мой. — *Ж. Л.*)»[1]. Об этом свидетельствует не только замешательство, но и пропуски, хронологические ошибки и искажения текстов[2] — все это для того, чтобы обнаружить в них как раз то, что молодой Ленин стремился устранить, а именно — такую интерпретацию действительности, при которой предпочтение отдается факторам субъективности, стихийности, духовности и идеалистического гуманизма[3]. Еще более серьезными моментами являются:

а. Метод, зависящий от идеологического прочтения, полностью основывающегося на последующем опыте, поскольку он стремится найти ответы не на вопросы о присущих ленинизму чертах («*как* работает Ленин?»), а о

---

[1] Garaudy R. Lénine, p. 18; Соответствующие слова В. И. Ленина см.: Полн. собр. соч., т. 1, с. 308.

[2] Отметим еще такие выражения, как диалектизация понятия вещи в себе (op. cit., p. 42), любопытные купюры в цитатах (p. 53), странная интерпретация текстов (p. 60)...

[3] Ibid., «субъективность»: p. 21, 25; «историческая инициатива»; p. 21, 55; «независимая активность масс»: p. 59; «гуманизм»: p. 50, 63; «духовное»: p. 64.

причинах, способных объяснить некую последующую эволюцию марксизма и послужить обоснованию определенной политики [1].

б. Особенно следствия данного тезиса: не получается ли, что отношение Гегель — Маркс является *основным*? Что исторический материализм сам по себе не является *диалектическим*? И что мог бы представлять собой этот «практический материализм», если, как получается в данном случае, его нельзя отнести ни к механистическому, ни к диалектическому материализму?

Однако, если мы только не ошибаемся, можно поставить вопрос так: не находится ли Ленин с самого начала на территории Маркса и Энгельса, *вне* философии? Что мог бы означать в таком случае «возврат» к Гегелю?

Следовательно, после такого отступления и благодаря ему мы вновь оказываемся перед поставленными вначале вопросами, иначе говоря, перед необходимостью проследить путь, которым шел сам Ленин.

А поскольку речь идет о диалектике, обратимся к тексту, в котором о ней впервые говорится прямо и непосредственно. Здесь имеется в виду работа «Шаг вперед, два шага назад», опубликованная в 1904 г. [2] в связи с разногласиями в Российской социал-демократической партии между «большинством» (большевики) и «меньшинством» (меньшевики).

Существо спора касалось вопроса о том, следует или нет идти на раскол между революционным и реформистским крылом партии. Плеханов занял отрицательную позицию в отношении раскола и выступил в пользу примирения. Ввиду того, что Плеханов пользовался большим авторитетом, Ленин счел необходимым заняться именно им и преподать ему настоящий урок *теории*.

---

[1] Даже зная, что такого рода интерпретация продиктована лучшими намерениями, а именно желанием искоренить влияние культа личности, мы имеем все основания констатировать, что она не достигает своей цели и возвращает нас назад к доленинскому этапу, к этапу нового народничества.

[2] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 8, с. 185—414. Эта работа имеет подзаголовок «Кризис в нашей партии». Ленин сам разъяснил ее контекст в Предисловии, написанном к сборнику «За 12 лет», в котором должно было быть переиздано это произведение (см. т. 16, с. 95 и след.). Следует отметить, что Р. Гароди ни словом не упоминает о нем в своей работе «Ленин».

«Тов. Плеханов впал в эту беду, потому что нарушил основное положение столь неудачно помянутой им диалектики: отвлеченной истины нет, истина всегда конкретна» [1].

Суровый упрек, если не самый суровый, поскольку известно, что забвение диалектики всегда было у марксистов, начиная с полемики Маркса с Прудоном и вплоть до периода, когда Энгельс направлял свои письма Блоху, Шмидту и Штаркенбургу *, основным признаком отхода от научных позиций.

Что имеется в виду в данном случае? Определяя *сущность* («основное положение») диалектики словами «отвлеченной истины нет, истина всегда конкретна», Ленин указывает не на что иное как на свое собственное правило работы. Он будет придерживаться его в своих трудах от начала и до конца, и мы теперь знаем, что это правило строго соответствует политической практике, что оно составляет основу материалистического анализа. Но возможна ли «диалектика, которая требует конкретного и всестороннего рассмотрения», как напоминает Ленин тому же Плеханову [2], без своего собственного концептуального самосознания? И разве признание этой теоретической основы возможно без ссылок на Гегеля?

Судя по данной работе, по-видимому, нет.

Взять хотя бы саму терминологию, которую использует Ленин. Оказывается, и он «кокетничает» с Гегелем: «Количество перешло в качество. Произошло отрицание отрицания» [3]. Одна из страниц раздела, озаглавленного «Нечто о диалектике. Два переворота», заслуживает того, чтобы быть воспроизведенной полностью:

«Нельзя ничего понять в нашей борьбе, если не изучить конкретной обстановки каждого сражения. Изучив же это, мы ясно увидим, что развитие действительно идет

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 8, с. 357. Ленин адресует тот же упрек Розе Люксембург, которая выступила с критикой его работы в одном из номеров «Нойе Цайт»: «...Статья уважаемого товарища содержит исключительно выдуманные шаблоны, и как раз ее статья противоречит азбуке диалектики. Эта азбука утверждает, что никакой отвлеченной истины нет, истина всегда конкретна» (там же, т. 9, с. 47).

* По уточненным данным, не Штаркенбургу, а В. Боргиусу.— *Прим. ред.*

[2] См. там же, т. 8, с. 360.

[3] Там же, с. 395.

диалектическим путем, путем противоречий: меньшинство становится большинством, большинство меньшинством; каждая сторона переходит от обороны к нападению и от нападения к обороне; исходный пункт идейной борьбы... «отрицается», уступая место все заполняющей дрязге, но затем начинается «отрицание отрицания» и, «ужившись» кое-как, с грехом пополам, с богоданной женой в различных центрах, мы возвращаемся к исходному пункту чисто идейной борьбы, но уже этот «тезис» обогащен всеми результатами «антитезиса» и превратился в высший синтезис, когда изолированная, случайная ошибка... выросла в quasi-систему оппортунистических взглядов по организационному вопросу, когда связь этого явления с основным делением нашей партии на революционное и оппортунистическое крыло выступает перед всеми все более и более наглядно. Одним словом, не только овес растет по Гегелю, но и русские социал-демократы воюют между собой тоже по Гегелю.

Но великую гегелевскую диалектику, которую перенял, поставив ее на ноги, марксизм, никогда не следует смешивать с вульгарным приемом оправдания зигзагов политических деятелей, переметывающихся с революционного на оппортунистическое крыло партии, с вульгарной манерой смешивать в кучу отдельные заявления, отдельные моменты развития разных стадий единого процесса. Истинная диалектика не оправдывает личные ошибки, а изучает неизбежные повороты, доказывая их неизбежность на основании детальнейшего изучения развития во всей его конкретности. Основное положение диалектики: абстрактной истины нет, истина всегда конкретна... И еще не следует смешивать эту великую гегелевскую диалектику с той пошлой житейской мудростью, которая выражается итальянской поговоркой: mettere la coda dove non va il capo (просунуть хвост, где голова не лезет)»[1].

Содержание этой весьма знаменательной страницы дает возможность установить следующее:

— конкретный анализ конкретной ситуации здесь дается — не без иронии и снисходительности — с использованием гегелевской терминологии, включая знаменитую триаду; но поскольку речь идет главным образом о *кризисе*, то не удивительно, что данная лексика, выражающая

[1] Там же, с. 400—401.

философскую борьбу, включает в себя термины, применяемые в военном деле;

— отношение марксизма к Гегелю представлено здесь в своей классической форме, которую можно было бы назвать «ортодоксальной». Речь идет о проблеме «перевертывания», непосредственно связанной с содержанием «Послесловия» к «Капиталу»;

— «диалектический путь, путь противоречий» рассматривается в этом тексте не сам по себе, а как присущий историческому процессу и полностью слившийся с ним.

Можно ли после этого говорить об эволюционизме или механицизме? Не является ли четко проводимое в цитированном отрывке различие между диалектикой, с одной стороны, и «зигзагами политических деятелей», или «вульгарной манерой» — с другой, достаточным основанием для отвержения любой интерпретации диалектики, которая низводила бы ее значение до роли простого метода выражения мыслей или до уровня эмпирической практики? И следовательно, не дает ли это нам основания утверждать, что диалектика представляет собой действительный закон прочтения реального процесса, поскольку только она является адекватной ему?

Скажем еще более ясно, что Ленин сразу и навсегда становится на позиции Маркса и Энгельса, на позиции *материалистической диалектики*, диалектики, составляющей единое целое с историческим материализмом. Начиная со своих первых трудов, Ленин применяет на практике этот метод — анализ *реально существующих противоречий,* — и именно этот метод позволил ему уже в работе «Что такое «друзья народа»...» наметить пути российской революции.

Именно поэтому внимание Ленина целиком сосредоточено на бесспорной новизне учения Маркса и Энгельса, материализме, его «защите и прославлении».

Таков тезис, которого мы намерены придерживаться во второй части нашего исследования.

Б. ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНЫЙ МАТЕРИАЛИЗМ

У нас уже был повод говорить в другом месте в самых общих чертах о политических, идеологических и теоретических аспектах исторической обстановки, в которой Ленин впервые выступил с чисто философской работой «Ма-

териализм и эмпириокритицизм» (1908 г.). Мы не будем возвращаться к этим вопросам. Систематический анализ этого труда в данный момент также не входит в нашу задачу. Наша цель состоит в том, чтобы сосредоточить внимание, не побоимся повторить это, на том, что Ленин впервые в 1908 г. специально занялся философией и сразу же встал на позиции, которые первоначально были определены Энгельсом, а затем им самим названы «диалектическим материализмом». Диалектический материализм — это и есть *философия марксизма.*

В этой связи сразу же встают два вопроса:

— вопрос о специфике диалектического материализма, рассматриваемого с точки зрения его отличий от исторического материализма;

— вопрос о специфике диалектического материализма, рассматриваемого с точки зрения его отличия от других форм материализма, и особенно механистического материализма.

Вопросы, которые в свою очередь ставят новые проблемы:

— каково в марксизме соотношение между наукой (историческим материализмом) и философией (диалектическим материализмом)?

— о какой философии может идти здесь речь?

— какое выражение находят у Ленина следующие вопросы:

— имеет ли место возврат к философии после (несмотря на) «выхода» из философии, осуществленного Марксом?

— каков характер отношений между наукой, философией и идеологией?

— наконец, не приводит ли нас это снова к постановке вопроса о представляющемся главным соотношении между материализмом и диалектикой?

Таковы проблемы, которые будут теперь нас интересовать.

Исходный план работы «Материализм и эмпириокритицизм» дан в первом же из «Десяти вопросов референту», которые Ленин поместил в начале своей книги:

«1. Признает ли референт, что философия марксизма есть *диалектический материализм?*

Если нет, то почему не разобрал он ни разу бесчисленных заявлений Энгельса об этом?

Если да, то зачем называют махисты свой «пересмотр» диалектического материализма «философией марксизма»?»[1]

Следовательно, как можно видеть, речь идет о философии марксизма, чтобы доказать, что она *уже* существует, доказать тем, кто считает, будто ее еще предстоит выработать, либо признает за марксистами право придерживаться любых философских взглядов. Она уже существует, прежде всего у Энгельса, ссылки на которого мы будем постоянно встречать в качестве обязательного элемента ленинской работы. Основным принципом нашего исследования снова будет анализ прочтения Лениным трудов Энгельса. «Десять вопросов референту», шесть из которых прямо отсылают к Энгельсу, являются не только достаточным тому подтверждением, но совершенно точно указывают нам главное направление доказательства — материализм[2]. Теперь мы проследим за этим направлением, прежде чем изложим полученные результаты.

I. ТЕЗИСЫ

«Защита и прославление» материализма как основы научного подхода во всех областях представляют собой главную, если не единственную цель работы «Материализм и эмпириокритицизм». Этот центральный тезис, с одной стороны, требует, чтобы было дано определение материализма, которое носило бы одновременно критический и позитивный характер, а с другой — он ведет к формулировке положений, определяющих собой новую философскую практику.

1. Критическая характеристика

Истинность материализма или «последовательного материализма»[3] определяется сначала величиной его дистанции от «непоследовательных» форм материализма.

Ленин дал типологию этих форм в зависимости от их соотношения с последовательным материализмом, чистоту которого как раз необходимо было защитить от извраще-

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 5.

[2] Там же.

[3] Выражение принадлежит Ленину (см. там же, с. 260), который прямо ссылается при этом на Энгельса, утверждавшего, что они с Марксом «впервые действительно серьезно отнеслись к материалистическому мировоззрению» (см.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 301).

ния теоретиками, ссылавшимися на это учение, не имея о нем верного представления. Это был урок последовательного материализма, преподанный непоследовательным материалистам.

Ниже приводятся элементы этой типологии, которые располагаются в восходящем порядке в зависимости от сокращения *дистанции,* отделяющей их от последовательного материализма [1].

а. «Стихийный», или «инстинктивный», материализм: материализм, стоящий на уровне здравого смысла. ««Наивный реализм» всякого здорового человека, не побывавшего в сумасшедшем доме или в пауке у философов идеалистов, состоит в том, что вещи, среда, мир существуют *независимо* от нашего ощущения, от нашего сознания, от нашего *Я* и от человека вообще» [2].

Это относится также и к естественным наукам. Так, физик, занимающийся своей работой, не сомневается в существовании вне его представлений явлений, изучением которых он занят. Он начинает ставить такое существование под сомнение — и в этом состоит его парадокс — лишь тогда, когда отрывается от собственной практики, чтобы осмыслить ее, особенно в периоды «кризисов», которые переживает наука [3].

б. «Робкий» материализм: эта форма могла бы рассматриваться как более высокая ступень по сравнению с предыдущей и как начало теоретического осмысления практики; к ней «склоняется» громадное большинство естествоиспытателей [4].

в. «Стыдливый» материализм: материализм, который скрывают рассуждения некоторых ученых об агностицизме, например Т. Гексли [5].

г. «Полуматериализм»: другая форма агностицизма

---

[1] Следует уточнить, что такой порядок не совпадает с тем, который дается в работе «Материализм и эмпириокритицизм». Однако наше прочтение, в основе которого лежит убеждение в том, что центральной проблемой ленинского труда является вопрос о материализме, дает основание придерживаться именно такого порядка.

[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 65.

[3] См. там же, с. 72, 266 и сл. «...Физики... выплескивали из ванны вместе с водой и ребенка» (с. 277).

[4] См. там же, с. 172.

[5] См. там же, с. 217. Ленин воспроизводит здесь одно из суждений Энгельса.

ученых, примером которой служит «иероглифический или символический», материализм Гельмгольца [1].

д. «Плохой» материализм: к этому виду следует отнести две последовательно сменившиеся формы материализма, претендовавшего на научность. Применительно к XVIII в. речь идет о французских материалистах, а к XIX в. — о Бюхнере, Фогте и Молешотте. Почему этот материализм является «плохим»? Ленин воспроизводит замечания Энгельса, упрекавшего этот материализм за механистичность, «антидиалектичность философии», сохранение идеализма «вверху» [2].

е. «Метафизический» материализм: в данном случае речь идет о форме, которую можно было бы назвать дюринговским «вариантом» предшествующей формы [3]. «Энгельс имел полное право преследовать Дюринга, открытого атеиста, за то, что он непоследовательно *оставлял лазейки* фидеизму в своей философии» [4].

ж. Материализм Фейербаха: здесь мы подходим к наименьшей дистанции, к порогу, который не может быть измерен количественно. Людвиг Фейербах «был материалистом... через посредство которого Маркс и Энгельс, как известно, пришли от идеализма Гегеля к своей материалистической философии» [5]; Фейербах или символ разрыва.

з. Материализм Дицгена: после того как разрыв совершился и это было признано, что можно сказать о значении какой-то дистанции применительно к Дицгену, о котором известно, что он в одиночку, самоучкой пришел к тем же выводам, что и Маркс? Тем не менее следует иметь в виду, что Дицген мог «понравиться реакционным философам» и что это стало возможным, по крайней мере отчасти, в силу встречающихся у него «неясностей и путаницы», подчас неясно выражаемых мыслей [6].

и. Материализм Плеханова: дистанция опять же *внутри* марксистского материализма, и правильная оценка ее

---

[1] См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 248. «Агностицизм Гельмгольца тоже похож на «стыдливый материализм» с кантианскими выпадами в отличие от берклианских выпадов Гексли» (там же, с. 247—248).

[2] См. там же, с. 253; упоминаемые высказывания Энгельса взяты из его работ «Анти-Дюринг» и «Людвиг Фейербах...».

[3] См. там же, с. 134.

[4] Там же, с. 73.

[5] Там же, с. 81.

[6] См. там же, с. 256 и 259—260.

пелегка. Действительно ли Плеханов дал повод таким людям, как Базаров, считать, будто они обнаружили в его философских построениях слабость марксизма?[1] Фактом остается то, что Ленин признает «ошибку», допущенную Плехановым, и уступку, которую он делает агностицизму в своих примечаниях к русскому изданию работы Энгельса «Людвиг Фейербах...»[2].

Следует ли, наконец, отводить место в этом перечне «материализму самого Энгельса» или, иными словами, признать существование пусть самой незначительной дистанции, разделяющей Маркса и его друга? Хотя кое-кто утверждал, будто бы Маркс «отличается от Энгельса»[3], а некоторые прямо выступали против него[4], Ленин тем не менее решительно отрицал существование каких-либо расхождений между двумя теоретиками: «Маркс неоднократно называл свое миросозерцание диалектическим материализмом, и энгельсовский «Анти-Дюринг», *целиком прочитанный Марксом в рукописи,* излагает именно это мировоззрение»[5]. Ленин допускает лишь, уточняя при этом, что его суждение полностью согласуется с утверждениями Энгельса, что «ревизия «формы» материализма Энгельса, ревизия его натурфилософских положений не только не заключает в себе ничего «ревизионистского» в установившемся смысле слова, а, напротив, необходимо требуется марксизмом»[6]. Таким образом, с Энгельсом — и Марксом, выводы которого никогда и ни в какой форме не ставятся под вопрос, — всякая дистанция исчезает, но устанавливается четкое размежевание, материализм приобретает «последовательный» характер.

---

[1] См. там же, с. 80 и сл.

[2] См. там же, с. 251 и сл. «Ошибка» Плеханова касается теории познания (или теории отражения); он пишет: «Наши ощущения — это своего рода иероглифы, доводящие до нашего сведения то, что происходит в действительности. Иероглифы не похожи на те события, которые ими передаются. Но они могут *совершенно верно* передавать как самые события, так — и это главное — и те отношения, которые между ними существуют» (Плеханов Г. В. Избр. филос. произв., т. 1. М., 1956, с. 501). Во втором издании труда Энгельса, вышедшем в 1905 г., Плеханов признает, что «сам выражался еще не совсем точно» (там же, с. 481).

[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 103.

[4] См. там же, с. 245.

[5] Там же, с. 260.

[6] Там же, с. 265—266.

Представленная здесь типология требует некоторых пояснений.

Первое пояснение, носящее пока еще описательный характер, касается крупных разновидностей материализма. Среди них можно выделить:

— дофилософский материализм, или, используя выражение Грамши, относящийся к имплицитной философии; это будет «а» и «б»;

— материализм, характерный в основном для ученых, в действительности представляющий собой псевдоматериализм, уделом которого является позитивизм [1]; это будет «в» и «г»;

— материализм, являющийся последовательным в тех пределах, которые ему ставит достигнутый в данный момент уровень научного знания или, в случае с Дюрингом, незнание идеализма, а именно Гегеля (диалектика); мы имеем «д» и «е»;

— совершенно особый случай — Фейербах, который признает/не признает достижения идеализма, еще стыдится материализма в той мере, в какой он продолжает смешивать его с предыдущей формой [2], и, главное, останавливается перед историческим материализмом; это будет «ж»;

— «последовательный» материализм, когда он не осмысливается в своей радикальной последовательности некоторыми из тех, кто берется его излагать и при этом, пусть только с точки зрения применяемой терминологии, подвергает себя опасности скатиться к предшествующим формам материализма: фейербаховского, механистического или позитивистского. Таким образом, мы имеем, по меньшей мере как тенденцию, «з» и «и». Важное соображение: не означают ли подобного рода попятные движения возврата к чисто философским спекуляциям и, хотим мы того или нет, к идеализму, от влияния которого, отметим это, не свободны все формы материализма, включая и фейербаховский? Но где в таком случае проходит рубеж, откуда нет возврата?

---

[1] О позитивизме см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 214, где Ленин указывает, что внутри этого течения «находятся и Ог. Конт, и Г. Спенсер, и Михайловский, и ряд неокантианцев, и Мах с Авенариусом».

[2] См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 285—286.

Второе замечание, на этот раз относящееся к пониманию проблемы, касается того, что выше было названо нами «соотношением с последовательным материализмом». Действительно, если верно, что, по убеждению Ленина, только марксизм является той точкой (saltus), начиная с которой становится возможным научное познание, то не менее верным является и то, что Ленин подтверждает свою полную солидарность со *всеми* предшествующими формами материализма. И эта солидарность обусловлена не только стратегическими и тактическими соображениями, которые диктовались борьбой против идеализма и его также «стыдливых» проявлений, эмпириокритицизма. Она диктовалась самой природой материализма, независимо от тех форм, которые он принимает; она относится к его «сути».

2. Позитивная характеристика

Что это может означать? Лишь то, что эти дистанции, меру которых мы установили, имеют смысл только в сопоставлении с тем, что принимается за норму в той сфере, которую они позволяют определить. И, следовательно, они стираются в том отношении, которое их конституирует как таковые. Имеется в виду их отношение к «последовательному» материализму, который является одновременно и точкой, в которой они находят свое завершение, и обоснованием их незавершенности, точкой их устремления, к которой они отныне будут прикреплены.

Наша типология, или, скорее, типология Ленина, теперь будет читаться в обратном порядке, поскольку в той борьбе, целью которой является победа над общим врагом — идеализмом, никто из материалистов не лишний — чистые и нечистые, последовательные и непоследовательные, философствующие и нефилософствующие.

Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Энгельс является знаменем и душой этой борьбы. «Материалист Энгельс» [1], присутствующий почти на каждой

[1] Это выражение постоянно повторяется в работе «Материализм и эмпириокритицизм». См., например: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 13, 26, 34, 109, 113, 118 и др. Двумя наиболее часто цитируемыми произведениями Энгельса являются «Анти-Дюринг» и «Людвиг Фейербах...».

странице, стоит за каждым участником сражения: и за тем, кто хорошо вооружен, и за тем, кто совершенно безоружен. Стоит, словно тень, которую каждый отбрасывает за собой, несет с собой и которая привязана к нему. Все усилия Ленина направлены на выявление этого двойника, недостижимого для ударов, потому что противник со своей стороны не может победить иначе, как отрицая присутствие этой тени и проявляя «боязнь прямо и ясно посчитаться с Энгельсом» [1].

Плеханов стоит в первом ряду, ибо именно он является мишенью для нападок со стороны «марксистов»-ревизионистов. Атаки, которым подвергается его материализм, в действительности направлены против материализма вообще, и прежде всего против материализма Маркса. Поэтому Ленин выступает в защиту Плеханова, стремясь не столько доказать своим противникам, что они его не поняли, сколько продемонстрировать глубокую обоснованность теории, которую он отстаивает. «Но допустим на секунду, что Базаров действительно «не понял» слов Плеханова (как ни невероятно такое допущение), что они показались ему неясными. Пусть даже будет так. Мы спрашиваем: занимается ли Базаров наездническими упражнениями против Плеханова (которого махисты же возвеличивают в единственного представителя материализма!) или выяснением вопроса *о материализме*? Если Плеханов вам показался неясным или противоречивым и т. п., отчего не взяли вы других материалистов?» [2] И Ленин, соглашаясь обсуждать вопрос *«независимо* от каждого словечка, сказанного Плехановым» [3], сразу же буквально представляет в качестве свидетелей «материалиста Фейербаха», «материалиста Дицгена» и «материалиста Энгельса» [4]. Такая «защита» Плеханова, при которой он сам как бы отодвигается в сторону, обнаруживает наличие двойной связи: с Энгельсом и с другими материалистами.

Уточняем: со *всеми* материалистами.

Не только с Дицгеном и Фейербахом, упоминание которых является естественным, когда речь идет о «последовательном» материализме, но также с Дюрингом в соответ-

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 252.
[2] Там же, с. 80—81.
[3] Там же, с. 81.
[4] Там же, с. 13.

ствии с правилом, по которому борьба против плохого материализма постольку вредит материализму, поскольку борьба против плохого социализма служит интересам буржуазии[1]. «Возьмите Дюринга. Трудно представить себе что-либо более презрительное, чем отзывы о нем Энгельса. Но посмотрите, *как того же Дюринга одновременно с Энгельсом критиковал Леклер*, расхваливая «революционизирующую философию» Маха. Для Леклера Дюринг есть *«крайняя левая»* материализма, «без прикрытий объявляющая ощущение, как и вообще всякое проявление сознания и разума, выделением, функцией, высшим цветком, совокупным эффектом и т. п. животного организма» (Der Realismus и т. д., 1879, S. 23—24).

За это ли критиковал Дюринга Энгельс? Нет. В этом он *вполне сходился* с Дюрингом, как и со всяким другим материалистом. Он критиковал Дюринга с диаметрально противоположной точки зрения за непоследовательности материализма, за идеалистические причуды, оставляющие лазейку фидеизму»[2].

И не только с Дюрингом, но также с «плохим» материализмом Бюхнера, Фогта или Молешотта. Смысл выступления Ленина вовсе не сводится к тому, чтобы, как это может показаться при беглом чтении, оправдать названных материалистов, подвергнутых критике Энгельсом, и, как следствие, повторить допущенные ими ошибки. Его смысл в том, чтобы доказать, что раскол между последовательным материализмом и его предшествующими или вульгарными формами, отнюдь не ставя под сомнение материалистическую позицию, подтверждает ее правильность и целостность. В этом *«Энгельс вполне сходился с Дюрингом*, как и со всяким другим материалистом»[3], и, возражая критикам Дицгена, Ленин добавляет: «...Отсюда вытекает не недостаточность материализма, а недостаточность метафизического, антидиалектического материализма»[4].

«Просто материализм», «материализм вообще» — вот что требовала защищать обстановка, сложившаяся в то время в теоретической области. И эта защита распространялась даже на наименее последовательные и менее всего

---

[1] См. там же, с. 251 и сл., весь раздел, озаглавленный «О двоякой критике Дюринга».

[2] Там же, с. 254.

[3] Там же, с. 255.

[4] Там же, с. 257—258.

разработанные в теоретическом отношении формы материализма. Так нужно было рассматривать формулировки, выдвигавшиеся учеными, как бы мало они ни «склонялись» к материализму, и следующие из них выводы. «О философах надо судить не по тем вывескам, которые они сами на себя навешивают... а по тому, как они на деле решают основные теоретические вопросы, с кем они идут рука об руку, чему они учат и чему они научили своих учеников и последователей» [1]. Выделяя две школы в современной физике, связанные с двумя философскими тенденциями, Ленин применяет этот метод к Пуанкаре, который, с одной стороны, объявляет себя сторонником Маха или примыкает к его течению, а с другой, выступая против Леруа, «ссылается на критерий практики» [2].

Тем более философский материализм должен не высмеивать «наивный реализм», а стремиться превратить его в сознательный, придав ему научность, к которой он стремится «стихийно», или «инстинктивно».

3. Материалистические принципы

Исходя из сказанного, что позволяет рассматривать «Материализм и эмпириокритицизм» как подлинный *трактат по материализму*, можно выделить две группы принципов, составляющих специфику материализма: первую, содержащую общие для всех форм материализма положения, и вторую, содержащую лишь те положения, которые определяют специфику «последовательного» материализма.

Мы ограничимся тем, что напомним их.

а) Для *просто* материализма

Материя первична по отношению к сознанию. Она существует до сознания и независимо от него. Сознание, как и жизнь, является формой развития материи. Материя, или объективная реальность, есть условие самой возможности познания, от его самых элементарных (ощущение) до наиболее развитых форм (наука).

Эти тезисы прямо противоположны тезисам идеализма и определяют борьбу, которая идет на всем протяже-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 228.

[2] Там же, с. 309; Ленин указывает: «Объявили материализм разрушенным «теорией», которая при первом же натиске фидеизма *спасается под крылышко материализма!*»

нии истории идей между двумя «лагерями»; иными словами — не существует мышления, идеи, познания, предшествующего материи или независимого от нее, не существует тождества мышления и реальности, сотворения мира и т. д.

В разной степени и в зависимости от различных попыток синтеза на этих положениях основывались все формы материализма и, следовательно, материализм вообще. Эффективность, или, скажем, доказательность, каждой из этих форм определяется ее способностью интерпретировать и интегрировать результаты научного познания, относящиеся к данному моменту его развития, причем каждая из форм ограничена объективно, а нередко и субъективно, именно этим достигнутым уровнем развития науки (например, материализм XVIII в., который правильно определяет материю через движение, но ограничивает это последнее вместе с физикой того времени только механическим движением).

б) Для *последовательного* материализма

«И Маркс с Энгельсом и И. Дицген выступили на философское поприще тогда, когда в передовой интеллигенции вообще, в рабочих кругах в частности, царил материализм. Совершенно естественно поэтому, что не на повторение старого обратили все свое внимание Маркс и Энгельс, а на серьезное теоретическое *развитие* материализма, на применение его к истории, т. е. на *достраивание* здания материалистической философии *доверху*. Совершенно естественно, что они *ограничивались* в области гносеологии исправлением ошибок Фейербаха, высмеиванием пошлостей у материалиста Дюринга, критикой ошибок Бюхнера (см. у И. Дицгена), подчеркиванием того, чего этим наиболее распространенным и популярным в рабочей среде писателям *особенно* недоставало, именно: диалектики» [1].

Содержание этого важного высказывания дает основания для трех следующих выводов, касающихся:

— «достраивания» материализма «доверху»;
— гносеологии;
— диалектики.

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 255—256.

Отложив на будущее рассмотрение проблематики, к которой отсылают эти выводы, мы остановимся здесь лишь на том, что в глазах самого Ленина составляет его собственный вклад,—на гносеологии. Ибо если работа «Материализм и эмпириокритицизм» имеет свою специфику, то ее следует искать именно в этой области. Отнюдь не потому, что Ленин излагает здесь взгляды, отличные от взглядов Маркса и Энгельса, поскольку он не выдвигает ни одной категории, которая не была бы заимствована у них. В его высказываниях скорее излагаются в позитивной форме их замечания критического и полемического характера. Поэтому на данной стадии невозможно провести четкую грань между тем, что принадлежит Ленину, и тем, что он заимствует у Маркса и Энгельса.

Главные тезисы сводятся к следующему. *В философии существуют две основные линии:* материализм и идеализм. Третьего не дано. Все доказательства в труде Ленина основаны на этом принципе, прямо восходящем к работе Энгельса «Людвиг Фейербах...» и его отказу от «эклектической... похлебки» [1]. «Эмпириокритицизм» и т. п. не может занимать никакого другого места, кроме территории, раз и навсегда занятой идеализмом *или* материализмом. Если он отвергает второе направление, то неизбежно сливается, хочет он того или нет, с первым.

Теория отражения, или материалистическая теория познания (гносеология), в разработке которой Ленин видит одновременно и средство преодоления тех границ, в которые оказались замкнуты все непоследовательные формы материализма, как предшествующие («механистический», «метафизический») марксизму, так и возникшие после него («наивный», «вульгарный»), и научное опровержение — ставшее наконец возможным благодаря самому процессу научного познания — спекулятивных идеалистических доктрин. Таким образом, теория отражения представляет собой то, чего не хватало недиалектическим формам материализма, и то, что позволяет осмысливать их как становление этой «последовательности», которая, выражаясь по-гегелевски, одновременно и отрицает и обнару-

[1] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 59; «О двух лагерях» см. с. 35 и сл., 52, 159.

живает их. Отсюда вытекает теория истории познания [1], теория соотношения абсолютной и относительной истин, между которыми не существует никакой «непереходимой грани» [2], что находит, в частности, свое специфическое выражение в соотношении философских категорий и научных понятий.

Критерий практики, представляющий собой другую разграничительную линию с предшествующими формами материализма, которую подметил уже Фейербах [3] и которая была теоретически осмыслена Энгельсом [4]. «У Энгельса вся живая человеческая практика врывается в самое теорию познания, давая *объективный* критерий истины...» [5]

Принцип партийности в философии, как и в науке, вытекающий из предшествующих тезисов. Ленин особо выделяет это положение в конце своего труда, рассматривая отношения между эмпириокритицизмом и историческим материализмом. Отсылая читателя к трудам Маркса и Энгельса [6], основной мотив которых на протяжении «*почти полустолетия*» составляло «настаивание на *материализме*» [7], Ленин пишет: «Маркс и Энгельс от начала и до конца были партийными в философии...» [8] Подобно философии и политической экономии, гносеология является «*партийной* наукой» [9]; это подтверждается широким откликом, который получила работа Э. Геккеля «Мировые загадки», популяризировавшая «естественноисторический материализм», несмотря на всю ограниченность такого материализма. ««Война» против Геккеля *доказала,* что

---

[1] «В теории познания, как и во всех других областях науки, следует рассуждать диалектически, т. е. не предполагать готовым и неизменным наше познание, а разбирать, каким образом из *незнания* является *знание,* каким образом неполное, неточное знание становится более полным и более точным» (там же, с. 102).

[2] См. там же, с. 138.

[3] См. там же, с. 145.

[4] См. там же, с. 140.

[5] Там же, с. 198.

[6] См. раздел «Партии в философии и философские безголовцы», там же, с. 356 и сл. Из работ Маркса Ленин ссылается на письмо Фейербаху от 20.10.1843 (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 27, с. 375—377; письмо датировано 3.10.1843), на «Капитал» и на письмо Кугельману от 27.6.1870, из работ Энгельса — на «Анти-Дюринг» и «Людвиг Фейербах...».

[7] См. там же, с. 356, 358.

[8] Там же, с. 360.

[9] См. там же, с. 363—364.

этот наш взгляд соответствует *объективной реальности*, т. е. классовой природе современного общества и его классовых идейных тенденций» [1]. Установленная таким образом истинность философии обнаруживает истинную сущность эмпириокритицизма и его «объективную классовую роль», которая «всецело сводится к прислужничеству фидеистам в их борьбе против материализма вообще и против исторического материализма в частности» [2].

Наконец, определение, которое мы заимствуем у Ленина, объединяет в себе всю совокупность черт «просто» материализма как «последовательного» материализма:

«Материализм вообще признает объективно реальное бытие (материю), независимое от сознания, от ощущения, от опыта и т. д. человечества. Материализм исторический признает общественное бытие независимым от общественного сознания человечества. Сознание и там и тут есть только отражение бытия, в лучшем случае приблизительно верное (адекватное, идеально точное) его отражение. В этой философии марксизма, вылитой из одного куска стали, нельзя вынуть ни одной основной посылки, ни одной существенной части, не отходя от объективной истины, не падая в объятия буржуазно-реакционной лжи» [3].

II. ПРОБЛЕМАТИКА

В связи с характеристикой марксизма мы уже упоминали о трех узловых элементах, которые, как представляется, в их совокупности составляют проблематику, анализу которой посвящена ленинская работа «Материализм и эмпириокритицизм». Речь шла о достраивании материализма доверху, о гносеологии и о диалектике.

Именно к этим проблемам мы теперь вернемся.

1. Достраивание материализма доверху

Здесь возникают два вопроса: один, касающийся процесса, и второй — природы этого достраивания. Эти два связанных между собой в действительности вопроса сво-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 375.
[2] Там же, с. 380 (заключительная фраза книги).
[3] Там же, с. 346.

дятся к следующему: какого рода отношения существуют между традиционным материализмом и современным материализмом? [1]

Отметим сразу же, к чему, на наш взгляд, сводится ответ Ленина на данный вопрос. Современный материализм представляет собой не только высшую форму, которой достиг в ходе своего развития традиционный материализм, но скорее знаменует собой разрыв с последним.

Не возвращаясь к работам, в которых Маркс и особенно Энгельс исследовали историю материализма [2], а тем более не пытаясь излагать здесь саму эту историю, можно вместе с Лениным вычленить элементы, лежавшие в основе разрыва, который нам предстоит осмыслить: с одной стороны, развитие науки, а с другой — включение практики.

а) *Развитие науки*

Традиционные формы материализма страдают, как известно, одним и тем же недостатком — более или менее отчетливо выраженной неспособностью к последовательному проведению провозглашаемых ими принципов. В данном случае мы имеем в виду, что традиционному материализму никак не удается интегрировать некоторые явления, что он терпит неудачу, пытаясь дать последовательно материалистическое объяснение всем явлениям и, следовательно, доказать правильность своего собственного исходного принципа, состоящего в признании материальной обусловленности явлений в качестве их определяющей конечной основы. В данном случае материализм представляется как бы обреченным на то, чтобы выражать лишь частные истины, например применимые к химии, но не к биологии, к естественным, но не к общественным наукам. Создается впечатление, что он раздирается странным противоречием: неспособностью доказать свою прямую связь с наукой, которая является его составной частью, иначе как делая сомнительной, если не порывая, эту связь, будучи вынужден прибегать к ее спекулятивному использова-

---

[1] Ради удобства мы будем обозначать термином «традиционный материализм» немарксистские формы материализма, а термином «современный материализм» — марксизм; этим последним выражением широко пользовался Ленин.

[2] Маркс в «Святом семействе», Энгельс в работах «Анти-Дюринг» (гл. I) и «Людвиг Фейербах...».

нию, которое идеализм немедленно начинает эксплуатировать в своих интересах, как это произошло с утверждением о том, будто мозг выделяет мысль так же, как печень — желчь. Материалистами «внизу», идеалистами «вверху» были энциклопедисты точно так же, как и Фейербах [1]. Известно, что этот недостаток был обусловлен в основном ограниченным уровнем развития, которого достигла наука (та или иная наука или та или иная отрасль научного знания), в том смысле, что материализм, пытаясь выйти за эти границы, прибегает к необоснованным философским экстраполяциям. Это означает также, что непоследовательность традиционного материализма не является его виной, она представляет собой отражение его объекта. В этом смысле она носит объективный характер, подобно тому как исторически по сходным причинам объективным было главенство религии и идеализма. Этим объясняется, кроме того, последовательная смена форм материализма, каждая из которых соответствовала определенному уровню развития научного знания, включая материалистические тенденции, которыми отмечены то здесь, то там философские течения, носившие по преимуществу идеалистический характер. Если же допустить, что в борьбе материализма с идеализмом первый по праву, если и не всегда на деле, представляет науку, то следует признать, что каждый шаг вперед, сделанный наукой, является в то же время шагом вперед материализма и что, следовательно, его торжество неизбежно.

Как только развитие науки достигает достаточно высокого уровня, который в методологическом отношении создает основы для подхода, способного дать объяснение всей совокупности явлений, материализм *приобретает последовательный характер*. С этого момента к нему можно относиться *вполне серьезно*.

Именно эту мысль подчеркивает вслед за Энгельсом Ленин.

Уже в заметках, которые делались им при чтении «Святого семейства», он отмечал, что «механический материализм... превращается в французское естествознание» и

---

[1] См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 300; воспроизводится у Ленина, см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 253, 256.

что «материалистической практике соответствовали материалистические теории» [1]. В работе «Материализм и эмпириокритицизм» значительная часть доказательства посвящена раскрытию несоответствия, существующего между результатами и общим направлением современной физики и теми их интерпретациями, которые давали, в частности, сторонники Маха: идеализм и его различные варианты окончательно утратили почву в этой области. Махизм занимает или стремится заполнить собой место, отведенное самой современной наукой современному материализму, или марксизму: «...Физика лежит в родах. Она рожает диалектический материализм» [2].

«Естествоиспытатель, безусловно выражающий самые прочные, хотя и неоформленные, мнения, настроения и тенденции подавляющего большинства естествоиспытателей конца XIX и начала XX века, показал сразу, легко и просто, то, что пыталась скрыть от публики и от самой себя профессорская философия, именно, что есть устой, который становится все шире и крепче и о который разбиваются все усилия и потуги тысячи и одной школки философского идеализма, позитивизма, реализма, эмпириокритицизма и прочего конфузионизма. Этот устой — *естественноисторический материализм*» [3].

Таким образом, только современный материализм говорит от имени науки, всякая иная философия, в том числе претендующая называться материалистической, *отстает* и объективно служит в философии, так же как и в общественной жизни, строго говоря, целям реакции. Идеализм и буржуазия, составляющая его классовую основу, ведут оборонительную борьбу, ибо их время прошло. *Инициатива,* как это прекрасно видел И. Дицген, *за наукой и пролетариатом.*

б) *Включение практики*

«Встреча» науки с пролетариатом вызывает к жизни второй элемент разрыва. Он нам достаточно хорошо известен, чтобы не останавливаться на нем подробно. Можно было бы даже ограничиться простым повторением вместе с Лениным следующего положения: «Мы видели, что

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 29, 30.
[2] Там же, т. 18, с. 332.
[3] Там же, с. 372.

Маркс в 1845 году, Энгельс в 1888 и 1892 гг. вводят критерий практики в основу теории познания материализма»[1]. Однако поступить так можно было бы, лишь имея точное представление о том значении, которое приобретает у Ленина теория в связи с учетом практики, ибо именно здесь наиболее слабое место тех марксистов, если говорить только о них, которые следуют за Махом[2].

Вместе с тем предварительно следует уяснить себе, пусть в виде постановки вопросов, следствия, которые влечет за собой тезис о последовательном материализме. Может ли оставаться в философии «закопченный» материализм? Не означает ли разрыв, который он знаменует с предшествующим (традиционным) материализмом, разрыва со всякой философией? Не растворяется ли полностью современный материализм в науке? И в какой науке? В научном знании в собственном смысле слова, которое обошлось бы без каких-либо философских дополнений? Но не стало ли бы в таком случае невозможным отделить современный материализм от позитивизма? Или в какой-то философской науке, которая наконец позволила бы осуществиться старой мечте Канта, возрожденной Гуссерлем?

«Материализм и эмпириокритицизм» дает новые подтверждения тому, что поставленные нами вопросы вполне обоснованны, например, когда Ленин пишет о Марксе, только еще становившемся «основателем социализма, как науки, основателем *современного материализма, неизмеримо более богатого содержанием и несравненно более последовательного,* чем все предыдущие формы материализма... (курсив мой. — *Ж. Л.*)»[3].

Ясно, что он уточняет здесь идею последовательности: современный материализм несводим к предыдущим формам материализма. Но не только это. Он называет также созданную одновременно новую науку — *социализм.* Об этом мы должны будем помнить. Кроме того, совершенно ясно, что «ищущий в философии» ищет в ней не саму философию, но то, что порождает ее, или же то, в

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 140. «Фейербах берет учет всей совокупности человеческой практики в основу теории познания» (с. 145).

[2] «Практика пусть будет материалистична, а теория особь статья,— говорит Мах» (там же, с. 143).

[3] Там же, с. 357.

связи с чем она возникла как философия. Ленин следующим образом заключает длинный раздел, посвященный анализу основных течений в физике, существовавших в главных европейских странах: «Не может подлежать никакому сомнению, что перед нами некоторое международное идейное течение, не зависящее от какой-нибудь одной философской системы, а вытекающее из некоторых общих причин, *лежащих вне философии* (курсив мой. — *Ж. Л.*)»[1]. Таким образом, как мы уже указывали ранее, речь идет о *вмешательстве извне*. А оно предполагает существование внешней среды, откуда становится возможным такое вмешательство.

Не имеет ли понятие «материализм» двух значений, причем второе из них обосновывает первое, а именно значение философского материализма, участвующего в борьбе материализма с идеализмом, и научного материализма, объясняющего как предыдущий, так и саму борьбу?[2] Но каково отношение между этими двумя понятиями? Как видим, наши вопросы упорно встают вновь и вновь. Мы вернемся к ним после того, как проведем те исследования, которые нам необходимо провести и которые позволят нам их уточнить, а возможно, и предложить ответы на них.

2. Гносеология

Итак, гносеология основывается на практике. Она дает теорию вторжения всей живой человеческой практики в саму теорию познания. Включение практики в материализм довершило его. В философском отношении материализм мертв. Практика воскрешает его в научном отношении, привнося в него «объективный критерий истины», которого ему не хватало. И теорию которого следует построить.

Несомненно, еще до того как такая теория начнет разрабатываться, может быть сразу же выдвинуто следующее возражение: какова гарантия того, что эта теория не окажется сугубо ограниченной — как это случилось с традиционными формами материализма — определенным

[1] Там же, с. 320—321.

[2] Такого рода интерпретация была предложена Ф. Соллерсом в статье, озаглавленной «Ленин и философский материализм», «Tel quel», 1970, № 43, p. 3—16.

уровнем развития науки и, следовательно, будет устаревать? Ответ на подобное возражение связан не только с необходимостью проводить различие между «формой» и «сутью» материализма (если первая теснейшим образом зависит от исторического становления и законных «пересмотров», которых оно требует, то вторая включается в непримиримую теоретическую борьбу) [1]. Он связан с самим включением практики в материализм, в том смысле, что она раз и навсегда соотносит его с реальной жизнью и с наукой как бесконечно протекающим процессом в противоположность любым спекуляциям, ориентирующимся на вечное.

Вот почему Ленин строит свое «гносеологическое» доказательство на отрицании непознаваемой вещи в себе в соответствии с уже встречавшимся приемом, который состоит в том, чтобы, ссылаясь на Плеханова, являющегося объектом нападок, иметь в виду Энгельса, Фейербаха и Дицгена [2]. Мы не будем воспроизводить здесь этого доказательства, в основном восходящего к Энгельсу [3], а обратимся к его результатам. Прежде всего здесь закладываются основополагающие принципы теории истины. Ж. Т. Дезанти излагает их следующим образом:

«Познание представляет собой постепенное превращение посредством практики «вещи в себе» в «вещь для нас». Истина в каждом случае — это приблизительно точное, проверяемое практикой знание законов объективной и абсолютной реальности. Относительность нашего знания не означает, таким образом, что существует непреодолимая грань, навязанная нашему сознанию его собственной природой или природой вещей. Как раз напротив: эта относительность просто является отражением того факта, что развитие познания представляет собой процесс, в ходе

---

[1] «Махистам мы ставим в упрек отнюдь не такой пересмотр, а их *чисто ревизионистский* прием — изменять *сути* материализма под видом критики *формы* его, перенимать основные положения реакционной буржуазной философии без всякой попытки прямо, откровенно и решительно посчитаться с такими, например, безусловно крайне существенными в данном вопросе, утверждениями Энгельса, как его утверждение: «...движение немыслимо без материи» («Анти-Дюринг», стр. 50)» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 266).

[2] См. там же, с. 81.

[3] См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 284 (пример с ализарином).

которого мы непрерывно приближаемся к абсолютной истине, не исчерпывая вместе с тем бесконечное богатство природы» [1].

С другой стороны, вполне правомерно провести различие между двумя типами категорий: гносеологическими категориями и категориями эпистемологическими.

а. Гносеологическими категориями, то есть относящимися к теории познания в собственном смысле слова, являются следующие:

— общественная *практика,* как отражающая «точку зрения жизни», которая «должна быть первой и основной точкой зрения теории познания» [2],

— *материя,* поскольку этот термин представляет собой не что иное, как понятие объективной реальности [3],

— *отражение,* которое обозначает отношение мышления к его объекту или, точнее, пронизывает всю динамику познания, от ощущения до науки; отражение, которое может принимать различные формы, от строгого соответствия объекту вплоть до его искаженного видения («фантастическое» отражение).

Эти категории тесно связаны между собой: отражение имеет свое место в практике, которая материальна. Ленин пишет: «...Материалистическая теория, теория отражения предметов мыслью, изложена здесь (имеется в виду работа Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке». — *Ж. Л.*) с полнейшей ясностью: вне нас существуют вещи. Наши восприятия и представления — образы их. Проверка этих образов, отделение истинных от ложных дается практикой» [4]. Поэтому эти категории являются достаточными для того, чтобы бесповоротно размежеваться с идеализмом [5].

б. Эпистемологические категории, то есть категории, которые относятся, скорее, к теории науки, более многочисленны, чем предыдущие. Ленин уделяет особое внимание в связи с критикой эмпириокритицистов-идеалистов и

---

[1] D e s a n t i J. T. Lénine et la philosophie, p. 111.

[2] Л е н и н В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 145—146.

[3] См. там же, с. 131.

[4] Там же, с. 109—110. См. также с. 142. «Для материалиста «успех» человеческой практики доказывает соответствие наших представлений с объективной природой вещей, которые мы воспринимаем».

[5] См. там же, с. 164.

изложением взглядов Энгельса категориям причинности[1], пространства и времени, свободы и необходимости. Кроме того, мы встречаемся у него и с другими категориями, такими, как закон, опыт, движение, детерминизм, природа, сознание, случайность и т. д.

Можно ли дать типологию этих категорий? Думается, можно быть уверенным в том, что одна часть из них будет играть основополагающую роль, другая — производную. Категории объективности заняли бы особое место в первой рубрике как выражающие (отражающие) законы движения материи, существование которых предполагается всякой наукой.

Различие между гносеологическими и эпистемологическими категориями, которое мы только что предложили, требует ряда пояснений. Первое относится к самому этому различению, которое вызывается скорее соображениями удобства, чем сутью дела, ибо теория познания и теория науки имеют обе одну и ту же цель — создание общей теории объективности познания[2]. В этом отношении функция гносеологических категорий состоит в утверждении существования объективной реальности, тогда как эпистемологические категории представляют собой результаты и исходное условие ее постижения. Вместе они составляют основу материализма. Вот почему, несмотря на относительный с точки зрения (современного) материализма характер границы между абсолютной и относительной истиной, все эти категории могут рассматриваться в качестве «абсолютных» истин. Ленин повторяет применительно к практике то, что было сказано им по поводу различия между абсолютной истиной и относительной истиной[3], а именно, что данный критерий является одно-

---

[1] Отмечая, что Энгельс не излагал специально свои взгляды на проблему причинности, Ленин добавляет, что вместе с тем он «не допускал и тени сомнения насчет существования объективной закономерности, причинности, необходимости природы» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 159—160).

[2] «Оторвать учение Энгельса об объективной реальности времени и пространства от его учения о превращении «вещей в себе» в «вещи для нас», от его признания объективной и абсолютной истины, именно: объективной реальности, данной нам в ощущении,— от его признания объективной закономерности, причинности, необходимости природы,—это значит превратить целостную философию в окрошку» (там же, с. 192).

[3] См. там же, с. 138—139.

временно достаточно неопределенным и достаточно определенным: «Конечно, при этом не надо забывать, что критерий практики никогда не может по самой сути дела подтвердить или опровергнуть *полностью* какого бы то ни было человеческого представления. Этот критерий тоже настолько «неопределенен», чтобы не позволять знаниям человека превратиться в «абсолют», и в то же время настолько определенен, чтобы вести беспощадную борьбу со всеми разновидностями идеализма и агностицизма» [1].

Что значит «абсолютные истины»? Не что иное, как то, что эти категории никак не могут быть поставлены под вопрос в ходе исторического движения развитием процесса научного познания. Наоборот, «практика», «материя» или «отражение» представляют собой неустранимую систему координат и основу этого процесса, за рамки которых он не может выйти. Поэтому эти категории «лишены» содержания, подобно обнесенному оградой пустому пространству, указывающему, однако, на полноту содержания, которое изберет их в качестве своего жилища. Ибо сама функция этих категорий сводится к тому, чтобы служить вместилищем, откуда ни одно слово не может вырваться, не оставив своего адреса, с помощью которого всякое слово обретает смысл лишь в той мере, в какой оно говорит о них. «Изменчивость человеческих представлений о пространстве и времени так же мало опровергает объективную реальность того и другого, как изменчивость научных знаний о строении и формах движения материи не опровергает объективной реальности внешнего мира» [2]. Именно поэтому мы предложили называть эти категории категориями-*показателями*; они действительно «достаточно определенны», чтобы постоянно сохранять как в начале, так и на горизонте познания материальную детерминацию; они «достаточно неопределенны», чтобы постоянно сохранять только за процессом научного познания право определять их содержание. Отмечавшееся Энгельсом различие между «понятием времени» и «действительным временем» имеет именно такой смысл. Смешивая их, Дюринг всего лишь повторяет ошибку традиционного непоследовательного материализма. Какой бы серьезной ни была критика им

---

[1] Там же, с. 145—146.
[2] Там же, с. 181—182.

понятия времени, она не в состоянии опровергнуть существование действительного времени [1].

Тем самым оказывается установленным статус указанных категорий: они относятся к философской сфере и, подобно сооружаемым альпинистами в горах каменным пирамидам, которые служат вехами на высокогорных маршрутах, определяют функцию философии, состоящую в обосновании науки. Что же касается присущего этим категориям характера абсолютных истин, то он, если прибегнуть к выражению, использованному в 1857 г. Марксом по поводу «робинзонад» XVIII в. [2], мог бы рассматриваться как *предвосхищение* цели научного процесса.

«Итак, — пишет Ленин, — человеческое мышление по природе своей способно давать и дает нам абсолютную истину, которая складывается из суммы относительных истин. Каждая ступень в развитии науки прибавляет новые зерна в эту сумму абсолютной истины, но пределы истины каждого научного положения относительны, будучи то раздвигаемы, то суживаемы дальнейшим ростом знания» [3].

Только наука в состоянии осуществить этот процесс объединения. Философия никак не может претендовать на то, чтобы подменить здесь собой науку. Так, определение того, какова материя, не может исходить от философии, поскольку последняя ограничивается указанием на объективную реальность как на постоянную исходную основу. Такое определение может быть дано только наукой на каждом этапе ее развития. Причем «давать» значит в то же время обогащать, изменять, пересматривать, а иногда и отменять прежнее. Отсюда становится понятным, что не может быть «кризиса» науки как процесса познания объективного мира. Бывают лишь кризисы в понятиях. «Реальная» материя не может «исчезнуть», тогда как ее определение, понятие, вполне может в определенный момент оказаться несостоятельным. Таким образом, истина всегда оказывается на стороне здравого смысла в споре с охваченным паникой физиком: объективная реальность, заставляющая мыслить и ученого и просто человека, будет вечно

---

[1] См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 51; воспроизведено Лениным в т. 18, с. 182.

[2] См. там же, т. 46, ч. I, с. 17.

[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 137.

существовать. Это относится и к вопросу о «формах» материализма: их последовательная смена и разрушение оставляют неизменной его «суть», и «последовательный» материализм сводится к утверждению этой истины.

Итак, философия имеет свой собственный предмет, *категории,* которые, если даже они не могут рассматриваться независимо от понятий, порожденных научным познанием, тем не менее ни в коей мере не сводятся к ним.

Наконец, философия, как мы уже отмечали, указывает путь науке. На чем основывается такое привилегированное положение, которое, по-видимому, опровергает, подрывает ее определение как «неверного пути неверных путей»? [1] Трудность здесь кажущаяся, а ответ совершенно ясен: философия получает эту привилегию от самой науки, которая в определенный момент своего развития открыла доступ в теорию познания всей совокупной человеческой практике. Какая философия? Не философия «реакционных профессоров», которую так резко критиковали Дицген и после него Ленин [2], а философия, возникновение которой было связано с превращением материализма в последовательный материализм, философия, освободившаяся наконец от апорий спекуляции, *научная* философия.

3. Диалектика

Создается впечатление, что она отсутствует в наших рассуждениях, а скорее, в рассуждениях Ленина. Возникает вопрос, а собственно, об отсутствии чего идет речь? Может быть, об отсутствии должной обоснованности вопроса о диалектике?

Разве до сих пор Ленин не проявил себя как превосходный диалектик, хотя он и не произносил это слово? В частности, во всех своих высказываниях, посвященных отношению между относительной и абсолютной истиной, непрерывностью и прерывностью научного процесса, сильными и слабыми сторонами материализма или позитивным

---

[1] «Der Holzweg der Holzwege»—выражение принадлежит И. Дицгену (см. «Kleinere philosophische Schriften»). Ленин воспроизводит это выражение в т. 18, с. 362.

[2] См. там же, с. 166, т. 17, с. 19, т. 45, с. 24—25.

и негативным у философов. Как человек, умеющий вскрыть решающие противоречия в любой проблеме?

Однако в «Материализме и эмпириокритицизме» диалектике отводится сравнительно небольшое место. Маркс, Энгельс, Фейербах, Дицген и Плеханов упоминаются чаще как «материалисты», чем «диалектики», не говоря уже о Демокрите, Дидро, Дюринге, Бюхнере, Фогте или Геккеле. Что можно думать по поводу незначительного места, которое отводится Гегелю, присутствовавшему буквально на каждой странице работ «Анти-Дюринг» и «Людвиг Фейербах...», в труде, целиком опирающемся на авторитет и положения, разработанные великим мастером диалектики Энгельсом? Судите сами: само имя Гегеля, если мы не допустили ошибки в подсчете, упомипается в нем реже, чем имя Пуанкаре, и в три раза реже, чем имя Канта [1]. К тому же речь может идти скорее о косвенных намеках в связи с упоминаниями об отказе Маркса и Энгельса от гегелевского идеализма, о ценности критики ими кантовской вещи в себе, отрицапии абсолютной идеи, авторстве воспринятых Энгельсом тезисов относительно свободы и необходимости или о различии между диалектикой и релятивизмом. Что касается единственной заслуги, которую Ленин признает за Гегелем и которая сводится к тому, что им была разработана система «самого последовательного, самого развитого *идеализма*» [2], то Ленин видит ее ценность, пожалуй, лишь в том, что она может оказать услугу, будучи использована в качестве орудия борьбы против... предшествующих форм идеализма. Ленин отмечает: «Совершенно очевидно, что Энгельс, наблюдая повторение *модной* немецкой и английской философией старых, догегелевских, ошибок кантианства и юмизма, готов был ждать добра даже *от поворота* (в Англии и в Скандинавии) *к Гегелю,* надеясь, что крупный идеалист и диалектик поможет узреть мелкие идеалистические и метафизические заблуждения» [3]. Как видим, услуга весьма ограниченная.

Ленин отчетливо сознавал этот недостаток или, во всяком случае, видимость такого недостатка — недостаток

---

[1] Пуанкаре упоминается около 25 раз, Гегель — 18, а Кант — 70 раз.

[2] Ленин В. И. Полп. собр. соч., т. 18, с. 358.

[3] Там же, с. 359.

внимания к диалектике. Он даже высказывался по этому поводу:

«Маркс и Энгельс, вырастая из Фейербаха и мужая в борьбе с кропателями, естественно обращали наибольшее внимание на достраивание философии материализма доверху, т. е. не на материалистическую гносеологию, а на материалистическое понимание истории. От этого Маркс и Энгельс в своих сочинениях больше подчеркивали *диалектический* материализм, чем диалектический *материализм,* больше настаивали на *историческом* материализме, чем на историческом *материализме*» [1].

Кроме того, добавляет он, в настоящее время «буржуазная философия особенно специализировалась на гносеологии» с тем, чтобы восстановить идеализм, даже «внизу», и вести решительную борьбу против материализма [2]. Это суждение касается центрального пункта интересующей нас проблематики. Следовательно, нам необходимо на нем остановиться. Прежде всего с тем, чтобы сделать несколько замечаний:

— ссылки Маркса и Энгельса на Гегеля не упоминаются; хороший «материалист внизу, идеалист вверху» [3], Фейербах больше заслуживает внимания, чем идеалист, даже «последовательный»;

— содержится мысль о достраивании материализма доверху;

— указывается на существование двух дисциплин: исторического материализма и диалектического материализма;

— отмечается преимущество, отдававшееся Марксом и Энгельсом *диалектической* и *исторической* «сторонам»,

---

[1] Там же, с. 350.

[2] См. там же. Кроме того: «Все более тонкая фальсификация марксизма, все более тонкие подделки антиматериалистических учений под марксизм, — вот чем характеризуется современный ревизионизм и в политической экономии, и в вопросах тактики, и в философии вообще, как в гносеологии, так и в социологии» (с. 351). «И вражда к материализму, тучи клевет на материалистов,— все это в цивилизованной и демократической Европе порядок дня» (с. 365).

[3] Там же, с. 350; поскольку существуют и *плохие* материалисты, такие, как Бюхнер, Фогт, Молешотт и Дюринг, являвшиеся «пигмеями и жалкими кропателями по сравнению с Фейербахом» (там же).

которые таким образом явно рассматриваются как параллельные одна другой;

— подчеркивается необходимость развивать *материалистическую* «сторону» и гносеологию.

Для простоты можно было бы составить два следующих уравнения:

Диалектическая/историческая сторона f (материализм) = Маркс/Энгельс.

Материалистическая сторона f (диалектика/история) = Ленин.

Или: диалектика > материализм = Маркс/Энгельс.
материализм > диалектика = Ленин.

Как это понимать?

Возможны только две гипотезы.

а. Согласно первой, ленинизм, по крайней мере на уровне «Материализма и эмпириокритицизма», или, скорее, как мы это могли видеть, на протяжении всего периода, включающего в себя и этот труд, мог бы рассматриваться в качестве дополнения к работе, выполненной Марксом и Энгельсом. Уточняем: *дополнения,* ибо ссылки на какой-то возврат к до- или псевдомарксистским формам мышления (механицизм) представляются нам полностью исключенными. Причем не столько в силу того, что говорит сам Ленин, сколько на основании неопровержимых свидетельств, полученных в результате анализа его трудов. Можно было бы сказать, что Ленин — и в этом состоит его собственный вклад — не столько достраивает недостающие части здания марксизма, сколько освещает то, что уже было создано, не столько говорит о самом объекте, сколько пытается осветить его таким образом, чтобы сделать зримыми все присущие ему особенности. Он берет, чтобы дополнить его, учение Маркса и Энгельса, которые были вынуждены исключительно в силу сложившихся условий и соображений момента оставить его в относительно незавершенном состоянии. Использование в качестве метафоры выражения «сторона», по-видимому, не означает ничего иного. По нашему мнению, подтверждением этому служит то, что можно было бы назвать *принципом чередования,* характеризующим уровни марксистского выступления, особенно — но не только — с точки зрения его становления.

Если мы будем придерживаться избранного правила — следовать ленинскому прочтению Энгельса, — то придем

к выводу, что в «Материализме и эмпириокритицизме» фактически нет ни одного положения[1], которое не было бы взято непосредственно из «Анти-Дюринга» или «Людвига Фейербаха...» или же не встречалось бы в той или иной форме в этих работах. Разумеется, здесь имеются в виду сами положения, а не их применение к совершенно своеобразным условиям. Было бы, конечно, небезынтересно, как мы уже отмечали в ряде мест, дать точную оценку ленинским повторениям тезисов Энгельса — тому, что он из них сохраняет, изменяет, развивает и т. д., — но главное заключается не в этом. Поскольку нас интересует вопрос о разделяющей Ленина и Энгельса дистанции, главное можно было бы отчетливее увидеть, если принять во внимание тот факт, что, к примеру, в каждой из двух работ — «Материализме и эмпириокритицизме» и «Анти-Дюринге» (это в равной мере относится и к «Людвигу Фейербаху...») — говорится о том, о чем умалчивается в другой. Ленин умалчивает о Гегеле и диалектике, Энгельс — о материализме. Нечто подобное мы уже наблюдали в случае с той же работой Энгельса и произведением Ленина «Что такое «друзья народа»...», каждая из которых не повторяла другую, причем Дюринг объявлял себя материалистом, тогда как Михайловский нет. Однако, хотя Ленин в обеих книгах умалчивал об одном и том же, а его основные противники, разоблачению которых посвящен «Материализм и эмпириокритицизм», упорно уверяли в своей приверженности материализму, в частности Богданов[2], вопрос обо всех причинах этих умолчаний остается не вполне ясным. Та из них, которая вызывает вынужденное чередование выступлений, ясна: Энгельс стремился покончить с рецидивами метафизики в среде материалистов. Подобно умелому педагогу, он в споре с Дюрингом опирается на Гегеля и на диалектику исторического развития. Ленин в ходе открытой борьбы против «марксистов», соблазненных теорией познания, которая претендовала на примирение идеализма с материализмом

---

[1] Причинность составляет, несомненно, единственное исключение (см. выше), ибо Ленин не был знаком с «Диалектикой природы», в которой он мог бы найти полное подтверждение своих собственных взглядов.

[2] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 237 и сл. Если следовать утверждениям Богданова, указывает Ленин, то получается, будто бы сам Гегель был материалистом.

(эмпириокритицизм и т. д.) и выступала как прямой результат теоретического самоосмысления науки, вынужден был призвать на выручку и буквально вызвать в качестве свидетелей наиболее стойких материалистов, являющихся к тому же и диалектиками [1].

Таким образом, марксистские труды, которые, как мы уже говорили об этом по поводу работы «Что такое «друзья народа»...», носят одновременно полемический, воспитательный и теоретический характер, задумывались и создавались применительно к потребностям конкретной обстановки. В одном случае, как это обстояло с трудами Маркса, их появление вызывалось необходимостью разработки теории исторического материализма, во втором, как это было с Энгельсом, — диалектики, в третьем, у Ленина, — защиты «просто» материализма. После того как «доктрина» оформилась, уровни выступлений, которые она делает возможными именно благодаря своему оформлению (своему завершению), определяются точно так же, как и сама их необходимость, историей. Ибо история, — а история человеческой мысли, философии, несмотря на всю ее специфичность, подчинена той же закономерности, — представляет собой сферу борьбы и требует, чтобы всякий раз точно определялся узловой пункт этой борьбы с тем, чтобы каждый наносимый удар всегда соответствовал своей цели, которой сегодня («в данный момент») является диалектика, завтра — материализм. Можно было бы привести множество примеров тому, относящихся непосредственно к политической практике или к практике рабочего движения. Но мы не будем этого делать.

б. Ибо нам предстоит рассмотреть вторую гипотезу.

Согласно этой второй гипотезе, ленинизм в тех условиях, которые мы упоминали в связи с первой гипотезой, является носителем того главного, что постоянно имели в виду Маркс и Энгельс даже тогда, когда они и не говорили о нем непосредственно, а именно материализма. Таким

---

[1] К примеру, Дицгена, которого он называет «диалектическим материалистом» (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 121), «диалектического материалиста» Энгельса, которого он противопоставляет «метафизическому материалисту» Дюрингу (там же, с. 134) и «релятивисту» Богданову (с. 136) (см. там же, с. 254, 259).

образом, работа «Материализм и эмпириокритицизм» давала возможность осветить наиболее важную сторону марксизма, и Ленин говорит не там, где Маркс и Энгельс молчат, а, напротив, выражает само существо их учения.

Посмотрим, каковы могли бы быть аргументы, говорящие в пользу этой гипотезы.

Как представляется, они сосредоточиваются на тезисе о последовательности материализма.

Маркс и Энгельс занимались разработкой последовательного материализма в соответствии со сложившимся между ними распределением задач. Маркс, «покинув» область философии, полностью посвятил себя экономическим исследованиям и подготовке «Капитала», иными словами, разработке исторического материализма. Он действительно развивает *историческую* «сторону». Под этим следует совершенно четко понимать *науку об истории,* все ее направления — теоретический анализ («Экономические рукописи 1857—1859 годов», «К критике политической экономии», «Капитал»), анализ конкретных событий («Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.», «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», «Гражданская война во Франции»), политический анализ (в частности, в I Интернационале). Одновременно с подготовкой этих трудов он ведет в рамках навязанной ему идейной борьбы (хотя он и сам в значительной мере способствовал ее возникновению) широкую полемику со всеми противниками — сторонниками классической политэкономии, вульгарными экономистами (в частности, Прудоном), утопическими социалистами, анархистами, — допускавшими при всем их различии одну общую ошибку, «забвение» истории. Но эта наука носит бесспорно материалистический характер. Она даже представляет собой процесс усвоения всей человеческой практики материализмом, — усвоения, ставшего наконец возможным благодаря историческому развитию. Ибо отказ от гегелевской философии истории, который, как это следует из «Введения» 1857 года, является условием создания подлинной исторической науки, относится к тому же времени, что и разрыв с идеализмом. Они оба вписываются в единый процесс развития.

Со своей стороны Энгельс, и это вовсе не означает приуменьшения его вклада в развитие исторического материализма (в частности, его работы «Происхождение семьи, частной собственности и государства»), вынужден

был по причинам, сходным с теми, которые определили выбор Маркса, — подъем рабочего движения и развитие его политической практики — сосредоточить свои основные усилия на разработке диалектического материализма. Он действительно развивает *диалектическую* «сторону», но эта «сторона» является не чем иным, как материалистической наукой, которая призвана доказать свою эффективность внутри самого социалистического идейного течения, удерживая его то от возврата к метафизике (Дюринг), то от искушений экономизма (письма Блоху, Штаркенбургу [1] и т. д.). Тем, кто, не ведая того, допускает возврат к Канту, путает Маркса с Фогтом, оказывается не в состоянии понять «Капитал» или сводит надстройки к экономической детерминации, Энгельс противопоставляет в качестве единственного ответа диалектику, поскольку все они «забывают» о ней. А разве может диалектика, после того как учение Гегеля было «перевернуто с головы на ноги», означать что-либо иное кроме материализма? Разве она может существовать где-то помимо реального исторического процесса, ключ к научному пониманию которого был дан Марксом и который должны научиться применять социалисты?

А как обстоит дело с Лениным? Ленин начинает именно с того, на чем остановились Маркс и Энгельс. За отправную точку он берет как раз последовательный материализм, материализм, которому после стольких трудов и стольких лет борьбы они сумели придать целостный характер. Именно это он неустанно повторяет в «Материализме и эмпириокритицизме». Разве специфическая задача социалистов не заключается в том, чтобы «двигать дальше во всех направлениях» «науку», созданную Марксом? [2] В данном случае приоритет, отводимый *материалистической* «стороне» перед *диалектической* и *исторической* «сторонами», не может уже означать, что две последние качественные характеристики заключаются в скобки или просто подразумеваются с отсылкой, как в примечании, к Марксу и Энгельсу. В еще меньшей мере это может рассматриваться как их недооценка или пренебрежение ими, следствием чего мог бы быть возврат к одной из *форм* непоследовательного материализма. Такой приоритет может выражать лишь *суть* материалистического под-

[1] В. Боргиусу.—*Прим. ред.*

[2] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 184.

хода, который обязательно включает в себя интеграцию диалектики и истории, иными словами, придание материализму последовательного характера. И разве могут вообще существовать, помимо их материалистической основы, какие-либо иные гарантии от возврата и диалектики и истории к идеализму?

Диалектика, история, материализм могут мыслиться лишь в их единстве. Наука об истории и материалистическая диалектика представляют собой одно и то же. Чтобы подтвердить это, нет необходимости возвращаться к вопросу о *политической практике* Ленина, о мастерстве, носящем подлинно диалектический характер (теория реальных противоречий), которое он демонстрирует в сфере исторического анализа. Если даже допустить, что «Материализм и эмпириокритицизм» дает повод говорить о некоторых недостатках или об упущениях в этом отношении, то знакомства с такими работами, как «Развитие капитализма в России» или «Что делать?», оказывается вполне достаточно, чтобы доказать полную несостоятельность такого рода предположений. Более того, и в самой работе «Материализм и эмпириокритицизм» содержатся совершенно недвусмысленные указания по данному вопросу. Достаточно напомнить в этой связи содержание последней главы ленинского труда, полностью посвященной доказательству того, что в «философии марксизма, вылитой из одного куска стали, нельзя выпуть ни одной основной посылки, ни одной существенной части» [1]. Надо ли, кроме того, напоминать, что в том же самом месте [2] Ленин выдвигает принцип партийности в качестве наиболее верного критерия, позволяющего устанавливать границу между материализмом и идеализмом?

Такова вторая гипотеза. Если теперь стало ясным, что мы склоняемся именно к ней, то это не избавляет нас от необходимости проверить ее, особенно на материале ленинского конспекта книги Гегеля «Наука логики», который как будто ей противоречит. Следует уточнить, что мы не будем принимать во внимание аргумент, согласно которому дистанция (если допустить ее существование) между «Материализмом и эмпириокритицизмом» и «Философскими тетрадями» объявляется будто бы незнанием Гегеля,

---

[1] Там же, т. 18, с. 346.

[2] См. там же, с. 338 и § 4, с. 356 и сл.

ибо такой аргумент является не только поверхностным, но прямо противоречит высказываниям Ленина и постоянно демонстрируемому им глубокому знанию трудов классиков марксизма. Можно ли допустить, чтобы *внимательный читатель Энгельса*, который затратил столько времени на детальнейшее изучение колоссальной литературы, от произведений Беркли до работ Маха и Пуанкаре, не удосужился бы бросить хотя бы беглый взгляд на труды Гегеля? Не будет ли правильнее предположить, что в случае возникновения теоретических трудностей он должен был обращаться именно к этим трудам?

Попытаемся теперь подвести первые итоги, основание для которых, как представляется, дает проделанный нами анализ. Мы отдаем себе отчет в том, что они носят гипотетический характер и вызывают больше вопросов, чем дают ответов.

Отметим прежде всего признание неразделимости материализма, диалектики и истории. Ибо как диалектика, так и история, помимо их материалистической основы, не имеют никаких других гарантий от повторения ошибок идеалистического толка.

Мне представляется, что в конечном счете значение «политической практики» сводится именно к этому.

Материализм надежно обеспечивает разграничение и науки и философии как с идеализмом, так и с объективизмом, или позитивизмом, по *классовому принципу*. С другой стороны, подход к диалектике, при котором она рассматривается, как это делали мы сами и как это, по нашему убеждению, делал Ленин, в качестве составной *части* материализма, должен быть еще уточнен. И не только потому, что существует немало любителей злоупотреблять диалектикой для прикрытия всяких несуразиц. Такие любители превращать диалектику в карикатуру не вывелись и в наше время, и каждому из нас наверняка приходилось с ними сталкиваться. Названный подход следует выделить особо главным образом для того, чтобы предотвратить *опасность изоляции диалектики*. Я думаю, что такая опасность является вполне реальной. Дело в том, что, как неоднократно указывал Маркс, необходимо проходить через всеобщие понятия, через концептуализацию, через теорию в том смысле, в каком об этом говорилось во «Введении» 1857 года, хотя разработка концепций и теорий на всех уровнях научной практики происходит и обре-

тает смысл в политической практике, иными словами, в самой гуще общественной практики. Сама наука — и сегодня мы знаем это, поскольку являемся тому свидетелями, тогда как во времена Энгельса это представлялось не столь ясным, — глубоко укоренилась в общественной практике, а научные исследования несут на себе печать классовой борьбы. Но эта необходимость прохождения через понятие, через всеобщее, если она приводит к изоляции категорий или законов, порождает опасность застрять в конечном итоге на уровне формальной логики. При этом «законами диалектики» в том виде, как их иногда понимали, можно будет оправдать все или почти все, что угодно. В пределе они стали бы чем-то подобным силлогистике, которую Бэкон называл «бесплодной девственницей».

И есть еще другая опасность — опасность впасть в гегельянство. Об этом свидетельствует вся история марксизма. И мы бы поддались этой опасности еще больше, если бы выпустили из рук «поручень» материализма, и именно *последовательного материализма.*

Если же мне возразят, ссылаясь на «Философские тетради», где Ленин так высоко оценивал Гегеля, то я ограничусь пока тем, что отвечу: главное здесь то, что Ленин *читает Гегеля материалистически.* Об этом свидетельствует и его статья «О значении воинствующего материализма». Стать «обществом материалистических друзей диалектики» — это было бы самым лучшим и для нас.

Жак Тексье

О ДЕТЕРМИНАЦИИ В КОНЕЧНОМ СЧЕТЕ (МАРКС И/ИЛИ АЛЬТЮССЕР)

Нижеследующий текст имеет некоторую историю. В первой редакции это была глава диссертации, над которой автор работал, озаглавленной: «Историческая диалектика: система понятий и принцип понимания». Хотя текст и не был опубликован, он распространялся в машинописном виде и вызвал интересный обмен мнениями. Эти же проблемы обсуждались в конце 1971 года на коллоквиуме в Орсэ, организованном Центром марксистских исследований [1]. Две первые части первоначального текста воспроизводятся без изменений. Последующий текст — результат второй редакции с учетом обсуждения и критических замечаний. Моя задача была ограниченной: рассмотреть одно из положений, выдвинутых в 1965 году Л. Альтюссером в книгах «За Маркса» и «Читать «Капитал»». Для полноты информации в «Дополнении» я кратко рассматриваю развитие взглядов Л. Альтюссера после 1968 года.

I. АЛЬТЮССЕРОВСКОЕ ИСТОЛКОВАНИЕ

Начнем с того, что скажем несколько слов об истолковании исторического материализма как экономического детерминизма. Лишь несколько слов, так как вульгарность этого истолкования не требует того, чтобы долго на нем останавливаться. Для него характерно полное игнорирование диалектики. Приверженцы этого истолкования

[1] Lénine et la pratique scientifique. Paris, CERM, Editions sociales, 1974.

даже не подозревают о существовании развивающихся органических целостностей и тем более о том, что диалектическое объяснение — это порождение в понятиях конкретного, исходя из наиболее абстрактных определений, а не простое сведение сложного к простому. Обсуждение их тезисов не может вести далеко, поскольку это механистическое истолкование даже не замечает проблем, которые одновременно поставлены и решены — в методологическом плане — марксизмом.

Мы, следовательно, займемся более серьезным истолкованием, истолкованием, которое дает Л. Альтюссер и его школа. Это истолкование отличается от предшествующего как раз осознанием проблем, о которых мы говорили, исходя из выявленных у Маркса понятий органической целостности и обусловленности общественного развития в конечном счете экономикой.

С другой стороны, хотя марксизм для Альтюссера — это детерминизм, но не механистический, а структуральный. Структуральный же детерминизм ставит целью раскрытие связей, существующих между формами феноменального развития и воздействием скрытой структуры (метонимическая причинность). Подход К. Маркса, следовательно, не сводится лишь к анализу, выявляющему фундаментальную детерминацию. Но являются ли предложенные Л. Альтюссером решения удовлетворительными, или, вернее, — а это прежде всего и интересует нас здесь — соответствуют ли они положениям Маркса? В данный момент мы рассмотрим лишь истолкование, данное детерминации в конечном счете экономикой и, следовательно, «артикуляции» различных моментов внутри органического целого. Наиболее четко формулирует это истолкование Э. Балибар:

«В различных структурах (*речь идет о структуре общественного целого. — Ж. Т.*) экономика является определяющей в том отношении, что она определяет ту из инстанций общественной структуры, которая занимает определяющее место» [1].

Л. Альтюссер пришел к этому новому истолкованию детерминации в конечном счете экономикой в 1963 году в статье, озаглавленной «О материалистической диалектике».

---

[1] Balibar E.—In: Lire «Le Capital». Paris, Maspero, 1965, p. 221.

«...Детерминация в конечном счете экономикой проявляется в реальной истории как раз в перестановках первой роли между экономикой, политикой, теорией и т. д.» [1].

Имеется нечто *инвариантное,* это существование структуры с преобладающим фактором, но внутри этой структуры имеется вариация преобладаний. *Отправным методологическим пунктом* была бы, следовательно, выработка понятия, которое позволяет осмысливать структуру общественного целого в определенную эпоху, но для осуществления этого следует проанализировать структуру способа производства, поскольку именно эта структура предопределяет тот из факторов, который преобладает над другими факторами общественного целого.

«Проблема, следовательно, состоит в следующем: как определяется в общественном целом в конкретную эпоху определяющая инстанция, то есть как способ *комбинации* элементов, составляющих структуру способа производства, определяет в конечном счете в общественной структуре место определяющей инстанции, то есть как специфический способ производства определяет отношения, которые поддерживают между собой различные инстанции структуры, то есть в конечном счете артикуляцию этой структуры» [2].

Можно заметить, что тут речь идет о настоящей теоретической революции в истории марксизма, ибо здесь фактически перевертывается фундаментальное положение исторического материализма, какие бы ни были приняты предосторожности для сохранения видимости определенной преемственности. В самом деле, К. Маркс утверждает, что общественный процесс производства обусловливает все историческое развитие вообще. Анализируя этот процесс, можно уяснить, каким образом другие моменты находятся *в зависимости* от общественного процесса производства и, следовательно, как они участвуют в историческом процессе. Это означает, что общественный способ производства *всегда,* во все эпохи, в том числе в период социальных переворотов, обусловливает все развивающееся целое. Он обусловливает лишь *вообще*, или, как говорил Ф. Энгельс, *в конечном счете*, но всегда именно он

---

[1] Althusser L. Pour Marx. Paris, Maspero, 1965, p. 219.
[2] Balibar E. Op. cit., p. 216.

занимает место «определяющего в конечном счете момента». Никогда на протяжении истории политика или религия, например, не играли такой роли. Это не означает, что они не играют какой-то роли; это означает, что роль, которую они играют, вытекает из экономической структуры. Когда Маркс выдвигает свое положение о господствующей роли экономики, он не говорит: анализируйте экономику — и вы уясните, каков господствующий фактор; он просто говорит, что господствует экономика. Но зато он добавляет, что анализировать экономику необходимо для уяснения негосподствующей роли других инстанций и способа их реального воздействия.

Альтюссеровское истолкование состоит в утверждении, что определяющая в конечном счете роль экономики означает, что экономика не всегда господствует. *В конечном счете* не означает здесь, что *в конце анализа*, какова бы ни была собственная действенность других инстанций, будет обнаружено, что эта действенность уяснима лишь исходя из исторических задач, которые ставит развитие производства; будет также обнаружено, что при какой-то данной структуре производства именно религия или политика господствует в целом над ходом данного исторического периода. Стало быть, речь идет о теоретической революции, вытекающей из изобретения нового метода — структуральной диалектики, приводящей к переворачиванию материалистической основы марксистского метода ввиду нового применения этого самого метода.

Альтюссеровское истолкование является тонким и на первый взгляд соблазнительным. Речь идет якобы лишь об устранении вульгарного экономизма и, следовательно, о возвращении марксизму его подлинного характера, что дает ему возможность осмысливать специфику и действенность надстроечных моментов. В самом деле, согласно Л. Альтюссеру:

«Не подлинная марксистская традиция, а «экономизм» (механицизм) раз и навсегда устанавливает иерархию инстанций, фиксирует за каждой ее сущность и роль и устанавливает одностороннюю направленность их отношений...» [1]

На первый взгляд можно лишь одобрить подобную антимеханицистскую и антиэкономистскую ориентацию;

[1] Althusser L. Op. cit., p. 219.

исторический материализм — это не экономизм и не механицизм. Однако договоримся о смысле слов. Л. Альтюссер называет «экономизмом» утверждение о том, что развитие общественного производства *всегда* господствует в историческом процессе. Этот тезис, может быть, и спорен (мы, однако, так не думаем), но, во всяком случае, он свойствен не «экономизму», а самому историческому материализму. «Экономизм» и («механицизм») состоит в ограниченном истолковании этого тезиса. Он полагает возможным закономерно сделать из этого тезиса вывод о том, что другие моменты исторической целостности недейственны и недействительны, поскольку они — «следствия из причины», чистые «видимости» или простые «эпифеномены». Поскольку мы согласны с необходимостью создания теории действенности надстроек и, следовательно, с критикой экономизма, подлинная проблема состоит в том, следует ли для этого модифицировать — как это делает Л. Альтюссер — фундаментальное положение исторического материализма.

Нам кажется, что нет.

Мы увидим[1], что, в самом деле, для К. Маркса развитие производства *всегда* обусловливает ход истории, но это *общее* господство предполагает действенность надстроечных факторов и даже *в определенных условиях* их решающую роль. Мы увидим также, рассматривая Предисловие К. Маркса «К критике политической экономии», что Маркс по веским причинам не мог идти далее того, что утверждается в этих двух предложениях, являющихся фактически одним, если хорошо уразуметь первое из них — *общее* доминирование общественного процесса производства и действенность надстроек. В самом деле невозможно сформулировать общий закон, позволяющий осмысливать точную роль надстроечной активности в любом обществе. Такая претензия противоречит методологической сущности исторического материализма. В крайнем случае можно иначе сформулировать содержание наших двух предложений и, например, сказать: развитие надстроечной активности не господствует во всем историческом процессе вообще, но эта негосподствующая роль, или эта общая зависимость, не означает недейственности.

---

[1] См. следующий раздел, озаглавленный «Общий принцип исторического материализма...».

«Экономизм» — это вульгарное истолкование исторического материализма; он на свой манер формулирует закон отношений надстройки к базису, поскольку попросту отрицает роль надстроек.

Альтюссеровское истолкование, разумеется, не является экономизмом, поскольку оно стремится учитывать специфичность и собственную действенность надстроек (в рамках детерминистской концепции истории). Его «антиэкономизм» настолько радикален, что даже ставит под вопрос само определение исторического материализма. Л. Альтюссер называет «экономизмом» неправильно истолкованное фундаментальное положение исторического материализма. Примечательно то, что Л. Альтюссер, в сущности, воспроизводит рассуждение «экономизма»: если экономика всегда преобладает, то надстроечные инстанции недейственны. Но в отличие от экономизма, который ограничивается этим, Л. Альтюссер добавляет: поскольку в действительности надстройки играют активную роль, то, значит, экономика не всегда преобладает.

Мы отстаиваем точку зрения, которая отличается как от взглядов экономизма, так и от взглядов Л. Альтюссера. В самом деле, мы считаем [1], что нет нужды модифицировать — как это делает Л. Альтюссер — фундаментальное положение исторического материализма, чтобы рассматривать надстройки в качестве активных. Для этого достаточно не выводить из него следствия, которого оно не содержит. Нам представляется, что по этому второму пункту подход Л. Альтюссера столь же механистичен, как и подход экономизма: или экономика всегда преобладает — и надстройки не активны; или они активны — и экономика не всегда преобладает.

Различие между К. Марксом и Л. Альтюссером немалое. Его можно показать, если сказать, что для Маркса в развивающемся общественном целом преобладает экономика, а это означает, что непреобладающие формы активности играют свою роль в рамках этой общей зависимости. Для Л. Альтюссера общественное целое является структурой с преобладающим фактором (это инвариант), но внутри этой инвариантной структуры имеется вариация в преобладании. Эти два подхода столь различны,

---

[1] См. там же.

что можно спросить, как автор второго может считать себя последователем Маркса.

Тем не менее этот шаткий мост существует. Маркс и Энгельс утверждают, что способ производства материальной жизни обусловливает развитие общественного целого, определяет его в конечном счете. Л. Альтюссер утверждает, что способ производства определяет тот из факторов, который преобладает над общественным целым. Эпистемологический марксизм различает то, что марксизм Маркса не различал, а именно — «определяющую в конечном счете роль экономики» и инстанцию, играющую «преобладающую роль».

«Детерминация в конечном счете структуры целого экономическим моментом, — пишет Никос Пуланцас, — не означает, что экономический момент играет здесь преобладающую роль... Экономический момент в действительности определяет лишь в той мере, в какой он придает той или иной инстанции преобладающую роль...» [1]

Это различие позволяет сохранить связь с историческим материализмом: конечно, экономика не всегда преобладает, но она всегда определяет преобладающий фактор. Наконец, следует добавить, что существует — согласно этой школе — общественная формация, где преобладающая инстанция совпадает с определяющей инстанцией и где экономика некоторым образом сама побуждает себя к преобладанию.

«Экономический момент, — пишет Никос Пуланцас, — в этом способе производства (речь идет о капиталистическом обществе. — *Ж. Т.*) не только определяет в конечном счете, но играет также и преобладающую роль» [2].

В свою очередь Э. Балибар пишет: «При капиталистическом способе производства это место (преобладающее. — *Ж. Т.*) занято самой экономикой» [3].

---

[1] Poulantzas N. Pouvoir politique et classes sociales. Paris, Maspero, 1971, p. 8.

[2] Ibid., p. 24.

[3] Balibar E. Op. cit., p. 221 N. B. Я не утверждаю, что позиции Пуланцаса по всем проблемам тождественны позициям тюссера или Э. Балибара. Но по данному конкретному вопросу, полагаю, имеется тождество взглядов.

II. ОБЩИЙ ПРИНЦИП ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА И ЕГО ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕФОРМАЦИЯ

АНАЛИЗ ТЕКСТОВ. ПЕРВЫЙ ТЕКСТ

На какие тексты К. Маркса и Ф. Энгельса опирается это «революционное» истолкование исторического материализма? Прежде всего посмотрим те тексты Ф. Энгельса, в которых он употребляет выражение о том, что «определяющим моментом в конечном счете является... экономический момент», и где отвергается экономистское истолкование исторического материализма. Л. Альтюссер отсылает нас к ним, когда, под предлогом избежания экономизма, трансформирует фундаментальное положение Маркса:

«Детерминация в конечном счете экономикой проявляется в реальной истории как раз в перестановках первой роли между экономикой, политикой, теорией и т. д. Энгельс прекрасно это видел и указал на это в период своей борьбы с оппортунистами II Интернационала, ожидавшими установления социализма в силу действия одной лишь экономики»[1].

Посмотрим теперь, что же говорил Ф. Энгельс: «...Согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом *в конечном счете* является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали. Если же кто-нибудь искажает это положение в том смысле, что экономический момент является будто *единственно* определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу»[2].

Здесь совершенно ясно определяется экономизм, для которого «экономический момент» является *«единственно* определяющим моментом». А теоретический экономизм, отрицающий активную роль надстроек, неотделим от политического оппортунизма, ожидающего «установления социализма в силу действия одной лишь экономики» (Л. Альтюссер). Но для того чтобы избежать экономизма и оппортунизма, нужно ли отбрасывать идею, что

---

[1] Althusser L. Op. cit., p. 219.
[2] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 394.

«экономический момент» всегда является доминирующим, и указывает ли Ф. Энгельс, как считает Л. Альтюссер, на нечто подобное? Достаточно дальше привести текст письма Ф. Энгельса к И. Блоху, чтобы убедиться, что это совсем не так и что ссылка Л. Альтюссера на Ф. Энгельса безосновательна: «Мы делаем нашу историю сами, но, во-первых, мы делаем ее при весьма определенных предпосылках и условиях. Среди них экономические являются в конечном счете решающими. Но и политические и т. п. условия, даже традиции, живущие в головах людей, играют известную роль, хотя и не решающую» [1].

Можно было бы обсуждать некоторые формулировки Ф. Энгельса. В самом деле, можно утверждать, что в некоторых обществах — капиталистическом — и в некоторых условиях — когда общество вступает в период социальной революции — политическая борьба играет *решающую роль*. Действительно, речь идет тогда о ниспровержении буржуазного государства и построении нового государства, которое установит новые производственные отношения. Эта решающая роль — в определенный момент — политической борьбы и политических условий нисколько не противоречит господствующей вообще роли общественного производства во всем историческом процессе. Политическая борьба становится решающей именно потому, что общество вступило в период социальной революции. Общество же вступает в подобный период тогда, когда в общественном процессе производства производственные отношения стали препятствием развитию производительных сил общественного труда. Процесс производства обусловливает в целом политический процесс, и именно эта общая зависимость второго по отношению к первому объясняет активность второго. Иначе говоря, политическая борьба может стать решающей в определенный момент именно потому, что общественное развитие производства порождает потребности и возможности и, следовательно, ставит исторические задачи, которые должны быть разрешены путем политической борьбы. Это приводит нас к констатации, что теории Л. Альтюссера были созданы в ответ на реальные проблемы. Но мы надеемся показать, что его тео-

---

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 395.

ретическая база не позволяет решить эти проблемы. Продолжим, однако, рассмотрение текстов, на которые опирается Л. Альтюссер.

III. РАССМОТРЕНИЕ ТЕКСТОВ: ВТОРОЙ ТЕКСТ

А. О ПРЕОБЛАДАНИИ ОДНОЙ СПЕЦИФИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ФОРМЫ В ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

Основным текстом, цитируемым всеми авторами альтюссеровской школы, является пространное примечание в первом томе «Капитала», где, говоря о «господстве» католицизма в средние века и господстве политики в Древних Афинах или Риме, К. Маркс пишет: «Наоборот, тот способ, каким в эти эпохи добывались средства к жизни, объясняет, почему в одном случае главную роль играла политика, в другом — католицизм» [1].

На этот раз кажется, что К. Маркс сам высказывается как настоящий альтюссеровец! Не утверждает ли он совершенно ясно, что «экономический момент» является определяющим в том отношении, что он определяет ту из инстанций, которая преобладает или играет главную роль? Но прежде чем приходить к такому выводу, будет более правильным привести весь текст:

«Я пользуюсь этим случаем, чтобы вкратце ответить на возражение, появившееся в одной немецко-американской газете по адресу моей работы «К критике политической экономии», 1859. По мнению газеты, мой взгляд, что определенный способ производства и соответствующие ему производственные отношения, одним словом — «экономическая структура общества составляет реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания», что «способ производства материальной жизни обусловливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще» [Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 6, 7], — все это, по мнению газеты, справедливо по отношению к современному миру, когда господствуют материальные интересы, но не применимо ни к средним векам, когда господствовал католицизм, ни к

---

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 92.

Древним Афинам или Риму, где господствовала политика. Прежде всего удивительно, что находится еще человек, который может предположить, что эти ходячие фразы о средних веках и античном мире остались хоть кому-нибудь неизвестными. Ясно, во всяком случае, что средние века не могли жить католицизмом, а античный мир — политикой. Наоборот, тот способ, каким в эти эпохи добывались средства к жизни, объясняет, почему в одном случае главную роль играла политики, в другом — католицизм. Кроме того, не надо обладать особенно глубокими познаниями, например, по истории Римской республики, чтобы знать, что секрет ее истории заключается в истории земельной собственности» [1].

Здесь комментатор должен взять себя в руки. В самом деле, хочется ограничиться простым восклицанием и признаться, что «симптомальное прочтение» Альтюссера — это неслыханный метод. Разумеется, это не интересно читателю. Поэтому скажем так: прежде всего это — парадоксальная цитата, поскольку в ней К. Маркс как раз опровергает мнение, согласно которому его тезис якобы действителен для современного, но не для античного или феодального мира, и не ясно, в чем точка зрения Л. Альтюссера и его учеников отличается от такого мнения оппонентов К. Маркса. Однако она отличается. Несомненно, у немецко-американской газеты также плюралистская концепция общества: экономика преобладает в современном обществе, религия — в феодальном обществе, политика — в античном обществе. Но имеется одно различие: для структуралистского марксизма эта вариация в преобладании всегда обусловлена экономикой.

Можно заметить, что цитирование подобного текста предполагает у комментаторов-альтюссеровцев определение трех возможных позиций:

1. «Плюралистская» позиция немецко-американской газеты: в зависимости от обществ преобладает тот или иной фактор.

2. «Монистская» позиция, согласно которой всегда преобладает один и тот же фактор. Имеются различные типы монизма, в зависимости от того, какие факторы счита-

---

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 92.

ются привилегированными. Например, а) идеалистический монизм «немецкой идеологии»: всегда преобладает идеология; б) «экономический» монизм «вульгарного» и неструктуралистского марксизма: всегда преобладает способ производства материальной жизни.

3. «Структуралистская» позиция: преобладание варьируется, но оно обусловлено способом производства материальной жизни.

Таким образом, уточним: цитирование этого текста К. Маркса альтюссеровцами подразумевает с их стороны следующее, или подобное ему, рассуждение. Когда К. Маркс писал предисловие к своей книге «К критике политической экономии», он имел в виду опровержение идеалистического монизма. Он говорил здесь об обусловленности в конечном счете экономикой, но не отличал это понятие от понятия преобладания, исходя из чего «вульгарный марксизм» истолковывает исторический материализм как экономический монизм. Но в приведенном примечании в I томе «Капитала», направленном на опровержение плюралистского аргумента, К. Маркс преодолевает простой «экономизм» и приходит к структуралистской концепции целого; экономика определяет преобладание политики в античном обществе, преобладание религии — в феодальном обществе и преобладание... экономики в современном обществе. Следовательно, ясно, до какой степени было бы ошибочным смешивать внешние весьма схожие тезисы немецко-американской газеты и структуралистского марксизма.

Итак, нам следует рассмотреть альтюссеровское истолкование этого текста К. Маркса весьма серьезно, показать, что оно является ошибочным, и выявить иной смысл фразы, которую мы выше приводили: «тот способ, каким в эти эпохи добывались средства к жизни, объясняет, почему в одном случае главную роль играет политика, в другом — католицизм». Эта фраза — одна из редких фраз Маркса, за которую можно уцепиться, чтобы придать структуралистское толкование обусловленности в конечном счете экономикой.

Скажем сначала, что ничто в этом тексте не позволяет утверждать, что Маркс в чем бы то ни было модифицирует свое истолкование детерминации в конечном счете экономикой. Говорить, как говорит Маркс, что «не надо обладать особенно глубокими познаниями, например, по

истории Римской республики, чтобы знать, что секрет ее истории заключается в земельной собственности», — это значит применить к определенному обществу тезис, согласно которому «способ производства материальной жизни обусловливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще». В античном или феодальном, как и в буржуазном, обществе способ производства и вытекающие из него общественные отношения, короче, экономическая структура, служат реальной основой политики и религии. История этой экономической структуры является секретом истории политики и религии. Таким образом, «экономический момент» не только определяет в конечном счете, но он также преобладает в конечном счете, или в целом.

Но если это так, то как понять высказывание: «Наоборот, тот способ, каким в эти эпохи добывались средства к жизни, объясняет, почему в одном случае главную роль играла политика, в другом — католицизм»? Для правильного его понимания следует прежде всего сознавать, что К. Маркс затрагивает реальную проблему, о которой он, правда, мало что здесь говорит. Следовательно, речь идет о том, чтобы уточнить рамки этой проблемы и охарактеризовать тип анализа, требуемого для ее решения.

Говорится ли здесь об отношениях между базисом и надстройкой? Несомненно. Однако следует яснее понять, о чем идет речь. Речь здесь идет совсем не о том, чтобы знать, как полагают альтюссерианцы, преобладает ли над общественным целым, и в частности над «экономической инстанцией», надстроечная инстанция или же какой-то ее аспект. По той простой причине, что Маркс, как в этом тексте, так и во всех других, не сомневался, что общественный процесс материального производства преобладает в целом над всеми аспектами исторической деятельности. Речь скорее идет о том, чтобы знать, каким образом преобладание «экономического момента», точнее, определенной структуры «экономического момента» выразится в плане активности надстроек.

Идет ли речь тогда о выявлении *сущности* правово-политических и идеологических надстроек путем регрессивного анализа, раскрывающего зависимость надстроек от базиса и устанавливающего их функцию? Речь идет о другом, о чем-то большем. Этот анализ сущности и функции надстроек К. Маркс уже давно осуществил, на-

пример в «Немецкой идеологии», когда он установил связь между *господством какого-либо класса* на уровне базиса и его правово-политическим и идеологическим господством на уровне надстроек: «...Социальная власть определенного класса общества, вытекающая из его имущественного положения, находит каждый раз свое практически-идеологическое выражение в соответствующей государственной форме» [1]. И еще:

«Мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями. Это значит, что тот класс, который представляет собой господствующую *материальную* силу общества, есть в то же время его господствующая духовная сила» [2].

Таким образом, действительно затронутая Марксом в этом примечании к «Капиталу» проблема касается именно отношения надстроек к базису в определенном обществе. Но мы можем сказать, что она еще стоит перед историком, когда он уже решил в общем методологическом плане два вопроса, о которых мы только что упоминали.

а) Вопрос об определяющей роли в конечном счете экономического момента или, что то же самое, о господстве в целом во всей общественно-политической и интеллектуальной жизни способа производства. Это означает, что *сущностью* надстроек является зависимость в целом от общественного процесса производства.

б) Вопрос о «господстве» в сфере надстроек — политическом и идеологическом — экономически господствующего класса. Отсюда выводится природа *функции* надстроек в общественном целом [3].

Достигнув этого пункта, необходимо для дальнейшего продвижения в анализе ввести различие, проводимое К. Марксом в Предисловии к его книге «К критике политической экономии» между правово-политической

---

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 69.

[2] Там же, с. 45.

[3] Уточним, что политическое и идеологическое господство экономически господствующего класса в сфере надстроек не является ни автоматическим, ни вечным. Это — объект борьбы, которая должна вестись на самом деле; господство в сфере надстроек всегда лишь результат: если оно ослабляется, то это знак органического кризиса, жертвой которого является как раз экономическое господство.

надстройкой, с одной стороны, и формами общественного сознания — с другой.

Ясно, что средневековый католицизм — это «идеология», форма общественного сознания. Когда же говорят о «политике» вообще, без дальнейшего уточнения, то здесь все сложнее. Ибо «политика» — это, с одной стороны, государственный аппарат, а с другой — «политическая идеология»; и очевидно, первый не может рассматриваться как простая «система представлений». Для понимания формулировки К. Маркса можно, следовательно, искать в том направлении, где «политика» рассматривается наравне с религией, в качестве формы общественного сознания. Но исследование должно быть дополнено поиском и в другом направлении, ибо совершенно очевидно, что, когда Маркс говорит о политике в Афинах и Риме, он думает об «античном городе-общине» как специфической форме государства.

Для анализа первого аспекта вопроса мы можем исходить из теории идеологических форм общественного сознания, выработанной Марксом и Энгельсом в «Немецкой идеологии». Идеология здесь представлена как выражение в сознании практических отношений, существующих между людьми и различными формами общественного сознания, как *различные языки* — язык политики, религии, философии [1]. Этот процесс осознания общественного существования через специфические «языки» является «идеологическим» в той мере, в какой он основывается на незнании отношения, существующего между этими формами и выражаемым ими экономическим базисом. Одной из проблем, стоящих перед историком, будет материалистическое объяснение не только социально-экономического содержания идеологии, но также и ее специфической формы. Еще точнее, необходимо объяснить, почему в данную эпоху и в данной стране «господствует» в идеологической сфере определенная специфическая форма. Например, почему в 30-е годы XIX века немцы осмысливали свою историю на «языке» религии и философии, тогда как французы осмысливали свою на «языке» политики? Или, поскольку речь идет здесь о средних веках, почему религия преобладала в идеологической сфере феодального общества? Это проблема, которую нельзя решить без конкретных эмпириче-

---

[1] См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 24.

ских исследований, но нельзя усомниться в том, что проблема именно такова и что браться за ее решение необходимо лишь на основе общих принципов исторического материализма. Посмотрим, что говорит по этому вопросу Ф. Энгельс в своей работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии».

«Средние века присоединили к теологии и превратили в ее подразделения все прочие формы идеологии: философию, политику, юриспруденцию. Вследствие этого всякое общественное и политическое движение вынуждено было принимать теологическую форму. Чувства масс вскормлены были исключительно религиозной пищей; поэтому чтобы вызвать бурное движение, необходимо было собственные интересы масс представлять им в религиозной одежде» [1].

Вот в каком самом точном значении можно говорить о «главной роли» или «господстве» религии в средние века. Но это, разумеется, не позволяет говорить о преобладании «идеологической инстанции» над другими «инстанциями» общества. Для Энгельса феодальная трансформация христианства объясняется эволюцией феодальных общественных отношений: «В средние века в той же самой мере, в какой развивался феодализм, христианство принимало вид соответствующей ему религии с соответствующей феодальной иерархией» [2].

Но вернемся к «Немецкой идеологии». Выработав материалистическую теорию форм идеологии, К. Маркс и Ф. Энгельс тем самым покончили с «идеологической» концепцией истории, которую можно обнаружить прежде всего у «исторических агентов», а затем у историков и философов.

«Эта концепция могла видеть в истории поэтому только громкие и пышные деяния и религиозную, вообще теоретическую, борьбу, и каждый раз при изображении той или другой исторической эпохи она вынуждена была *разделять иллюзии этой эпохи.* Так, например, если какая-нибудь эпоха воображает, что она определяется чисто «политическими» или «религиозными» мотивами, — хотя «религия» и «политика» суть только формы ее действительных мотивов, — то ее историк усваивает себе это мнение.

---

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 314.
[2] Там же.

«Воображение», «представление» этих определенных людей о своей действительной практике превращается в *единственно определяющую и активную силу, которая господствует над практикой этих людей и определяет ее»* (курсив мой. — *Ж. Т.*) [1].

Было бы соблазнительным, опираясь на последнее высказывание, отождествить «идеологическую» концепцию истории с альтюссеровским истолкованием исторического материализма. Но, как я уже сказал, это было бы ошибкой, ибо альтюссеровское истолкование связано с Марксом утверждением Альтюссера, что экономический момент определяет преобладающую инстанцию. Для нас достаточно показать, что тезис Маркса *не таков*. И это «небольшое» различие следует учитывать. В самом деле, для Маркса экономические условия феодализма объясняют, почему католицизм играет главную роль *в идеологической сфере общества*, но это не означает, что «идеологическая инстанция» преобладает над всеми другими инстанциями общественного целого. Последнее приведенное нами высказывание из «Немецкой идеологии» позволяет ясно представить себе теории истории, которые марксизм отвергает. Мы уже видели, рассматривая текст Энгельса, в чем состоит экономистский уклон. Он состоит в утверждении, что «экономический момент будто является *единственно* определяющим моментом».

Противоположный уклон, который можно назвать «идеологизмом», состоит, напротив, в утверждении, что сознание — «единственно определяющая и активная сила». Для Маркса «идеология есть только одна из сторон» истории людей [2]. Она играет активную роль, как всякий другой аспект человеческой деятельности. Но ее «действенность», как и ее содержание и ее специфическая форма, должна осмысливаться исходя из «господства» над всей общественной жизнью процесса производства и воспроизводства. Соответствуют ли формулы альтюссеровской школы, не будучи теоретически правильными, реальной проблеме, которую следует разработать глубже? Несомненно. Речь идет о том (мы об этом уже сказали), чтобы исторически объяснить господствующее значение определенной идеологической формы в сфере идеологии. Но стоит немного по-

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 38.
[2] См. там же, с. 16.

размыслить, и видишь, что для объяснения этого господства следует (и достаточно) глубже разработать и применить марксистскую теорию форм. Маркс оставил нам на этот счет некоторые ценные указания, когда он определял свой «материалистический метод»:

«Даже всякая история религии, абстрагирующаяся от этого материального базиса *(способ производства материальной жизни и обусловленная им форма общественных отношений. — Ж. Т.)*, — некритична. Конечно, много легче посредством анализа найти земное ядро туманных религиозных представлений, чем, наоборот, из данных отношений реальной жизни вывести соответствующие им религиозные формы. Последний метод есть единственно материалистический, а следовательно, единственно научный метод» [1].

По первому пути пошел Л. Фейербах, и К. Маркс воспроизводит здесь критику, уже сформулированную им в четвертом тезисе о Фейербахе. *Противоположный путь* — единственный путь, позволяющий осмыслить «формы», то есть воспроизвести конкретное в мысли. Исходя из «Капитала», мы достаточно хорошо знаем, что такое «дедукция» экономических форм в капиталистическом способе производства. Несомненно, мы гораздо меньше продвинулись вперед, когда речь идет об идеологических формах или политических формах. Опираясь на «Капитал», все же можно утверждать, что идеологические формы зависят от политических форм, которым они *соответствуют,* а эти последние вытекают из экономических форм.

Б. ПОДХОД К МАРКСИСТСКОМУ ТЕЗИСУ О СПЕЦИФИЧЕСКИХ ФОРМАХ ГОСУДАРСТВА

Нам остается теперь взять второе направление исследований с целью изучения содержания приведенной цитаты К. Маркса. Почему экономические условия Афин или Рима объясняют то, что политика здесь играет главную роль? И, как мы сказали, политика здесь — не только «политическая идеология», это — прежде всего государство. Речь здесь идет о материалистическом анализе форм, на этот раз о правово-политических формах. Проблема — трудная, и в настоящий момент мы ограничимся лишь не-

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 383 (примечание 89).

которыми пометками. В дальнейшем же мы вернемся к этому, когда рассмотрим, опираясь на другие тексты Маркса, специфику «экономического момента» в докапиталистических обществах. В самом деле, это вопрос, который следует разобрать вначале, чтобы иметь возможность анализировать специфические формы государства в этих самых обществах и понять «главную роль», которую играла политика в Афинах или Риме.

Руководством нам будут служить тексты из экономических рукописей 1857—1858 гг., в которых К. Маркс анализирует исторический генезис буржуазного общества и буржуазного государства, исходя из докапиталистических общественных форм. Основная идея выражена уже на первых страницах «Введения» («Из экономических рукописей 1857—1858 годов») [1]. Буржуазное общество характеризуется полным разложением общинных форм общественной жизни и связей личной зависимости, характерных для классовых докапиталистических обществ. Следовательно, это тем самым и коренное отделение пролетария от его объективных условий производства и воспроизводства. Пролетарий лично свободен, но он также сведен к состоянию «чистой субъективности». Однако это не означает, что индивид в буржуазном обществе — изолированная монада. Он «независим» в рамках полной взаимозависимости, которую он не контролирует. *Общественная связь* не исчезла; распалась общинная форма общественной связи. Исторические общественные отношения, напротив, весьма развиты. Они, пишет Маркс, приняли всеобщий характер, и в экономическом плане эта всеобщность—всемирный рынок. «Безразличие» этих независимых производителей, которые находятся в действительности во всеобщей экономической взаимозависимости, порождает фетишизацию и отчуждение общественной связи. Общественное отношение индивидов принимает вещную форму (фетишизм), которая доминирует над этими индивидами (отчуждение) [2]. И если формой общественной связи стали деньги, то формой общности, — которая до того обеспечивала собственность или владение непосредственного производителя, — стал капитал [3].

---

[1] См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 709—738.
[2] См. там же, т. 46, ч. I, с. 17—48.
[3] См. там же.

Этой экономической структуре буржуазного общества и вытекающим из нее отношениям индивидов (отчуждение и личная независимость) соответствует специфическая форма государства — современное представительное государство как иллюзорное сообщество граждан и реальный инструмент политического господства буржуазии [1].

При этой специфической политической форме социальное измерение жизни индивидов — это лишь внешнее средство на службе «частных» целей буржуазного индивида и экономической эксплуатации [2]. Напротив, для докапиталистических обществ, и в особенности для древнегреческого города-общины и афинской демократии, характерна совершенно иная экономическая структура и иная политическая форма [3]. Принадлежность определенного числа индивидов к реальной общине здесь продолжает существовать в исторически определенной форме. В той мере, в какой они принадлежат к этой общине, индивиды — собственники своей доли земли, которую она занимает. Они свободны в качестве собственников, и они — собственники в качестве членов общины. Те, кто не являются членами общины, порабощены (рабы) или остаются чужеземцами (метеки) и не могут владеть землей. Помимо и наряду с этой частной собственностью античное общество знает также государственную собственность (ager publicus), в которой это государство имеет свою форму экономического существования. Эта экономическая структура античного общества позволяет понять специфическую природу политической формы. Для свободных собственников — членов общины, город-община — не абстрактная иллюзорная политическая общность, подобно современному буржуазному государству. Они — равноправные граждане, располагающие в принципе одинаковым правом управлять городом-общиной, и они защищают его своим собственным оружием. Если пролетарий «не имеет отечества», потому что у него нет собственности, то древнегреческий гражданин, принадлежащий к классу мелких

---

[1] См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 62.

[2] См. там же, т. 12, с. 709—738.

[3] См. там же, т. 46, ч. I, с. 17—49 и далее, см. главу о докапиталистических формах собственности. См. также книгу Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 28).

крестьян, имеет совершенно реальное отечество. Защищая свой город-общину, он защищает свою экономическую независимость, основу своей свободы. Древнегреческий *гоплит* — это солдат-крестьянин, являющийся владельцем как военных доспехов, так и своей земли.

Эта общинная форма античного общества, основывающаяся на определенном развитии производительных сил и разделении труда в обществе, позволяет понять другие фундаментальные характерные черты. В этом обществе, основывающемся на земледелии, где торговый обмен еще не преобразил экономическую жизнь, цель деятельности людей еще лежит в воспроизводстве общинных условий существования, обеспечивающих крестьянам-гражданам владение их средствами производства и их свободу. Они производят, воюют или участвуют в жизни города-общины для воспроизводства материальных, социальных, политических условий этой независимости и этой свободы. Вот почему в Афинах и в Риме «политика» играла главную роль.

Но следует договориться о природе «политического фактора» в греческом «полисе» и римском «ситэ». «Ситэ» — это государственный организм, который уже возвышается над обществом и является орудием и объектом классовой борьбы (борьба между различными классами граждан, борьба между гражданами и рабами). Но сохранение общинной связи делает также из него «государство-общину», где органы власти, созданные обществом «с целью защиты его общих интересов» [1], еще принадлежат гражданам. Афинская демократия основывается, с одной стороны, на рабстве, а с другой — на сохранении общинной связи. То, что в данном случае называют «политическим фактором», может быть с таким же основанием названо «экономическим моментом», ибо античная община — это форма присвоения, отношение собственности. Напомним, что фундаментальным понятием исторического материализма является понятие общественного отношения. Человек — это прежде всего естественным образом общественное существо [2]. Он принадлежит к естественной общности, через посредство которой он ведет себя в качестве владельца по

---

[1] О понятии государства см.: Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 269—317).

[2] См. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 17—18.

отношению к своим объективным условиям производства. Античная община — это историческая форма, вышедшая из первобытной общины. Преобразуя свой способ производить, человек преобразует свои общественные отношения, создает историю, специфические, исторические формы общности [1].

Говорить вместе с Марксом, что «политика» играла в Афинах или в Риме главную роль, — это иной способ сказать, что эти общества еще основывались на организации общинного типа, которую полностью разложит лишь капитализм. «Политические» отношения здесь — это прежде всего отношения собственности, общественные производственные отношения, а «политическая» борьба между различными классами граждан всегда имела прямой «экономический» объект: это проблемы долгов и распределения земли.

Формулы Альтюссера и его последователей имеют одно достоинство: они обязывают нас осмысливать специфику общественно-политических форм докапиталистических обществ. Но это может быть сделано лишь исходя из идеи о том, что человек — это прежде всего общественное существо, и признавая за марксистским понятием общности (природной и исторической) фундаментальное значение, которое оно занимает в теории истории.

Формулы Л. Альтюссера побуждают нас также усвоить идею, что производство всегда социально обусловлено, а следовательно также обусловлено и политически, когда общественная связь принимает более или менее отчетливую политическую форму. Тем не менее остается уяснить два пункта, чтобы сделать понятной историческую диалектику.

Прежде всего, хотя и верно, что производство предполагает материальные и социальные (эвентуально политические) *предпосылки,* вначале данные природой, потом произведенные исторически, которые навязаны людям определенного общества и обусловливают их развитие, не менее верно и то, что, развивая свое материальное производство, свои способности или производительные силы, люди создают новые социальные отношения, основы новых политических и идеологических форм [2].

---

[1] См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 17—18.
[2] См. там же, т. 27, с. 402.

Вследствие чего следует сказать, что социальная, политическая и идеологическая обусловленность — каковы бы ни были ее исторические формы и даже, если она приводит к утверждению, что политика и идеология играют «главную роль», — не может поставить под сомнение преобладание процесса производства над историческим ходом, взятым в своей совокупности.

IV. РАССМОТРЕНИЕ ТЕКСТОВ. ТРЕТИЙ ТЕКСТ

А. СПЕЦИФИЧНОСТЬ ФЕОДАЛЬНОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ФОРМАЦИИ

Третий текст, часто приводимый сторонниками нового истолкования, взят из «Капитала». Нам следует привести его в полном виде. Это текст из раздела, посвященного отработочной ренте (барщине) и, следовательно, главным образом феодальному обществу. К. Маркс здесь пишет: «Далее, ясно, что во всех формах, при которых непосредственный работник остается «владельцем» средств производства и условий труда, необходимых для производства его средств существования, *отношение собственности должно в то же время выступать как непосредственное отношение господства и порабощения,* следовательно, непосредственный производитель — как несвободный; несвобода, которая от крепостничества с барщинным трудом может смягчаться до простого оброчного обязательства. Согласно предположению, непосредственный производитель владеет здесь своими собственными средствами производства, вещественными условиями труда, необходимыми для его существования; он самостоятельно ведет свое земледелие, как и связанную с ним сельско-домашнюю промышленность... *При таких условиях прибавочный труд для номинального земельного собственника можно выжать из них только внеэкономическим принуждением, какую бы форму ни принимало последнее* (курсив мой. — *Ж. Т.*)... Итак, необходимы отношения личной зависимости, личная несвобода в какой бы то ни было степени и прикрепление к земле в качестве придатка последней, крепостная зависимость в настоящем смысле этого слова...

Та специфическая экономическая форма, в которой неоплаченный прибавочный труд выкачивается из непосредственных производителей, определяет отношение господства и порабощения, каким оно вырастает непосредствен-

но из самого производства и, в свою очередь, оказывает на последнее определяющее обратное действие. А на этом основана вся структура экономического строя [Gemeinwesen], вырастающего из самих отношений производства, и вместе с тем его специфическая политическая структура. Непосредственное отношение собственников условий производства к непосредственным производителям — отношение, всякая данная форма которого каждый раз естественно соответствует определенной ступени развития способа труда, а потому и общественной производительной силе последнего, — вот в чем мы всегда раскрываем самую глубокую тайну, скрытую основу всего общественного строя, а следовательно, и политической формы отношений суверенитета и зависимости, короче, всякой данной специфической формы государства» [1].

Этот текст постоянно цитируется сторонниками Л. Альтюссера, зачастую в связи с предшествующим текстом [2]. Он интересует нас постольку, поскольку на него хотят опереться для модификации фундаментального принципа исторического материализма. Дело представляется так, будто рассмотрение докапиталистических общественных формаций должно вынудить нас к этой модификации формулировки. Преобладание «экономического момента» действительно якобы лишь для капиталистического общества. В других обществах будто бы «преобладают» политика, идеология или кровно-родственные связи. Но во всех случаях якобы «экономический момент» определяет ту из инстанций, которая преобладает в общественном целом. Капиталистическому обществу как раз свойственно, что в нем «детерминирующая в конечном счете инстанция» и «преобладающая инстанция» якобы совпадают. Структура «экономического момента» и его место в общественном целом таковы, что он определяет свое собственное «преобладание».

Чтобы рассеять всякую путаницу, я хочу предварительно сказать, что и здесь — как и в предшествующих текстах — теоретические усилия альтюссеровской школы, как мне кажется, отвечают реальным проблемам. Эта школа

---

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 353—354.

[2] См.: Poulantzas N. Op. cit., p. 22, 23, 25. Balibar E. Op. cit., p. 217—221. Здесь же Л. Альтюссер комментирует этот текст Маркса (см. с. 151—156).

имеет немалую заслугу в том, что привлекает внимание всех исследователей к этим проблемам. В самом деле, речь идет об осознании специфического характера докапиталистических обществ. Речь может идти о неклассовых обществах, где присвоение прибавочного общественного труда привилегированной группой не существует и где общество руководит самим собой, не создавая государства. Но может идти речь также — как в рассматриваемом тексте К. Маркса — об обществах, где существует эксплуатация человека человеком, извлечение прибавочного труда и, следовательно, политическое (государственное) принуждение, но где в противоположность буржуазному обществу, непосредственные производители не отделены от своих средств производства и существования, и товарные отношения, даже если они и существуют, еще не проникли в производственные отношения. Эти специфические черты докапиталистических обществ должны быть осмыслены, равно как должна быть осмыслена и специфика способа производства в каждом типе докапиталистического общества. Но вопрос состоит в том, должно ли это изучение специфики привести к изменению, предложенному альтюссеровской школой, общей теории исторического материализма, как она сформулирована Марксом. Я не сомневаюсь, что изучение специфики различных способов производства должно побудить нас обогатить наше понимание общего принципа исторического материализма, ликвидировать бесплодный схематизм, восстановить забытые фундаментальные понятия, покончить со всяким распространением на эти докапиталистические общества механизмов, которые функционируют лишь в буржуазном обществе. Но я не думаю, что необходимо изменить общую формулировку Маркса в направлении, предложенном альтюссеровской школой.

Для обоснования этого тезиса приведу аргумент общего значения. Когда в 1859 году К. Маркс резюмировал в Предисловии к книге «К критике политической экономии» общую теорию исторического материализма, он не игнорировал проблем, свойственных докапиталистическим или бесклассовым обществам.

Незадолго до того он закончил «Экономические рукописи 1857—1858 годов» (первоначальный вариант «Капитала»), где эти проблемы постоянно имеются в виду и где они систематически исследуются в главе о «формах, предшествующих капиталистическому производству». Можно

добавить, что формулировки 1859 года полностью воспроизводятся в 1867 году в «Капитале», где сравнительное исследование различных способов производства получило дальнейшее развитие. И особенно в том примечании I тома «Капитала», где Маркс отвечает на критику немецко-американской газеты, примечании, которое мы рассматривали выше. Это примечание ясно означает, что положение, сформулированное в Предисловии к книге «К критике политической экономии» в 1859 году, на которое ссылается сам Маркс, относится ко всем общественным формациям, идет ли речь о буржуазном обществе, где «господствуют материальные интересы», о средних веках, где «главенствовал католицизм», или об Афинах или Риме, где «главенствовала политика».

Трудность состоит для нас в том, что мы не понимаем как следует того, о чем говорит К. Маркс, когда он в качестве повсеместно применимого принципа выдвигает свой «взгляд» о том, что «определенный способ производства и соответствующие ему производственные отношения, одним словом — экономическая структура общества составляет реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания», что «способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще» [1]. И очевидно, мы не осмыслили как следует ни основные понятия, ни принцип, на основе которого они функционируют.

Прежде чем рассматривать третий текст, где много говорится о феодальном обществе, сделаем последнее замечание по поводу трудностей, с которыми встречаются некоторые сторонники Л. Альтюссера, когда при осмыслении феодального общества одновременно опираются на этот текст и на раннее рассмотренное примечание в I томе «Капитала».

Возьмем Н. Пулапцаса. Какова, согласно ему, общественная инстанция, которую «экономический момент», определяет как преобладающую в феодальном обществе? Результаты будут различными в соответствии с тем, опираться ли на примечание в «Капитале», где речь идет о «главенстве католицизма» в средние века, или, напротив,

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 92.

на главу, посвященную барщине и вытекающему из нее «внеэкономическому принуждению». Так, Н. Пулянцас пишет:

«Маркс указывает нам, как при феодальном способе производства преобладающую роль играет идеология — в ее религиозной форме, что строго обусловлено функционированием экономики в этом способе производства» [1].

Но он пишет также, явно имея в виду «внеэкономическое принуждение» из главы об отработочной ренте: «Политика в феодальном способе производства играет часто преобладающую роль...» [2] (Можно полагать, что наречие «часто» выражает некоторую растерянность самого автора.)

Но вернемся к самому тексту К. Маркса и попытаемся его проанализировать для того, чтобы выяснить, с одной стороны, то, что он раскрывает в специфике докапиталистических классовых обществ, с другой — в чем эта специфика подтверждает всеобщее значение тезиса исторического материализма.

Две черты характеризуют капиталистический способ производства, которые не встречаются в предшествующих классовых обществах. В самом деле, с одной стороны, в капиталистическом способе производства непосредственные производители — пролетарии — радикально отделены от средств производства и существования, а с другой стороны, товарный обмен проник настолько в процесс производства, что сама рабочая сила стала товаром, который продают и покупают. Заработная плата является ценой за эту рабочую силу и, следовательно, специфической экономической формой, через посредство которой класс капиталистов извлекает прибавочный труд, создаваемый пролетариатом. Деньги, получаемые «в обмен», позволяют пролетарию получить доступ к средствам существования, необходимым для воспроизводства своей рабочей силы. Это радикальное отделение непосредственного производителя от объективных условий производства (предметов и средств труда) и своего собственного воспроизводства (средств существования) создает полную экономическую зависимость пролетариата от класса капиталистов. Это то, что К. Маркс называл «наемным рабством». Когда это общественное отношение производства, свойственное капи-

[1] Poulantzas N. Op. cit., p. 9.
[2] Ibid.

талистическому способу производства и *обмена,* получило достаточное распространение и «консолидировалось» путем воспроизводства, в применении прямого насилия для извлечения прибавочного труда более нет необходимости (когда все идет «нормально»). Пролетарий — зависимый экономически и зависимый всецело — лично свободен. Он не является собственностью хозяина как средство производства, как это было во времена античного рабства. Он не «подданный» деспота-принца, как при азиатском способе производства. Он не прикреплен к земле и не «человек» сеньора, как в феодальном обществе. Это — свободная личность, владелец своей рабочей силы. Его отношение к собственнику средств производства не является «непосредственным», а опосредовано такой «общественной вещью», как деньги, и он вступает с ним в «свободное» соглашение. Короче, капиталистический способ производства и обмена означает общественные отношения в производстве, при которых извлечение прибавочной стоимости осуществляется без прямого внеэкономического принуждения. Капиталистическая заработная плата, специфическая форма извлечения прибавочного труда основывается на коренном отделении рабочей силы от ее объективных условий проявления (средства производства и существования), а также на превращении рабочей силы в товар. Это отчуждение общественных отношений и эта полная экономическая зависимость предполагают и производят отмену связей личной зависимости. Пролетарий—свободная личность, сведенная к «чистой субъективности», то есть «наемный раб». Такова *основа* буржуазного общества, *экономическая структура* буржуазного общества, общественные отношения в производстве, которые *вытекают* из возникновения и развития капиталистического способа производства и обмена. На этой специфической основе воздвигается специфическая правово-политическая надстройка. Принцип буржуазного права — не «привилегия», а «равенство» и «свобода»: свобода личностей, основанная на частной собственности, и юридическое равенство перед законом этих личностей, освобожденных от пут феодальной зависимости. Что касается государственной диктатуры буржуазии, то она в буржуазном обществе принимает форму современного представительного государства, в котором все индивиды «гражданского общества», каков бы ни был их экономический статус, являются гражданами, полити-

ческие права которых равны. Как известно, уже с 1843 года, еще до анализа экономических корней свойственной буржуазному обществу «анатомии», Маркс предпринял анализ буржуазного права и современного представительного государства.

По правде сказать, в рассматриваемом нами тексте нет речи о буржуазной общественной формации, но, однако, из нее следует исходить, чтобы понять докапиталистические общественные формации, и в особенности феодальное общество.

Что характеризует экономическую формацию, экономическую структуру феодального общества? Это специфическая экономическая форма извлечения прибавочного труда. В чем состоит специфика феодальной ренты? Что отличает ее от заработной платы, которая является капиталистической экономической формой извлечения прибавочного труда? *Принудительный* труд пролетария, его экономическая эксплуатация, присвоение его прибавочного труда не требуют, при обычном ходе вещей, прямого вмешательства внеэкономического принуждения в экономические отношения. «Деспотизм капиталиста над работником», как говорит Маркс, обеспечивается «глухим давлением экономических отношений». При «обычном ходе вещей» буржуазному государству достаточно стоять на страже и политически обеспечивать буржуазный экономический порядок; труженик может быть предоставлен действию «естественных законов» общества, то есть оставаться в зависимости по отношению к капиталу [1].

Феодальная рента, как экономическая форма извлечения прибавочного труда, означает, напротив, постоянное наличие внеэкономического принуждения в экономических отношениях эксплуатации. Принуждение, которое обеспечивает извлечение капиталистической прибавочной стоимости, является, можно сказать, «чисто экономическим» с тех пор, как капиталистические производственные отношения «консолидированы». Феодальные производственные отношения означают, напротив, прямое и постоянное «внеэкономическое принуждение» в «экономических» отношениях для того, чтобы обеспечить извлечение прибавочного труда.

В чем основа таких специфических экономических форм извлечения прибавочного труда, как «феодальная

[1] См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 172—178.

рента» и капиталистическая заработная плата? Эта основа лежит в природе реальных отношений собственности, которые являются базисом «экономического строя» и вообще всего общественного здания. Пролетарий радикально отделен от средств производства и существования, без которых он не может ни «реализовать» свой труд, ни воспроизвести свою рабочую силу. Для того чтобы трудиться и жить, он «экономически» принужден заключить «свободное» соглашение с частным владельцем средств производства и существования. Это отношение «опосредовано» деньгами. Пролетарий может и должен быть лично свободным, потому что полностью зависим экономически. Буржуазные отношения собственности и обмена означают наличие отношения личной свободы в самой сердцевине отношений экономической эксплуатации. Крепостной или оброчный крестьянин, напротив, не отделен от средств производства и существования. Он, следовательно, «экономически» автономен. Он обрабатывает свое поле и практикует связанные с ним домашние ремесла. В этих условиях реального владения извлечение прибавочного труда требует его зависимости, его личной несвободы и, следовательно, внеэкономического принуждения, заставляющего его работать на сеньора. Крепостное отношение вписано в реальные отношения собственности, то есть в неотделенность производителя от объективных условий производства и воспроизводства. Его отношение к сеньору не опосредовано деньгами; это отношение непосредственного принуждения, непосредственного господства и закрепощения.

Таким образом, мы в состоянии понять экономическую структуру феодального общества, классового общества, где господствует эксплуатация человека человеком. Это — «экономический строй», основой которого служит экономическая форма извлечения прибавочного труда, по необходимости предполагающая внеэкономическое принуждение. А сама эта специфическая форма является результатом реальных отношений собственности (неотделенность непосредственного производителя от его средств производства и существования), равно как и отсутствия господства отношений товарного обмена над производством.

Этой специфической экономической основе соответствуют специфические юридические и политические структуры, которые выражают и освящают эту основу. Принципом феодального права является привилегия. Все общест-

венные отношения характеризуются наличием иерархического порядка. Это же относится и к феодальной форме политической власти. Этот же самый принцип выражается и в религиозной идеологии. Следовательно, ни идеологическая, ни политическая «инстанция» не преобладает над «экономическим моментом». В этой общественной формации, как и во всех других, правово-политические и идеологические отношения выражают экономическую основу. К. Маркс говорит об этом совершенно ясно в разделе «Капитала», посвященном товарному фетишизму. «Но оставим светлый остров Робинзона и перенесемся в мрачное европейское средневековье. Вместо нашего независимого человека мы находим здесь людей, которые все зависимы, — крепостные и феодалы, вассалы и сюзерены, миряне и попы. Личная зависимость характеризует тут как *общественные отношения материального производства,* так и основанные на нем сферы жизни» (курсив мой. — *Ж. Т.*) [1].

Но если говорить о политике, то комментируемый текст не менее ясен. «Отношение господства и порабощения» *вырастает непосредственно из самого производства;* оно обусловлено специфической экономической формой извлечения прибавочного труда. А на этой специфической форме «основана вся структура экономического строя, вырастающего из самих отношений производства, *и вместе с тем его специфическая политическая структура»* (курсив мой. — *Ж. Т.*). В докапиталистических обществах, учитывая неотделенность непосредственного производителя от его средств производства и существования, отношение между тружеником и юридическим владельцем является «непосредственным» отношением, не опосредованным деньгами и, следовательно, не «чисто экономическим». Реальное отношение собственности (неотделенность) должно в то же время выступать как непосредственное отношение господства и порабощения. Необходимо внеэкономическое принуждение. И, таким образом, именно в этом «непосредственном отношении» господства и порабощения, которое вытекает из экономической формы извлечения прибавочного труда, свойственной всем классовым докапиталистическим формациям, следует искать «самую глубокую тайну, скрытую основу всего общественного строя, *а следовательно, и политической формы отношений суверенитета и зависимости,*

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 87.

короче, всякой данной специфической формы государства»[1] (курсив мой. — *Ж. Т.*). Но если специфичность экономических форм извлечения прибавочного труда — с непосредственным внеэкономическим принуждением или без него — вытекает из реальных отношений собственности, отделенности или неотделенности непосредственного производителя от непосредственных условий производства и воспроизводства, то встает последний вопрос: что же определяет в конечном счете реальные отношения собственности?

Б. МАРКСИСТСКАЯ ТЕОРИЯ ФОРМ СОБСТВЕННОСТИ

Для того чтобы ответить на этот вопрос полностью, необходимо систематически изложить теорию собственности исторического материализма. Мы ограничимся изложением общего принципа.

К. Маркс формулирует его во втором абзаце комментируемого нами текста, когда уточняет, что всякая данная форма непосредственного отношения собственника условий производства к непосредственным производителям «естественно соответствует определенной ступени развития способа труда, а потому и общественной производительной силе последнего»... Реальные отношения собственности в конечном счете определяются производственным «поведением» индивидов определенного человеческого общества, их способом производить, приспосабливать посредством труда природные вещи к человеческим потребностям. Манера производить, способ материального производства, способ приспособления природы к человеческим потребностям определяют в конечном счете реальные отношения собственности[2]. Иначе говоря, в конечном счете формы собственности определяются степенью развития производительных сил общественного труда. И эта степень развития производительных способностей определенного человеческого общества измеряется природой и сложностью разделения труда в обществе, которое является их выражением и условием[3]. Эта производительность труда общества всегда социально обусловлена, иначе говоря, она развивается более или менее в рамках реальных отношений

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 354.
[2] См. там же, т. 46, ч. I, с. 17—48.
[3] См. там же, т. 3, с. 15—78.

собственности, общественных отношений производства, но «факторами, одерживающими верх», которые доминируют *и* в конечном счете определяют формы собственности, являются способ материального производства, природа и степень развития общественных производительных сил. Если обратиться к 7 разделу XXIV главы «Капитала», озаглавленному «Историческая тенденция капиталистического накопления» [1], то там можно найти краткую историю собственности от эпохи первобытного общества. Разложение первобытной общинной собственности имеет своим источником развитие производительных сил и разделение труда в обществе. Оно освобождает практическую энергию индивидов. «Частная собственность, как противоположность общественной, коллективной собственности» имеет две основные формы: форму, основывающуюся на личном труде непосредственного производителя (свободного или несвободного), и капиталистическую собственность, основывающуюся на труде других и предполагающую экспроприацию непосредственных производителей.

Частная собственность, основывающаяся на собственном труде, есть следствие мелкого производства — сельскохозяйственного или ремеслепного. «Правда, этот *способ производства* встречается и при рабовладельческом, и при крепостническом строе, и при других формах личной зависимости. Однако он достигает полного расцвета, проявляет всю свою энергию, приобретает адекватную классическую форму лишь там, где работпик является свободным частным собственником своих, им самим применяемых условий труда...

Но на известном уровне развития он (этот способ производства, предполагающий раздробление земли и остальных средств производства. — *Ж. Т.)* сам создает *материальные средства* для своего уничтожения. С этого момента в недрах общества начинают шевелиться силы и страсти, которые чувствуют себя скованными этим способом производства. Последний должен быть уничтожен, и он уничтожается. Уничтожение его... — эта ужасная и тяжелая экспроприация народной массы (непосредственных производителей. — *Ж. Т.*)... Она включает в себя целый ряд насильственных методов». Устанавливается частная капиталистическая собственность, открывающая путь бурному

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 770—773.

развитию общественных производительных сил труда и концентрации этой собственности.

Однако «монополия капитала становится оковами того *способа производства,* который вырос при ней и под ней. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют». Происходит «превращение капиталистической частной собственности, фактически уже основывающейся на *общественном процессе производства,* в общественную собственность» (курсив мой. — *Ж. Т.*) [1]. Я подчеркнул в этой цитате те места, где Маркс использует выражение «способ производства» в узком смысле «производительных сил общественного труда». В «Немецкой идеологии» и в письме к Анненкову от 28 декабря 1846 года Маркс использует это выражение именно в таком узком значении. Способ материального производства обусловливает форму общественных отношений. Известно, что Маркс использует также выражение «общественный способ производства» для обозначения реализованного в определенной общественной формации единства производительных сил и производственных отношений. Но это более позднее употребление нисколько не устраняет первого. В «Капитале» Маркс постоянно использует это выражение в обоих смыслах, как это особенно хорошо видно в четвертом отделе первого тома «Капитала», посвященном «производству относительной прибавочной стоимости» [2], или в неопубликованной главе «Капитала», где Маркс исследует «формальное и реальное подчинение труда капиталу» и то, что он называет «специфически капиталистическим способом производства», то есть крупную промышленность [3].

Использование выражения в узком значении не является ни случайным, ни неожиданным. Оно является постоянным и имеет большое теоретическое значение, которое мы разовьем в разделе данной работы, посвященном *внутренней диалектике общественного способа матери-*

---

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 771—773.
[2] См. там же, с. 322—515.
[3] См. там же, т. 49, с. 91—92.

ального производства. Единство производительных сил общественного труда (способ производства в узком смысле) и общественных производственных отношений также осмысливается в виде понятия «экономическая формация (или структура) общества».

Так, говоря об общественном процессе капиталистического производства, К. Маркс пишет:

«Мы видели, что капиталистический процесс производства есть исторически определенная форма общественного процесса производства вообще. Этот последний есть одновременно и процесс производства материальных условий существования человеческой жизни и протекающий в специфических историко-экономических отношениях производства процесс производства и воспроизводства самих производственных отношений, а тем самым и носителей этого процесса, материальных условий их существования и взаимных их отношений, то есть определенной общественно-экономической формы последних. Ибо совокупность этих отношений, в которых носители этого производства находятся к природе и друг к другу и при которых они производят,—эта совокупность как раз и есть общество, рассматриваемое с точки зрения его экономической структуры. Капиталистический процесс производства, подобно всем его предшественникам, протекает в определенных материальных условиях, являющихся, однако, в то же время носителями определенных общественных отношений, в которые вступают индивидуумы в процессе воспроизводства. Как те условия, так и эти отношения являются, с одной стороны, предпосылками, с другой — результатами и продуктами капиталистического процесса производства; они производятся и воспроизводятся последним» [1].

В том примечании, в котором К. Маркс отвечает немецко-американской газете [2], он различает прежде всего способ производства и общественные производственные отношения, вторые при этом вытекают из первого; затем он осмысливает их единство в виде понятия «экономической структуры общества» как действительной основы всего здания определенной общественной формации. Таким образом, единство «производительных сил» (способа производства в узком смысле) и общественных производствен-

---

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 385.

[2] См. там же, т. 23, с. 92.

ных отношений осмысливается *одновременно* с их различием *и общей* подчиненностью производственных отношений производительным силам. Ибо речь идет об осмыслении *процесса развития* определенной органической целостности, в которой социальные формы обусловливают развитие материального производства, но где это последнее в конечном счете является «моментом, который преобладает». И в этом смысле оно является носителем социальных форм. Такой тип развития подтверждается при изучении всей истории определенной общественной формации, капитализма например; если только не рассматривать лишь его первый период (когда производственные отношения являются «формами развития» производительных сил), чтобы иметь возможность приписать всю активность или преимущественную активность производственным отношениям!

Как же тогда объяснить специфические производственные отношения государственно-монополистического капитализма *как общественную капиталистическую собственность,* если не выводить их из обобществления производства и концентрации средств производства? [1] И в особенности не следует забывать, что общий принцип исторического материализма применяется не к *одной* экономической формации, а к их последовательному ряду и их связи. Процесс развития здесь — это история человечества, и мы видели, изучая историю форм собственности, что, хотя в ходе этого процесса социальные формы и влияют на развитие производительных сил, эти последние в конечном счете являются моментом, который преобладает. Это преобладание в целом над всем совокупным процессом и имеет в виду К. Маркс, когда, установив связь базиса и надстройки в определенной формации, добавляет: «способ производства материальной жизни обусловливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще» [2].

Человек — общественное и производящее животное. Производя свое собственное существование и преобразуя свой способ производить его, человек преобразует самого себя, то есть производит общественные отношения, являю-

---

[1] См.: Государственно-монополистический капитализм. М., «Прогресс», 1973.

[2] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 92.

щиеся уже не естественно данными, а историческими результатами [1]. Развивая свои производительные силы и преобразуя свои общественные отношения, человек изменяет свои отношения к обществу, он производит себя в качестве социально и материально обусловленного исторического индивида. Понятия органической целостности, исторического процесса и производства как самопроизводства или преобразования самого себя, — следовательно, фундаментальные понятия исторического материализма. Понятие органической целостности позволяет мыслить общественную обусловленность производства. Но это органическое целое преобразуется, оно — процесс развития, и двигатель этого преобразования, этой истории в конечном счете — развитие производства [2].

Марксистское понятие целостности характеризует не только взаимосвязь и взаимообусловленность *различных* моментов (органичность), но также и то, что один из моментов преобладает: развитие материального производства обусловливает процесс развития целостности и, следовательно, «социальный, политический и духовный процессы жизни вообще».

V. ЧТО ТАКОЕ «ЭКОНОМИЧЕСКИЙ МОМЕНТ»?

Исходя из этого, мы можем приступить к рассмотрению трудного вопроса об определении «экономического момента» в историческом материализме. Этот вопрос стоит в центре наших споров, и мы видим, как он постоянно всплывает в многообразных формах. Что такое «экономический момент» в первобытном обществе, где общественные отношения естественны или едва лишь исторически преобразованы? Что такое «экономический момент» в докапиталистических классовых обществах, где неотделенность непосредственного производителя от его средств производства и существования и преобладание потребительной стоимости обусловливают «экономические формы» извлечения прибавочного труда, которые предполагают «внеэкономическое» принуждение? Что такое «экономический момент» в капиталистическом обществе, где доминирует меновая стоимость, где пролетарий, сведенный к

[1] См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 461—508.
[2] См. там же, т. 12, с. 609—738.

своей «чистой субъективности», стоит перед отделенными от него средствами производства и существования, ставшими капиталом, стоимостью, «производящей» стоимость, где он сам становится товаром и где извлечение прибавочного труда происходит в «экономической форме» без «внеэкономического принуждения»? Что такое «экономический момент» в коммунистическом обществе, где классы, государство, эксплуатация человека человеком исчезли, где свободно объединившиеся производители сообща и индивидуально владеют своими средствами производства и развивают себя в качестве «свободных индивидуумов», где их труд и его общественный характер не облечены в форму «вещи», которая господствует над ними (деньги), где объективные условия и продукт их труда более не облечены в форму капитала? Вообще, что такое «экономистское» искажение марксизма как общей теории истории и теории специфических общественных формаций, так же как теории и практики революции, науки о политике?

Будем надеяться, что наш предшествующий анализ и сам способ постановки этих вопросов позволят нам дать синтетический ответ.

В самом деле, бросается в глаза, что «экономический момент» имеет по крайней мере два значения, которые следует различать, чтобы затем иметь возможность их сочленить. В строгом смысле слова понятие «экономический момент» применимо лишь к обществам, в которых товарный обмен и стоимость пронизывают все общественные производственные отношения, где, следовательно, отношения агентов производства с их объективными условиями и между собой устанавливаются через посредство определенной «общественной вещи» (автономизированная стоимость, деньги). В этих обществах автономный и отчужденный процесс общественного производства господствует над общественными производителями как чуждый и слепой автоматизм. Извлечение прибавочной стоимости и обращение капитала происходят чисто «экономическим» способом, потому что общественные отношения и общественное богатство «отчуждены», «овеществлены». На базе этого экономического отчуждения возникает «личная свобода», уничтожаются связи личной зависимости.

Но Маркс осуществляет *критику* буржуазной политической экономии именно в качестве теории отчужденного общественного богатства, которая игнорирует историче-

ский характер этого экономического отчуждения. Деньги, капитал — не вещи, а *специфические* общественные отношения людей между собой и с природой. Эта *специфичность* состоит в фетишизации и отчуждении этих общественных отношений. Ее источник — в исторически обусловленной природе этих общественных отношений производства, а не в *общественной* природе человека. «Свободный индивид» буржуазного общества — историческая форма индивидуальности, порожденная этими самыми общественными отношениями.

«Экономический момент» капиталистического общества имеет, следовательно, историческую специфику, которую нельзя найти ни при коммунизме, ни в докапиталистических обществах.

«Экономический момент» докапиталистических классовых обществ также имеет свою специфику. Отношение непосредственных производителей к своим средствам производства здесь таково, что извлечение прибавочного труда заключает в себе отношение господства и порабощения (рабство, крепостничество), которое можно найти на всех уровнях общественного здания. Но что это за отношение? Это отношение присвоения, которое распространяется не на природу и животных, а на самих непосредственных производителей. Работники поставлены на тот же уровень, что и материальные средства производства. Отношение господства и порабощения — это отношение собственности, которое направлено не на вещи и животных, *не имеющих воли*, а на людей [1].

Равным образом существует — наверное, об этом следует сказать — экономическая эксплуатация лишь человека человеком. Лошадь производит больше, чем потребляет (иначе ее незачем было бы одомашнивать), но она не «эксплуатируется», ибо у нее нет воли, она — не человек. Отношение господства и порабощения — это отношение собственности человека на человека, которое связано с неотделенностью непосредственного производителя от объективных условий своего труда и своей жизни и предполагает грубое и/или законное применение насилия. Но что такое насилие? Это «экономическая сила», говорят Маркс и Энгельс, и притом в двух значениях. С одной стороны, потому что ее вмешательство устанавливает определенные отноше-

[1] См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 486.

ния собственности, в данном случае отношения рабства и крепостничества. С другой стороны, потому что монополия на вооруженную силу предполагает разделение труда в обществе и определенное развитие индустрии [1]. При желании ее можно назвать «политикой», потому что речь идет об управлении человека другим человеком. Но при этом следует видеть, что эта «политика» — не только надстройка, но прежде всего общественное отношение производства, отношение собственности, которое получит выражение затем также в собственно политической форме на надстроечном уровне (деспотическое, античное, феодальное государство). Следует также видеть, что так называемое «политическое» соотношение сил — это *общественное отношение* людей между собой, обусловленное их способом производить. В той мере, в какой оно органически связано с производством, отношение рабства — это общественное экономическое отношение, то есть общественное производственное отношение. Поскольку же речь идет о классовом обществе, оно проявится «поверх» экономической структуры общества как собственно «политическое» отношение, как правово-политическая надстройка, как специфически обусловленное государство. Силовое отношение является повсеместным; оно называется «политическим» в строгом смысле лишь на уровне государства как организма, который «доминирует» над социально-экономическими отношениями. Сама «политика» в строгом смысле — это лишь специфическая форма, которую принимает общественная связь в классовом обществе. Как и деньги—это специфическая форма общественной связи в товарном обществе независимых производителей. В классовых докапиталистических обществах, где товарно-денежные отношения не «доминируют» и где, ввиду определенного развития производительных сил, непосредственный производитель не отделен от средств производства, общественные отношения производства несут в себе «внеэкономическое» принуждение, то есть прямое, непосредственное принуждение. В самом деле, извлечение прибавочного труда означает присвоение самих непосредственных производителей, а людей, то есть существ, обладающих волей, нельзя присвоить без их завоевания как завоевывается терри-

[1] См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 508. См. также «Капитал», раздел «Историческая тенденция капиталистического накопления», и «Анти-Дюринг».

тория и без постоянного принуждения с помощью силы.

Скажем несколько слов о специфичности «экономического момента» в первобытной, «архаической» общественной формации. Товарный обмен и «политика» здесь не существуют, разве что при случайных сношениях общины с общиной. Материальные условия производства, как и его социальные условия здесь даны заранее, являются природными. Они не произведены или лишь едва преобразованы индивидами-производителями, которые как бы слиты с их условиями производства, поскольку они слиты с их природным сообществом (общинно-племенная собственность). «Экономический момент», то есть общественные отношения производства, не проявляется здесь ни в качестве автономного движения стоимости, ни в виде отношения господства личности над личностью. Это природные отношения, не преобразованные или едва преобразованные исторической деятельностью людей, это, следовательно, отношения родства, социально кодифицированные половые и кровные связи. Когда Маркс и Энгельс говорят, что кровно-родственные связи «преобладают» в этих обществах, то они просто выражают идею, что общественная связь — сначала природная, прежде чем быть преобразованной и произведенной историей, и даже будучи уже преобразованной, природная форма общественной связи продолжает играть важную роль[1]. Но какова «причина» их преобразования и подчинения исторически произведенным общественным отношениям? Это — развитие производительных сил общественного труда.

Следовательно, из этого видно, каково второе значение понятия «экономический момент», применимое ко всем общественным формациям, в том числе к капитализму. Индивиды производят в обществе: материальное производство этих индивидов, следовательно, социально обусловлено. Отправная точка истории, то есть *предпосылки* развития материального производства и соответствующих ему социальных отношений — сначала природные данные, не преобразованные человеком, это объективные данные: природа как неорганическое тело человека; это субъ-

---

[1] См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 250—251, а также работу Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», предисловие к первому изданию 1884 г.

ективные данные: производительная сила, сама еще природная; и это общественные данные: природная общность, с которой сливается индивид, где он биологически воспроизводит себя, и через посредство которой он, трудясь, присваивает природу.

Будучи сначала *предпосылками* производства, эти материальные и социальные условия станут его *результатами*. Так начинается *история* производительных сил человека, история его социальных отношений и, следовательно, история социо-исторических форм индивидуальности. «Экономический момент» в обществе (или экономическая формация общества) — это, следовательно, в широком смысле, совокупность социальных отношений людей между собой и с природой; они являются «экономическими» в том отношении, что они обусловливают производство и преобразуются вместе с ним. Говорить об экономических основах общества и их преобразовании — «это значит говорить, что жизнь человека всегда основывалась d'une maniere ou d'une autre (так или иначе) на производстве, на *общественном* производстве, отношения которого нами обозначались как экономические отношения» [1]. Поскольку всякое производство является присвоением, то эти общественные отношения производства суть отношения собственности (какова бы ни была их историческая форма), которые в конечном счете зависят от исторического развития производства. Собственность, говорит К. Маркс, это в действительности лишь отношение самого производства к распределению орудий производства.

Эти орудия — предмет и средства труда, средства существования, а в классовых докапиталистических обществах — это сами непосредственные производители, которых — более или менее — присваивают господа, обращаясь с ними как с объективными условиями производства.

Если же понятие «экономический момент» брать в специфическом значении производственных *капиталистических* отношений, опосредованных автономизированной стоимостью, — что делает Прудон, — то тогда, действительно, можно говорить относительно всех докапиталистических обществ *о внеэкономическом происхождении* собственности. Этим обозначается «добуржуазное отношение

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 476.

индивида к объективным условиям труда», его слияние — принимающее исторически дифференцированные формы — с этими объективными условиями. Это слияние нет необходимости объяснять исторически: оно — естественный отправной пункт. Должно быть объяснено капиталистическое отделение пролетария от его условий труда. Но оно не объясняется простой игрой законов товарного обмена, следовательно, «экономическими» причинами в буржуазном смысле термина. Оно объясняется историческим развитием производства и разделения труда в обществе — товарный обмен является лишь их следствием — и ролью насилия, грубой и/или узаконенной силы. Поэтому Маркс мог ответить Прудону: «Бравый Прудон не только мог бы, но и должен был бы с таким же правом обвинить во *внеэкономическом происхождении* капитал и наемный труд как формы собственности» [1].

Без сомнения, капиталистические производственные отношения воспроизводятся на расширенной основе, как только они устанавливаются. Но для того чтобы осуществился обмен между стоимостью и живым трудом, чтобы капитал присваивал себе прибавочный труд пролетария «не непосредственно, а путем обмена», чтобы капитал и наемный труд воспроизводили затем их отношение на расширенной основе и с помощью лишь игры законов капиталистического товарного производства, необходимо, чтобы предварительно и по крайней мере частично установились капиталистические отношения. Установление этих отношений — результат *исторического* процесса.

Поэтому Маркс отвечает Прудону: *«Внеэкономическое происхождение* собственности означает не что иное, как *историческое происхождение* буржуазной экономики». Марксистское понятие *социальной истории* — это ключевое понятие исторического материализма; понятие «экономики» в капиталистическом обществе лишь преходящий момент истории человечества. Эта история является «экономической» в широком значении термина потому, что это — прежде всего история развития материального производства и преобразования вытекающих из него *общественных* отношений. Основа всех *общественных* отношений в определенную эпоху лежит в экономических отношениях, то есть в *общественных* отношениях произ-

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 477.

водства. Политическое (государственное) принуждение — лишь специфическая и обособившаяся форма, которую принимают общественные отношения на базе антагонистических отношений собственности.

Все человеческие общества имеют, следовательно, экономическую основу в широком значении термина, иначе говоря, общественные отношения, которые завязываются между участниками производства. В антагонистических обществах, где один общественный класс присваивает прибавочный труд, с применением внеэкономического принуждения или без него, социально-экономические отношения всегда заключают в себе политические (государственные) отношения принуждения. В соответствии с природой действительных отношений собственности (азиатская, античная, германская, капиталистическая форма) экономическое господство одного класса над другим по необходимости принимает здесь государственную форму, имеющую свою специфику (восточный деспотизм, античный город, феодализм, современное представительное государство).

Мы вернемся в специальной главе к этим специфическим формам государства, которым К. Маркс посвящает много внимания. Ограничимся здесь тем, что подчеркнем, с одной стороны, то, что комментируемый нами текст в этом отношении представляет большую ценность, поскольку ясно формулирует методологический принцип анализа специфических собственно политических (государственных) форм, которые принимает общественная связь в различных общественных формациях, а с другой стороны, то, что Маркс рассматривал этот анализ как наиболее трудный. Сообщая в одном из своих писем о предстоящем выходе в свет 1 тома «Капитала», Маркс писал: развитие того, что последует, может быть легко осуществлено другими, за исключением, возможно, отношений между различными формами государства и различными экономическими структурами.

VI. ОТНОШЕНИЕ МЕЖДУ «ЭКОНОМИЧЕСКИМ МОМЕНТОМ» И ЮРИДИЧЕСКО-ПОЛИТИЧЕСКИМ ФАКТОРОМ

Можем ли мы теперь считать, что проблемы, поднятые комментаторами Маркса — Альтюссером и его сторонниками, — проблемы, относящиеся к специфике «экономического момента» в докапиталистических формациях, совершенно выяснены? Наверное, не совсем. Без сомнения, мы

показали, что различие и отношение зависимости между экономическим базисом и правово-политической надстройкой, которое формулирует исторический материализм в качестве общей теории социальной истории, применимо также и к этим классовым докапиталистическим обществам. Несомненно, мы показали, что рабство или крепостничество являются общественными отношениями производства, отношениями собственности до того, как быть правово-политическими надстройками. Но мы также уточнили, что хотя крепостничество и рабство и предполагают неотделенность непосредственного производителя от его средств производства и существования и, следовательно, определенное развитие производительных сил общественного труда, они содержат также в себе весьма специальную форму собственности: присвоение — более или менее полное — непосредственных производителей другими людьми, которые обращаются с ними как с простыми объективными условиями своего собственного воспроизводства. Это весьма специальное присвоение не может производиться без прямого насилия. Личная зависимость, отношение господства и порабощения, вытекает из внеэкономического принуждения одной личностью других.

Не должно ли это привести нас к признанию, что альтюссеровская школа вправе считать, что в феодальных обществах, например, «политический момент» так детерминирован «экономическим», что он преобладает над ним самим; или что когда историк этих обществ ищет «экономический момент», то он в конечном счете находит его в «политическом моменте»; или что правово-политический момент находится не только «над» экопомической структурой, но также и в самом «экономическом моменте», и что, наконец, в зависимости от экономических формаций «экономический момент» и «политический момент» сочленяются по-разному?

Признаем прежде всего, что все эти формулировки отвечают реальным проблемам и что если их рассматривать как «манеру говорить» — а это бывает у разных авторов, занимающихся эмпирическими исследованиями, — как «указатели» на реальные отношения, которые необходимо осмыслить, то было бы педантизмом обсуждать их всякий раз, когда они выходят из-под пера. Но известно, что язык является носителем понятий и теорий, и, следовательно, эти самые «манеры говорить» могут быть, и бывают у

иных авторов, выражением новой концепции истории или нового истолкования исторического материализма. Очевидно, это как раз относится к такому мыслителю, как Л. Альтюссер.

Впрочем, мы сказали, что его теоретические изыскания стимулируют и заслуживают систематического обсуждения, ибо они отвечают реальным проблемам. Единственный метод обсуждения состоит, следовательно, в выяснении реальности этих проблем, с тем, чтобы предложить их иное решение.

Рассмотрим, стало быть, эти различные формулировки, оставив на конец рассмотрение первой формулировки.

А) Когда нам говорят, что историк-медиевист, ищущий «экономический момент», в конечном итоге находит его в «политическом моменте», то этим считают возможным доказать, в противовес «экономизму» и «эмпиризму», что «экономический момент» не обладает неизменной сущностью и надо, следовательно, предварительно «построить» его понятие для того, чтобы иметь возможность его найти. С нашей стороны мы, полагаем, показали:

1) *Специфичность* «экономического момента» в различных общественных формациях действительно существует. В архаических экономических формациях общественные отношения — сначала природные или лишь едва преобразованные человеком. Общественные отношения производства — это, следовательно, кровно-родственные связи. В классовых докапиталистических формациях извлечение прибавочного труда предполагает присвоение господами непосредственных производителей и, следовательно, отношения господства и порабощения. В капиталистическом обществе общественная связь и объективные условия производства становятся деньгами и капиталом, это фетишизированное отчуждение и специфицирует здесь «экономический момент».

Что касается «экономического момента» в коммунистическом обществе, то его специфицирует господство свободно ассоциированных производителей над своим собственным общественным процессом: это — конец предыстории человечества, *человеческое* общество.

2) Эта специфичность не устраняет общей сущности «экономического момента» во всех обществах. Нет общественной жизни без производства, а всякое производство предполагает и порождает отношения собственности, ка-

кова бы ни была их историческая форма. Родственные отношения, отношения господства и порабощения, личная свобода и экономическая зависимость пролетария по отношению к капиталисту, добровольная ассоциация свободных индивидуумов в коммунистическом обществе — это исторические отношения между индивидами, являющиеся также отношениями собственности.

Б) Посмотрим теперь, каким образом можно оценить идею специфического «сочленения» «экономического момента» и «политического момента» (или всякого другого момента) в соответствии с общественными формациями. Идея — интересна. Еще в 1843 году К. Маркс показал различие между феодальным и буржуазным обществами. Скажем сразу, что природа отношений феодальной собственности порождает специфические политические формы, которые оригинальным способом «сочленяются» с экономическими отношениями. Историки — и К. Маркс — говорят об обществе, состоящем из «сословий». Либеральное капиталистическое общество основано на свободе независимых собственников — собственников небольших средств производства, собственников крупных средств производства, экспроприированных «собственников» — «хозяев» лишь собственной рабочей силы.

Эта буржуазная форма собственности порождает современное представительное государство, где все «свободные» люди являются «равными» гражданами, и, следовательно, оригинальное «сочленение» экономики и политики, которое приблизительно описывают, говоря об «отделении» «гражданского общества» от «политического общества». Этот вопрос о так называемом сочленении между инстанциями соответствует, следовательно, упомянутому К. Марксом трудному вопросу «отношений между разными формами государства и различными экономическими структурами».

Но чтобы продвинуться далее, следует уточнить два существенных пункта:

1) «Экономический момент» и его преобразования являются *базисом* специфических форм государства и, следовательно, скрытым фундаментом всего «общественного здания». Идея «господства» политики над экономикой, даже если при этом добавляют, что это «господство» обусловлено «экономическим моментом», рискует уничтожить *материалистическую* основу теории государства. При та-

кой ориентации также забывают, что формы собственности в конечном счете зависят от развития и природы производительных сил. Сначала всю активность приписывают производственным отношениям. Затем впадают в «политицизм», опираясь на тот реальный факт, что отношения собственности зависят *также* от политической борьбы, в особенности в периоды «социальных революций», вызванных конфликтом между производительными силами и производственными отношениями.

2) «Общественное здание» — это развивающееся *«органическое* целое», в котором развитие производства — ведущий фактор. Марксистская идея целостности включает в себя именно идею различимых, дифференцированных, несводимых к «гегелевскому тождеству» [1] моментов. Но она в той же мере исключает гипотезу независимости отдельных факторов, которые «комбинировались бы» различными способами. Структурализм — не диалектика. Материалистическая «органичность» правово-политических надстроек включает в себя идею взаимосвязи «политического момента» и «экономического момента» и идею обратного обусловливания «экономического момента» «политическим моментом». Но эта активность надстроек фундаментально вытекает из их функциональности и, следовательно, из их зависимости по отношению к *базису*. Органичность правово-политических надстроек обязывает мыслить их — в общих рамках марксистской теории форм — как одну из форм, которую принимает общественная связь в антагонистических обществах. Общественные отношения собственности — вот что порождает специфические политические формы, соответствующие им.

В) Как теперь оценить идею, согласно которой «правово-политический фактор» находится не только «над» экономической структурой, но также и в самом «экономическом моменте»? Безусловно, это одна из самых интересных идей, рассматриваемых с различных сторон вот уже в течение ряда лет, и она является одним из симптомов теоретического усилия, предпринятого для углубления понимания отношений между базисом и надстройкой. Она выражает в неясной форме, то есть не различая их, многие аспекты сложной социальной действительности. Но она не позволяет как следует осмыслить отношение этих раз-

[1] См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 709—738.

личных аспектов, и в рамках этой неясности она приводит, с одной стороны, к постановке под сомнение правильности материалистического различия между базисом и надстройкой, а с другой стороны, к выдвижению идеалистически-политицистской концепции отношений между базисом и надстройкой. Это требует некоторых пояснений.

Прежде всего, утверждение о том, что «правово-политический фактор» находится «в» базисе, неадекватно «выражает» два реальных аспекта взаимосвязи и взаимообусловленности, которые характеризуют развивающееся общественное целое. С одной стороны, несомненно, что правовое выражение реальных отношений собственности (и государственное принуждение, неотделимое от этого правового выражения) влияет на эволюцию самих реальных отношений собственности. Речь идет об активности, свойственной правово-политическим надстройкам. С другой стороны, также несомненно, что «правово-политический фактор», поскольку он выражает в собственной форме реальные отношения собственности, *некоторым образом* содержится в этих реальных отношениях. Марксизм мыслит это отношение экономического содержания к своей правовой форме материалистически, рассматривая экономическое содержание в качестве *базиса* правовой формы и вырабатывая материалистическую теорию надстроечных форм.

Иначе говоря, марксизм отличает базис от надстройки, устанавливает отношение общей зависимости права по отношению к «экономическому моменту» и в рамках этой фундаментальной зависимости объясняет активность «правово-политического фактора». Сказать, что правово-политический фактор находится «в» экономическом моменте, создает, следовательно, некоторые затруднения. Первое из них состоит в стирании реального различия между базисом и надстройкой, исходя из похвального стремления мыслить, с одной стороны, «органичность» «правово-политического фактора» и, с другой стороны, его собственную активность. Второе затруднение вытекает из стирания этого материалистического различия: формула, гласящая, что «правово-политический фактор» находится «в» экономическом моменте, легко превращается в свою противоположность, говорящую, что «экономический момент» находится в «правово-политическом факторе», то есть в надстройке. И мы приходим, таким образом, к идеа-

алистически-политицистской концепции общества. Третье затруднение в том, что в этой концепции общественное изменение невозможно понять — как это всегда происходит, когда взаимосвязь и взаимозависимость мыслятся в органической целостности, но без производства и «экономического момента» в качестве преобладающего фактора. Почему, например, происходит переход от феодального права к буржуазному? Для Гегеля это продукт развития Идеи, воплощенной в Государстве и Праве.

Но самое главное в другом. «Правово-политический фактор», сказали мы, действительно некоторым образом «находится» в «экономическом моменте», или, точнее, содержание правовых отношений — «экономическое». Но что такое эти «экономические» отношения? Это — общественные отношения между участниками производства, являющиеся отношениями собственности, сказали мы. Но существенно важно понять, что история общественных отношений — это не что иное, как история развития индивидов, или, что то же самое, что общественные отношения, и в особенности экономические отношения, — это отношения между исторически развившимися индивидами. Не понимать этого — значит не понимать, что «правово-политический фактор» — это лишь выражение в собственной надстроечной форме отношений, существующих между исторически, материально и социально обусловленными индивидами.

Правда, тут нужно уточнить. Общество для К. Маркса — не то, чем оно является для теоретиков «естественного права». Оно — не результат связей, которые установили между собой предварительно изолированные индивиды. Общество сначала является естественным, и, следовательно, оно всегда *уже есть*. Индивид, следовательно, есть общественное существо конститутивно. Но история производительных сил общественного труда и вытекающая из нее история общественных отношений — не что иное, как история индивидов. Развивая свои производительные силы и преобразуя свои общественные отношения, индивиды преобразуют свое отношение к природе и свое отношение к обществу: они производят самих себя как исторически обусловленных индивидов, имеющих определенные отношения с другими индивидами, имеющих также некоторое отношение к общественному характеру своего собственного развития.

История человечества, следовательно, — действительно история различных «экономических формаций общества» и история общественных способов производства, доминирующих в них. Но это также и в равной мере, с одной стороны, история отношений индивидов между собой и с природой, следовательно, история исторических форм индивидуальности, а с другой стороны, история отношений индивидов с их собственной общественной историей [1]. Будь то в 1845—1846 годах в «Немецкой идеологии» или позже в «Экономических рукописях 1857—1859 годов (Первоначальный вариант «Капитала»), К. Маркс изучает историю человечества всегда также под этим углом. Индивид первобытной общественной формации — это «родовое существо», «стадное животное» [2], говорит К. Маркс, то есть незрелый индивид, еще не порвавший пуповины, связывающей его с его родовой общностью. Классовые докапиталистические общества знают частные формы собственности; следовательно, человек в них индивидуализируется, но он все еще принадлежит к естественным и/или историческим общностям и имеет с другими индивидами отношения личной зависимости.

Буржуазное общество возникает из разложения этих предшествующих обществ и из отмены связей личной зависимости: свободная частная собственность — это также историческое пришествие «независимого» индивида буржуазного общества. Общественная история, следовательно, — это именно история отношений индивидов между собой и к общности (разложившейся или нет) [3]. Она также история связи между индивидуальным развитием и общественным развитием. В этом отношении всю предысторию человечества характеризует то, что так или иначе, с личной зависимостью или без нее, с фетишизацией общественной связи или без нее, *над индивидами здесь господствуют общественные условия существования.* Лишь коммунизм опрокидывает это отношение и производит «свободного индивидуума», обретающего по ту сторону и на основе необходимости сферу свободы. И это потому, что, будучи добровольно ассоциированными друг с другом и владея совместно и индивидуально своими средст-

---

[1] См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 27, с. 401—412.
[2] См. там же, т. 46, ч. I, с. 486.
[3] См. там же, ч. II, с. 709—738.

вами производства, производители подчиняют себе свое собственное общественное развитие и *господствуют* над ним вместо того, чтобы быть под его господством [1].

Таким образом, «в» экономическом моменте находится, собственно говоря, не «правово-политический фактор», являющийся надстроечным; это, скорее, отношения индивидов между собой, неотделимые от существующих производственных отношений и от определенного развития производительных сил. Вот то экономическое содержание, которое будет затем выражено в гражданском праве и в политическом праве. В феодальном обществе, например, не «правовой фактор» определяет взаимоотношения индивидов в «экономической» сфере; наоборот, как говорил К. Маркс, «личная зависимость характеризует тут как общественные отношения материального производства, так и основанные на нем сферы жизни» [2]. Равным образом, в буржуазном обществе право не создает, а выражает отношения личной независимости и конкуренцию между индивидами, которые вытекают из буржуазного способа производства, обмена и присвоения.

Г) Наконец, в последний раз на примере феодального общества рассмотрим, какой интерес представляет идея о доминировании «политического фактора», обусловленном самим «экономическим моментом». Она выражает, несомненно, наличие внеэкономического принуждения в экономической форме извлечения прибавочного труда. Следовательно, под «политическим фактором» здесь подразумевается в общем «сила». Но нас тогда отсылают к весьма сложной проблеме: к проблеме роли насилия в историческом процессе в течение всей предыстории человечества; к проблеме различных форм, которые оно принимает в этой предыстории: форм грубых и прямых (гражданские войны и войны между «народами») и форм узаконенных и институциализированных (диктатура государства или «политический фактор» в собственном смысле); к проблеме истории специфических форм насилия на различных этапах истории (история войн и история государства); к проблеме отношения, существующего в целом между насилием и экономической историей общества, и к проблеме специфической роли насилия на раз-

---

[1] См. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 387.
[2] Там же, т. 23, с. 87.

личных этапах этой истории в эволюции отношений собственности; наконец, к проблеме отношения между политикой силы и политикой согласия в истории человечества и в каждой общественной формации. Мы не будем здесь рассматривать эти вопросы, а лишь подчеркнем два пункта.

Первый состоит в том, что, согласно Марксу, *люди сами делают свою собственную историю;* они ее делают при определенных материальных, экономических, политических, идеологических условиях и под господством своих собственных общественных процессов в течение всей своей «предыстории», но делают ее они сами. Они делают свою собственную историю потому, что, развивая свои производительные силы, они преобразуют свои общественные производственные отношения, *производят* «исторические», а не естественные производственные отношения, или по крайней мере создают условия установления этих новых отношений. Производя и развивая свои производительные силы, они, следовательно, создают также косвенно свои политические и идеологические условия существования, базисом которых являются производственные отношения.

Но они делают свою собственную историю также потому, что в определенных экономических, политических и идеологических условиях они преобразуют эти условия, организуясь в социальные, политические, идеологические силы, которые воздействуют на людей и их разнообразные общественные отношения посредством насилия и с помощью идей.

Второй пункт заключается в том, что, по Марксу, какова бы ни была собственная действенность насилия и идей в истории вообще и в определенной общественной формации, не идеи и не насилие господствуют в целом над ходом истории, а развитие производства. Это общее положение действительно для всех общественных формаций, в том числе для феодального общества, какова бы ни была специфическая роль, которую играет в нем насилие в сфере «экономики» и других общественных сферах, основой которых является эта «сфера экономики».

Впрочем, известно, что, повторяя утверждение о том, что люди сами делают свою собственную историю в определенных условиях (которые сначала являются *естественными предпосылками,* прежде чем стать *историческими результатами),* мы поднимаем принципиальный во-

прос, где альтюссеровское истолкование исторического материализма наиболее четко рвет с толкованием, которое дают К. Маркс и Ф. Энгельс. Если добавить, что для Маркса и Энгельса коммунизм — это конец предыстории человечества, потому что впервые *добровольно* ассоциированные индивиды здесь *господствуют* над общественными отношениями, которые они до того создали, и всесторонне развиваются в качестве *свободных* индивидуумов, — то можно полностью оценить философскую значимость этой дискуссии о понятиях «доминирования» и «детерминации».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассматривая тезис Альтюссера и три текста Маркса и Энгельса, на которые он опирается, полагаем, что совершенно необходимо различать три разные проблемы.

Первая проблема и первый текст — проблема формулировки общего принципа исторического материализма: способ производства материальной жизни доминирует над социальным, политическим и духовным процессами жизни вообще.

Вторая проблема и второй текст: в различных общественных формациях специфические идеологические формы, различные «языки» доминируют в сфере идеологии.

Третья проблема и третий текст: в докапиталистических формациях специфические юридическо-политические формы соответствуют специфике экономической структуры.

Если их правильно различать, то можно сделать вывод, что специфичность, о которой идет речь во втором и третьем пунктах, не ставит под вопрос, а подтверждает правомерность принципа, сформулированного в пункте первом.

Наконец, нам пришлось попутно затронуть фундаментальную проблему исторического материализма, к сожалению, полностью похороненную многими комментаторами. Это проблема отношения между «общественным развитием людей» и их «индивидуальным развитием». Она позволила нам выяснить существенно важное употребление понятия «господство». В течение всей предыстории человечества над людьми господствует их собственный общественный процесс, какова бы ни была степень достигнутой

индивидуализации и какую бы форму ни принимали их общественные отношения (личная зависимость в докапиталистических обществах, личная независимость, фетишизация и отчуждение в капиталистическом обществе). Лишь коммунистическая формация опрокинет это отношение: здесь люди будут «господствовать» над своим собственным общественным процессом[1]. Эта специфичность коммунизма не ставит, однако, под вопрос «господства» общественного процесса производства во всей человеческой жизни в совокупности. Сфера свободы, где начинается развитие человеческих сил как самоцели, не устраняет сферы необходимости; в качестве специфической основы она имеет общественную организацию производства, основывающуюся на добровольной ассоциации и позволяющую осуществлять методический и сознательный контроль над общественным процессом производства[2].

Способ производства, классы и классовая борьба в «Ответе Дж. Льюису»

Дополнение. Предшествующее исследование относится лишь к текстам Альтюссера 1965 года. Теперь попробуем хотя бы кратко рассмотреть последующее развитие взглядов Альтюссера. Эта эволюция должна рассматриваться, как мне кажется, с двух сторон: концепции философии и истолкования исторического материализма. В 1965 году философия определялась Л. Альтюссером как «теория теоретической практики», вот почему в предшествующем тексте я говорю об «эпистемологическом марксизме». Начиная с 1968 года Л. Альтюссер предпринял критику того, что он называет своим «теоризмом». В его последней книге «Элементы самокритики» дана сильная и смелая критика этого «теоризма» и в особенности метафизического противопоставления идеологии науке. Это метафизическое противопоставление и сведение философии к своего рода общей эпистемологии произвели довольно отрицательное воздействие. С 1968 года Л. Альтюссер выдвинул новую концепцию философии, на этот раз отводящую привилегированное положение связи с политикой. Несмотря на «исправления» и обогащение концепции философии после 1968 года, это новое ее определение

---

[1] См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 17—48.
[2] См. там же, т. 25, ч. II, с. 387.

не сумело выйти за пределы его изначального «политицизма», и так же, как и первое определение, оно не объясняет статуса философии. «Теоризм» и «политицизм» это тождество противоположностей. И хотя эта новая теория философии поднимает реальные проблемы, она производит столь же отрицательные результаты, что и первая.

Что касается исторического материализма, то истолкование 1965 года, мне кажется, берет свое начало в «структурализации» исторической диалектики, которая в конечном счете делает ее непостижимой. Добавлю, что Л. Альтюссер вместе с тем поставил целый ряд весьма реальных проблем, и в том состоит его заслуга. Следует заметить, что, в противовес тому, что произошло с «теоризмом», Л. Альтюссер, мне кажется, не поставил серьезно под вопрос свою «структурализацию диалектики». Это, однако, не означает, что ничего не изменилось и что одна и та же фундаментальная матрица не производит иных результатов в ином историческом контексте.

Каковы же новые результаты? Чтобы прямо приступить к сущности, следует рассмотреть новую теорию классовой борьбы, - выдвинутую в «Ответе Дж. Льюису». Л. Альтюссер здесь противопоставляет «реформистской» теории классовой борьбы «революционную» теорию марксизма-ленинизма. Цитирую: «Для *реформистов* (даже объявляющих себя марксистами) первое место занимает не классовая борьба, а классы... Классы, говорят они, существуют *до* классовой борьбы и *независимо* от нее, классовая борьба имеет место лишь потом... Чтобы прояснить эту идею, надо свести эту реформистскую «позицию» к ее буржуазным истокам. В своем письме Вейдемейеру 5 марта 1852 года К. Маркс писал: «Что касается меня, то мне не принадлежит ни та заслуга, что я открыл *существование классов* в современном обществе, ни та, что я открыл *их борьбу между собой*. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты — экономическую анатомию классов» [1].

Тезис о признании *существования общественных классов и вытекающей из этого классовой борьбы* не принадлежит марксизму-ленинизму, ибо этот тезис ставит классы

[1] Там же, т. 28, с. 425—427.

на первое место, а борьбу — на второе. В такой форме — это буржуазный тезис, естественно, питающий реформизм. Марксизм-ленинизм, наоборот, на первое место ставит *классовую борьбу*... Классовая борьба — не следствие существования классов, которые якобы существуют (формально и фактически) до своей борьбы, классовая борьба — это историческая форма *противоречия* (внутренне присущего способу производства), которое *делит* классы на классы...

Но не следует впадать в идеализм! Классовая борьба не протекает в воздухе... Она коренится в способе производства, следовательно, эксплуатации определенного классового общества. Стало быть, следует рассматривать *материальность* классовой борьбы, ее материальное *существование*. Эта материальность — в конечном счете—единство производственных отношений и производительных сил *под* производственными отношениями определенного способа производства, в конкретной общественно-исторической формации. Лишь при этом условии революционный тезис о примате классовой борьбы является материалистическим» (курсив *Л. Альтюссера*) [1].

Эта новая теория классовой борьбы и новое различие между «реформистами» и «революционерами», которое она претендует обосновать, почти не были замечены во Франции. Однако мне она представляется весьма заслуживающей интереса со многих точек зрения.

Чтобы выяснить ее теоретическое значение, было бы полезно поразмыслить о производимых руководителями Компартии Китая политических анализах классовой борьбы в странах, строящих социализм, с одной стороны, и в плане международных отношений — с другой.

В самом деле, нельзя ли сказать, что для руководителей КПК именно «классовая борьба» в той мистифицированной версии, в которой они ее представляют, обусловливает существование классов в определенной стране или в международном плане? Во внутреннем плане, в стране, строящей социализм, борьба двух «идеологий» — вот что, согласно руководителям КПК, в конечном счете служит критерием «выявления» классов.

Уточняю, что это сопоставление между политической практикой КПК и новой концепцией классовой борьбы Л. Альтюссера направлено лишь на выяснение теоретиче-

[1] Althusser L. Réponse à J. Lewis, p. 28—29, 31.

ского значения концепции Альтюссера. В «Ответе Дж. Льюису» ссылки на Мао Цзэдуна носят весьма общий характер, и, насколько мне известно, Л. Альтюссер никогда не одобрял политических анализов КПК.

Следовательно, его новые положения мы рассмотрим в теоретическом плане, и начнем рассмотрение с того, как Альтюссер использует текст К. Маркса. Сначала выскажу удивление по поводу результатов, полученных методом «симптомального прочтения». В данном случае — поскольку текст Маркса не представляет никакой трудности для истолкования — не хочется даже опровергать, насколько очевидно допущенное искажение. В самом деле, согласно Марксу, открытие существования классов и их борьбы — это *заслуга* буржуазных историков, а открытие экономической основы «гражданского общества» — *заслуга* буржуазных экономистов. *Заслуга* же Маркса — в открытии преходящего исторического характера буржуазной общественной формации и необходимости переходного периода диктатуры пролетариата для перехода к коммунистической общественной формации без классов и государства. Таков, согласно Марксу, критерий отличия «реформистов» от подлинных «революционеров», и он позволяет охарактеризовать пределы буржуазной *науки.*

Можно ли сказать вместе с Л. Альтюссером, что «тезис о *признании существования общественных классов и вытекающей из этого классовой борьбы...* — буржуазный тезис, естественно, питающий реформизм»? Не думаю. Сущность реформизма, согласно Марксу, состоит в нежелании доводить классовую борьбу до конца, то есть до диктатуры пролетариата, единственно дающей возможность исчезновения классов и отмирания государства. И этот реформизм питается буржуазной наукой не постольку, поскольку она признает существование классов и порождающие их экономические условия, а постольку, поскольку она недостаточно глубоко проводит анализ этого существования классов и не доводит его до научной констатации исторического характера буржуазной общественной формации и классов, существование которых эта формация воспроизводит; не доводит анализы до показа того, что классы не всегда существовали и они не всегда будут существовать и что, следовательно, так же обстоит дело и с их борьбой, неотрывной от их существования. Эти идеи, впрочем, изложены в дальнейшей части письма Маркса к Вейдемейеру.

Не следует ли из этого сделать вывод, что абсурдно отделять или противопоставлять существование классов и их борьбу? Не является ли как раз анализ прибавочной стоимости и ее капитализации, анализ капиталистического производства и воспроизводства *в то же время* объяснением существования и антагонизма буржуазии и пролетариата?

Допустим теперь, вместе с Л. Альтюссером, что имеются марксисты-реформисты, для которых «классы существуют до классовой борьбы», *независимо* от нее, классовая же борьба имеет место лишь потом... Следует ли тогда, чтобы быть революционером, занимать прямо противоположную позицию и заявлять, что марксизм-ленинизм утверждает, что классовая борьба занимает первое место, а существование классов второе? В. И. Ленин критиковал «объективизм» в социологии, его научную и политическую ограниченность, но он отрицал также и субъективизм. Я согласен с тем, что недостаточно сказать: «Классовая борьба — следствие существования классов», в особенности если при этом уточняется, что эти классы «существуют до классовой борьбы». Но не рискуют ли, занимая противоположную позицию, внушить, что классовая борьба (или одна из ее форм, например идеологическая борьба) вызывает существование классов? Совершенно верно, что классы не существуют *независимо* от классовой борьбы, но также верно и то, что *борющиеся* классы существуют объективно и *независимо* от субъективистских ориентаций, которые какая-либо партия может придать своей политической и идеологической борьбе, *независимо* от ее ошибочной концепции классовой борьбы в определенный момент.

Мне хорошо известно, что Л. Альтюссер не говорит, что классовая борьба вызывает существование классов, но до этого недалеко. Что он говорит в точности? Что «классовая борьба — это историческая форма *противоречия* (внутренне присущего способу производства), которое *делит* классы на классы». Нас, следовательно, отсылают к извлечению прибавочной стоимости, к экономической эксплуатации, к анализам, в которых Маркс показывает, что, производя прибавочную стоимость, пролетариат также производит и воспроизводит существование пролетариата и буржуазии. Все это сегодня достаточно хорошо известно, и это довольно старый тезис марксизма, поскольку

Маркс отстаивает его в «Экономическо-философских рукописях 1844 года», правда, в такой форме, что этот тезис не всегда узнается.

Означает ли это, что покончено с идеей «предварительного существования классов», откуда вытекает их борьба? Не думаю, так как для того, чтобы капиталистический способ производства начал функционировать внутри феодальной общественной формации, предварительно и по крайней мере частично необходимо, чтобы непосредственный производитель был радикально отделен от своих средств производства и существования, чтобы эти материальные условия производства были монополизированы на другом полюсе. В VII отделе первого тома «Капитала» исследуется процесс накопления капитала и воспроизводство буржуазии и пролетариата, во II отделе — превращение денег в капитал, а в XXIV главе VII отдела — так называемое первоначальное накопление. Разложение феодального способа производства и различные методы первоначального накопления создают *предварительные элементы,* позволяющие товарным отношениям охватить производство. Нельзя ли сказать, что эти элементы *предшествуют* отношениям капиталистической эксплуатации, существуют до них? [1]

Придерживаясь умеренных выводов, скажем, следовательно, что идеи Л. Альтюссера *идут в направлении* политицистского истолкования исторического материализма и что, стало быть, его концепция исторической диалектики находится в согласии с его концепцией философии, понимаемой как «в конечном счете классовая борьба в теории» (это его последняя формулировка).

Я говорю «идут в направлении» (а этого достаточно, чтобы дать результаты), потому что Л. Альтюссер, нигде не отказывается от «определяющей роли в конечном счете экономики», хотя *господствует* у него нечто другое — сегодня это классовая борьба над существованием классов. Читатель сам оценит текст, предшествующий этому дополнению, но безусловно то, что я стремился подвергнуть критике реальную позицию Л. Альтюссера по определенному вопросу. Правда, его новая теория стремится избежать идеализма путем увязывания классовой борьбы с ее

[1] См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 487—508.

экономической материальностью. Но приглядимся к ней поближе.

«Эта материальность — в конечном счете — единство производственных отношений и производительных сил *под* производственными отношениями определенного способа производства». Вот где можно обнаружить постоянство альтюссеровских идей. Ибо эта концепция активности производственных отношений уже имелась налицо в другой форме, в работах до 1968 года. Эта действенность, односторонне приписываемая производственным отношениям, поглощает активность производительных сил и может завести лишь в тупик. Историческое развитие и роль, которую играет в нем классовая борьба, становятся ясными лишь в том случае, если адекватно уяснить внутреннюю диалектику общественного способа материального производства. Но эта внутренняя диалектика «структурализована», то есть уничтожена в подобной концепции. Без сомнения, она позволяет объяснить движущую функцию производственных отношений в периоды, когда они функционируют как «форма развития» производительных сил; она позволяет понять их отношение неэкстериорности и то, каким образом производительные силы «моделируются» определенными производственными отношениями; короче говоря, понять единство производительных сил и производственных отношений. Но если это «единство» всегда зависит от самих производственных отношений, то я не вижу, откуда возникнет противоречие и, следовательно, как создадутся условия для «перевертывания практики». В этом полном поглощении производительных сил структурой производственных отношений я вижу главную слабость тезисов Л. Альтюссера.

Структурализм может породить лишь политицизм. А также идеализм, ибо марксистский материализм имеет глубокие корни в следующем тезисе: развитие материальных и производительных сил общественного труда — вот что обусловливает все историческое развитие вообще. Именно этот тезис К. Маркс повторяет постоянно во всех местах, где он излагает общую теорию исторического материализма, будь то в Предисловии, написанном в 1859 году к книге «К критике политической экономии», или в письме к Анненкову в 1846 году. Правда, эта обусловленность в целом производительными силами процесса

развития общественного целого могла быть понята и была понята механистически.

Но в работах Маркса этого нет. Действительно имеется единство производительных сил и общественных производственных отношений, но, добавляя, что это единство осуществляется «под производственными отношениями определенного способа производства», Л. Альтюссер, как мне кажется, отходит от учения Маркса в решающем пункте. В самом деле, проблема состоит в том, чтобы знать, что́ *преобладает* или что́ *господствует* в конечном счете, если рассматривать процесс развития этой органической целостности, каковой является общественный способ производства материальной жизни в истории человечества. Я думаю, что если вопрос рассматривать в свете понятия «процесс», то есть если рассматривать историю человечества, то ясно, что преобладают в конечном счете производительные силы. Так объясняется формирование определенной «взаимосвязи в истории людей». Экономические формы, как говорит К. Маркс, являются «преходящими и историческими», то есть находятся *в общей зависимости* от развития производительных сил. Их собственная активность — как форм развития или препятствия развитию — не устраняет этой общей зависимости. Так может возникнуть противоречие, конфликт, открывающий «период социальной революции», и так историческая *диалектика* становится уяснимой. Единство, как его понимает Л. Альтюссер, уничтожает «реальное различие». К. Маркс, напротив, утверждает: *«Диалектика понятий производительные силы (средства производства) и производственные отношения*, диалектика, границы которой подлежат определению и которая не уничтожает реального различия» [1].

Приписывать активность исключительно производственным отношениям или приписывать им доминирование — это значит создавать теоретическую матрицу, которая обычно приводит к одинаково противоречивым результатам: политическому пессимизму, вытекающему из якобы неизбежной интеграции в систему, и/или субъективистскому волюнтаризму, сверхполитизации, политицизму.

---

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 735—736.

Post scriptum. Октябрь 1975. В статье «Просто ли быть марксистом в философии?» (La Pensée, octobre 1975, № 183) Л. Альтюссер возвращается к проблеме детерминации в конечном счете. Эту новую разработку следует специально проанализировать.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Разработка вопросов материалистической диалектики занимает одно из ведущих мест в работах французских философов-марксистов. За последнее время кардинальные проблемы «живой души марксизма» широко обсуждались на страницах марксистской периодической печати, в трудах Л. Альтюссера, П. Жегле, Ж. Мийо, Л. Сэва и др. Эти же проблемы дебатировались на крупном научном коллоквиуме «Ленин и научная практика», посвященном 100-летию со дня рождения В. И. Ленина и состоявшемся в декабре 1971 года[1]. Но предлагаемый советскому читателю коллективный труд французских философов-марксистов целиком посвящен фундаментальным проблемам материалистической диалектики. Он, как указывает в Предисловии Г. Бесс, состоит из лекций (мы бы сказали — теоретических докладов), которые были прочитаны в Центре марксистских исследований[2] в 1975 году, а затем доработаны в виде статей для печати.

В Послесловии нет возможности (да и нет необходимости) давать подробный анализ всех опубликованных в данной работе статей. Но сразу же отметим, что французские философы-марксисты ставят и решают актуальные проблемы диалектического материализма. Опираясь на философское наследие Маркса, Энгельса, Ленина, они решают эти проблемы на современном уровне научных знаний. Конечно, в этой книге не все бесспорно и не со всеми выдвинутыми теоретическими положениями (в особенности в статье Э. Балибара) можно согласиться. Но дискуссии по фундаментальным вопросам материалистической диалекти-

---

[1] См.: Lénine et la pratique scientifique. Paris, Editions sociales, 1974.

[2] Центр марксистских исследований (CERM) и Институт им. Мориса Тореза по решению ЦК ФКП в 1979 году были объединены в новый институт — Институт марксистских исследований (IRM).

ки соответствуют теоретическим потребностям научной деятельности, социальной и политической практики, а также острой идеологической борьбы, которую ведут французские марксисты против буржуазной идеологии.

Читатель уже, конечно, заметил, что по ряду вопросов французские марксисты дискутируют между собой. Эта дискуссия имеет свою историю, о которой надо вкратце сказать, чтобы яснее была суть спора.

Все началось с дискуссионных статей Луи Альтюссера, опубликованных в начале 60-х годов, а затем собранных вместе в его книге «За Маркса» (1965). Выступив здесь против распространившейся в то время тенденции возврата к «молодому Марксу» и к Гегелю, в чем многие марксисты видели средство преодоления догматизма, Л. Альтюссер предложил противоположный путь: разрабатывать марксистскую философию и, в частности, диалектику в их специфическом отличии от всех предшествующих учений. Марксистская диалектика, согласно Альтюссеру,—это совсем не гегелевская и даже не «перевернутая» гегелевская диалектика; она отличается от идеалистической диалектики и по своему предмету, и по своей структуре, и по способу применения.

Мы не можем здесь разбирать концепцию диалектики, предложенную Л. Альтюссером [1], как и вызванные ею дискуссионные отклики. Отметим только, что «антигегелевская» линия в разработке марксистской диалектики появилась еще раньше в Италии — в работах известного философа-марксиста Гальвано Делла Вольпе (умершего в 1968 г.) и группы его учеников. И хотя Альтюссер и Делла Вольпе шли в своих исследованиях разными путями, но кое в чем эти пути перекрещивались. Это как раз можно видеть в первой из помещенных в данной книге статей-лекций, автором которой является один из последователей Альтюссера — Этьен Балибар. Правда, надо оговориться, что он здесь не повторяет концепцию Альтюссера, а по-своему ее развивает и в определенной мере радикализирует.

«Антигегелевская» линия в статье Э. Балибара выражается в отрицательном отношении к пониманию диалектики как абстрактной всеобщей философской теории. С его точки зрения, такая абстрактная диалектика была бы не

[1] См.: Грецкий М. Н. Марксистская философская мысль во Франции. М., МГУ, 1977, с. 84—87.

только оторвана от жизни, но и принципиально идеалистична (позиция Делла Вольпе и его учеников, давших на этот счет развернутую аргументацию, аналогична). Задача же заключается в том, чтобы схватить ту реальную диалектику, которая проявляется во всем многообразии конкретной действительности, в ее беспрестанном движении и изменении. Пытаться сделать это с помощью нескольких общих формул — как раз значило бы упустить все богатство частного, специфического, изменчивого. Отсюда идея Балибара о том, что материалистически понимаемая диалектика вообще не может быть абстрагирована, изолирована, отделена от той действительности, в которую она непосредственно вплетена, и прежде всего от теории и практики рабочего революционного движения. «Материалистическая диалектика, — пишет Балибар, — не может быть изолирована ни от теории различных наук о природе и об истории (исторический материализм), ни от практики различных социальных практик, которые всякий раз придают ей различную, специфическую форму» (с. 10). Она вообще не может быть представлена как выделенный самостоятельный объект и подвергнута исследованию на уровне всеобщих философских категорий.

Перед нами довольно парадоксальное высказывание в устах философа, считающего себя диалектическим материалистом (в чем же тогда заключается диалектический материализм?), и тем более соратника Альтюссера, выступившего под лозунгом теоретической строгости марксизма. Не превратился ли первоначальный «теоризм» (уклон в «чистую» теорию, который Альтюссер подверг самокритике) в свою противоположность — практицистский эмпиризм (который ранее рассматривался как главный противник)? Не исчезает ли вообще философия?

На эти вопросы можно, мы полагаем, дать отрицательный ответ, если учесть предложенное Альтюссером (и принятое Балибаром) новое понимание философии как «классовой борьбы в теории в конечном счете». Альтюссер связал эту борьбу с борьбой материализма и идеализма. Балибар проводит эту же идею в отношении диалектики. Развивая мысль Альтюссера о том, что нет чисто материалистической и чисто идеалистической философии, а всякая философия внутренне противоречива, Балибар заявляет, что нет чисто материалистической и чисто идеалистической диалектики, а есть сложный, противоречивый процесс пере-

хода от преимущественно идеалистической диалектики к преимущественно материалистической, который начался у самого Гегеля и не закончился до сих пор. Свидетельством тому являются различные «отклонения» или «уклоны» в понимании марксистской диалектики, оригинальную классификацию которых дает Балибар. В этих «отклонениях» как раз и проявляются перипетии классовой борьбы в самой жизни и в теории. Таким образом, если диалектика в ходе своей истории выделялась, абстрагировалась в чистом виде, то она оказывалась, по Балибару, так или иначе искаженной (хотя «отклонения» и содержат в себе то или иное зерно истины).

Дополнительным аргументом в пользу этой концепции служит рассмотрение категорий противоречия и антагонизма. Э. Балибар здесь фактически полемизирует с Л. Сэвом, предложившим на коллоквиуме «Ленин и научная практика» свое понимание антагонистических и неантагонистических противоречий (впоследствии он развил это понимание в своей последней работе — «Введение в марксистскую философию». Париж, 1980). По Балибару, вообще нельзя дать общую типологию противоречий, в которой антагонизм был бы одним из двух частных случаев противоречия как такового. Отношение между этими двумя понятиями не есть отношение частного и общего. Антагонизм, считает автор, показывая это на примере взаимоотношения пролетариата и буржуазии, есть сложная и исторически изменчивая совокупность противоречий (альтюссеровская идея «сверхдетерминации»).

Всячески подчеркивая необходимость конкретного изучения противоречий в их многообразных и изменчивых исторических формах, Балибар высказывает немало заслуживающих внимания соображений, например, о том, что классовый антагонизм должен анализироваться путем исследования различных форм классовой борьбы — экономической, политической и теоретической в их каждый раз специфическом сочетании (см. с. 40), и др. В то же время советский читатель не может не заметить в его статье ряд спорных или прямо неприемлемых положений. Некоторые из них высказаны мимоходом, поскольку они известны и уже обсуждались во французской литературе как положения Альтюссера (это касается, в частности, негативного отношения к «теоретическому гуманизму», к закону отрицания отрицания, к понятию отчуждения). Другие

же выражены в такой форме, что могут породить недоразумения. Так, можно было бы подумать, что автор целиком сводит диалектику к общественным процессам и отрицает ее наличие в природе (отвергая вместе с тем «Диалектику природы» Ф. Энгельса). На самом деле его позиция иная. По существу, он оставляет этот вопрос открытым, отмечая, с одной стороны, что чисто онтологическая диалектика природы есть «объективистское отклонение», а с другой — что отрицание диалектики природы (в частности, у молодого Лукача и у Сартра) приводит к «субъективистскому отклонению». Поскольку же, по Балибару, каждое отклонение содержит частицу истины, то есть надежда, что именно через взаимное корректирование отклонений будет выработана более правильная позиция. Пока же можно опереться на то, что является бесспорным и центральным в марксизме, — на диалектику развития общества, ведущую через классовую борьбу к смене капитализма социализмом. Вот эту диалектику и нужно схватить как можно конкретнее, чтобы можно было правильно ориентироваться в повседневной практической деятельности.

Теперь мы можем вернуться к главной дискуссионной проблеме: исключает ли эта конкретность диалектики ее представление как общей философской теории? Автор начал с положительного ответа на этот вопрос, но по ходу изложения он сам высказал немало общих положений и, резюмируя их в виде тезисов, пришел под конец к выводу, что марксистская диалектика... «есть теория противоречия» (с. 50). Не значит ли это, что диалектика все-таки может быть выделена как таковая? Во всяком случае можно, по-видимому, что-то сказать о ней на высшем философском уровне и можно даже построить целую общую теорию. Вопрос только в том, какова эта теория. Оставим пока в стороне весьма спорный характер определения, сводящего диалектику к ее «ядру» — закону единства и борьбы противоположностей (об этом тоже дискутировали французские марксисты). Посмотрим, как в данной статье решается более фундаментальная проблема, которую французские марксисты определяют как проблему статуса философии, статуса философской теории диалектики. На наш взгляд, позицию автора в этом вопросе можно было бы охарактеризовать следующим образом.

Теория диалектики — не такая теория, которая фиксирует ряд общих понятий и устанавливает взаимоотноше-

ния между ними, это не система категорий и не логика гегелевского типа, по отношению к которой конкретные вещи были бы проявлениями или частными случаями (именно в этом смысле диалектика не выделяется, не «изолируется» как таковая). Скорее, это нечто вроде метатеории, которая не есть сама диалектика «в чистом виде», а есть философский уровень, на котором говорится «о диалектике», о «нечистой диалектике» самих конкретных вещей. Эта «нечистая диалектика» не сопоставляется с некой идеальной, чистой, сущностной моделью, а исследуется в ее своеобразии, и при этом, поскольку исследование всегда исходит из каких-то уже имеющихся представлений, выясняется связь этих представлений с практикой и классовыми интересами, что и дает возможность постепенно перерабатывать, исправлять и углублять эти представления. Такова предложенная Балибаром концепция статуса диалектики, т. е. ее сути, роли, «теоретического места» и отношения к конкретной действительности. Как мы видим, здесь есть о чем поразмыслить, есть о чем поспорить.

В статье Балибара акцент делался на том, как разрабатывать диалектику, исправляя имевшиеся в прошлом «отклонения». Но прежде чем обсуждать предложенный им путь дальнейшего движения, полезно обратиться к позитивному опыту прошлого. Как диалектика функционировала, «работала» в теоретической и практической деятельности Маркса, Энгельса, Ленина, в деятельности коммунистической партии? Этому вопросу посвящена статья известного философа-марксиста Ги Бесса (бывшего в то время директором Центра марксистских исследований).

Эта статья, озаглавленная «Диалектика и революция», очевидно, не требует обстоятельных комментариев. Отметим только, что здесь тоже ставится проблема конкретности диалектики, причем показывается, как эта проблема обострялась в поворотные, революционные моменты истории и как она практически решалась классиками марксизма-ленинизма.

Классические образцы применения марксистской диалектики, пишет Г. Бесс, дал Ленин. Он призывал к тому, чтобы не отрываться от реальной жизни и учитывать точные факты действительности, делать из них соответствующие выводы для дальнейшего продвижения по пути революционной борьбы за свержение капиталистического строя.

Следуя урокам Ленина, подчеркивает Г. Бесс, Фран-

цузская коммунистическая партия с момента своего возникновения стремится к конкретному анализу конкретной ситуации, к точному учету соотношения классовых сил. Так она поступала в 1934—1936 гг., когда над Францией нависла фашистская угроза. Благодаря единству всех прогрессивных сил, к которому призывала ФКП, была одержана победа над фашизмом во Франции. Так ФКП поступала и в годы второй мировой войны, так поступает и в настоящее время, когда необходимость единства левых сил связывается с непосредственной борьбой за социализм.

Некоторые замечания необходимо сделать по поводу последней части статьи, где анализируется политика ФКП в связи с борьбой за осуществление совместной правительственной программы левых сил и лозунга «передовой демократии» как переходного этапа к социализму. События во Франции развиваются очень быстро, и за годы, прошедшие после написания этой статьи, они привели к определенным изменениям в политической линии Французской коммунистической партии по данным вопросам. Совместная правительственная программа левых сил, существовавшая в период 1972—1978 гг., не оправдала возлагавшихся на нее надежд. Более того, проанализировав критически опыт своей деятельности в эти годы, французские коммунисты пришли к выводу, что договоренность «на высшем уровне» с социалистической партией, недостаточно подкрепленная союзом «в низах», порождала определенные иллюзии в отношении способа осуществления намеченных преобразований: достаточно, мол, зафиксировать их в документе и предоставить будущему правительству их осуществить. Тем самым невольно умалялось значение активной борьбы самих трудящихся за эти преобразования. Между тем, как сказал в своем докладе на XXIV съезде партии Генеральный секретарь ЦК ФКП Жорж Марше, «обрекать народное движение на роль пассивной поддержки правительства, которое принялось бы вместо него за изменение общества,—это значило бы ставить вопрос с ног на голову и наверняка потерпеть неудачу» [1]. В связи с этим сам принцип «программирования» общественных преобразований подвергся определенному пересмотру. Лишь изменение сил в ходе классовой борьбы может показать, какие преобразования и на каком этапе возможны. А «ход этой

[1] L'Humanité, 4.2.1982, p. 6.

борьбы, очевидно, не может программироваться заранее»[1]. Поэтому в последние годы Французская компартия сняла лозунг «передовой демократии» как заранее определенного переходного этапа к социализму и заменила его лозунгом «демократического продвижения» к социализму.

Отсюда не следует, что утрачивает силу все то, что французские марксисты, и в частности Ги Бесс в данной статье, писали на эту тему в 70-е годы. Принципиальные положения, касающиеся диалектики классовых отношений, взаимосвязи социализма и демократии и т. п., остаются верными. Автор статьи совершенно справедливо подчеркивает необходимость того, чтобы «народные массы мобилизовались, действовали, взяли реализацию программы в свои руки» (с. 86). Происшедшие изменения идут как раз в сторону акцентирования, углубления этих положений.

Отметим, однако, неточность формулировки «сломать государство» (с. 91), к сожалению получившей распространение в последних работах французских марксистов (с предложением отказаться от нее). Классики марксизма говорили о сломе «государственной машины», а не государства. Этот вопрос специально разъясняет В. И. Ленин в работе «Государство и революция». А для того чтобы пересмотреть классическую формулировку, нужна, как нам кажется, более серьезная аргументация, чем та, которая приводилась до сих пор — в этой и в других работах.

Вернемся теперь к собственно философским вопросам. К ним нас возвращает третья статья, автор которой Жан-Пьер Коттен выступает прямым оппонентом Этьена Балибара. Если Э. Балибар говорил о невозможности выделения диалектики в виде ряда всеобщих абстракций, образующих самостоятельную дисциплину, то Ж.-П. Коттен утверждает, что можно и нужно «изолировать» диалектику, выделить ее в самостоятельную науку. При этом он ссылается на классиков марксизма-ленинизма, в частности на «Философские тетради» В. И. Ленина. Но, не считая достаточной ссылку на авторитеты, развертывает и собственную аргументацию. Главный вопрос здесь опять-таки о статусе этих всеобщих диалектических абстракций. Что это за абстракции? Для чего они нужны? Каково их отношение к конкретным вещам? Ж.-П. Коттен стремится решать эти вопросы прежде всего путем выяснения отличия маркси-

[1] Ibid.

стского понимания философских категорий от аристотелевского и от гегелевского их понимания. У Аристотеля категории — это «высшие роды», под которые подводится все многообразие существующего и между которыми нет никакой связи. У Гегеля появляется диалектическая связь между этими «высшими родами», но она основывается на спекулятивном саморазвитии абсолютной идеи. Марксизм «переворачивает» эту спекулятивную конструкцию и осмысливает диалектическую связь материалистически (заметим, что проблема «переворачивания» гегелевской диалектики вызвала оживленные споры среди французских марксистов).

В результате такого переворачивания, отмечает Ж.-П. Коттен, философия уже не претендует на роль науки наук, на энциклопедический охват проблем, являющихся предметом исследования различных естественных и общественных наук. Но она не отказывается от познания всеобщего и не сводит это всеобщее к эмпирическому обобщению конкретно-научных результатов. То всеобщее, которое охватывает марксистская философия в виде законов и категорий диалектики, — это, по Коттену, «квинтэссенция» процесса научного познания (см. с. 127). Эта «квинтэссенция» является диалектической, потому что она фиксирует переходы (связь и скачок) между различными процессами познания, между различными «родами», между различными областями действительности. В этом, согласно Коттену, заключается собственно философский характер категорий диалектики, их отличие как всеобщих от общих частнонаучных понятий и в то же время их отличие от категорий Аристотеля (у Аристотеля категории ограничены отдельными «родами»). Таким образом, основной диалектической категорией у Коттена становится фактически категория перехода, или взаимосвязи, подтверждение чему он стремится найти у Энгельса, выделяя в его работах те места, где встречается выражение Zusammenhang (взаимосвязь).

Итак, оправданием, или обоснованием, выделения всеобщих диалектических абстракций является, с точки зрения Коттена, необходимость фиксации переходов между качественно различными областями. Диалектика говорит о всеобщей связи явлений и тем самым — добавим от себя — выполняет интеграционную, мировоззренческую функцию. В этом отношении Ж.-П. Коттен, по-видимому, ближе к истине, чем Э. Балибар. Однако, подчеркивая «межрегио-

нальный» характер философских категорий, их ориентацию на «общетеоретические концепции» и на всю совокупность человеческого познания и практики, автор по существу оставляет нерешенным другой важный вопрос: каким образом при столь высоком уровне абстракции диалектические законы и категории могут эффективно использоваться и на всех других уровнях познания, вплоть до самого конкретного анализа конкретных ситуаций? Иначе говоря, какова связь всеобщего и частного? Автор предлагает некоторые подходы к решению этой проблемы, говоря, в частности, о том, что философские абстракции указывают для конкретных исследований некое «эпистемологическое основание», некое общее поле, в рамках которых они развиваются (см. с. 136—137). При этом он сближается с другой дискуссионной концепцией — Жана-Клода Мишеа[1]. Однако представление о философских абстракциях как о неких общих рамках плохо согласуется с утверждением об их «непустом», «неаристотелевском» характере, да и мало что дает для конкретных исследований.

К более конкретным вопросам нас опять возвращает следующая статья — на этот раз не к социальным, а к естественнонаучным вопросам. Ее автор Пьер Жегле не полемизирует специально с авторами других статей. Однако приводимый им конкретный материал как бы сам вступает с ними в полемику. Речь идет о категориях качества, количества и меры, о законах перехода количества в качество и отрицания отрицания, о том, как эти законы и категории проявляются в физике. Как мы видели выше, у Э. Балибара вопрос о диалектике природы остается открытым, а среди законов диалектики фигурирует фактически лишь закон единства и борьбы противоположностей. С другой стороны, Ж.-П. Коттен, концентрируя внимание на переходах и скачках, связывает их философское значение со взаимоотношением качественно различных областей действительности и, следовательно, различных наук. Со своей стороны П. Жегле показывает действие указанных законов и категорий внутри одной определенной науки, связывая их при этом с понятиями обратимости и необратимости, сохранения и инвариантности.

Автор дает интересный анализ взаимосвязи закона сохранения и превращения энергии с законами диалекти-

[1] См.: Sur le statut du matérialisme dialectique. Paris, CERM, 1973.

ки — законом перехода количественных изменений в качественные и обратно и законом отрицания отрицания. Однако наибольший интерес данной статьи заключается, на наш взгляд, не в этой физической иллюстрации и конкретизации законов и категорий диалектики (аналогичный подход проводится и в книге Э. Бицакиса «Современная физика и диалектический материализм» (Париж, 1973), не говоря уже о многих работах советских авторов). Главный вопрос все-таки остается прежний: что дает собственно философский анализ категорий на высшем уровне абстракции для решения самых конкретных проблем науки и практики? И здесь П. Жегле высказывает весьма ценные соображения. Он обращается к истории — истории философии и истории физики — и показывает, что в этой истории имел место процесс расхождения и взаимного противопоставления категорий качества и количества. Начиная с Гегеля, этот процесс сменяется обратным движением — более или менее осознанным стремлением преодолеть это противопоставление (см. с. 149). Вот тут философия, очевидно, и может сказать свое слово — именно тогда, когда она подходит к категориям исторически и схватывает важнейшие тенденции в развитии научного знания. Собственно, так поступал и Ф. Энгельс в «Диалектике природы» и на это ориентирует философов-марксистов В. И. Ленин, говоря в «Философских тетрадях» о необходимости диалектического осмысления всей истории человеческого познания. Можно также сказать, что теперь становится более ясным понятие «квинтэссенции» процесса научного познания, использованное Ж.-П. Коттеном.

С новой стороны к дискуссионным проблемам диалектики подходит в своей статье Жорж Лабика. Рассматривая вопрос об отношении Маркса, Энгельса и Ленина к Гегелю, он предпринимает скрупулезный анализ текстов и приходит в результате к довольно любопытным выводам, касающимся соотношения материализма и диалектики. Интересен сам метод текстологического анализа, при котором сопоставление текстов классиков показывает не только преемственность, но и определенное отличие, которое может показаться несущественным, однако дает повод поставить серьезные проблемы.

Ж. Лабика сравнивает прежде всего работу В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» и работу Ф. Энгельса «Анти-Дюринг».

Как известно, В. И. Ленин опирается здесь на Ф. Энгельса, опровергая нападки Михайловского, отождествившего марксистскую диалектику с гегелевской. Однако, как показывает Ж. Лабика, «критика Михайловского Лениным не повторяет критики Дюринга Энгельсом», поскольку «Энгельс, выступая против Дюринга, устанавливает обоснованность гегелевской диалектики», а «Ленин, выступая против Михайловского, устанавливает научность марксистского материализма» (с. 179). Можно было бы подумать, что дело здесь просто в акцентировании разных сторон проблемы, связанном с разными историческими условиями, в которых действовали Энгельс и Ленин. Такое объяснение не удовлетворяет автора, и он продолжает свой анализ, обращаясь к последующим трудам В. И. Ленина.

По ходу дела Ж. Лабика подвергает справедливой и обоснованной критике Р. Гароди, который, фальсифицировав философское наследие Ленина, утверждал, что Ленин в работах, написанных до «Философских тетрадей», материалистическую диалектику понимал как простую теорию эволюции и вообще целиком и полностью стоял на позициях Каутского и Плеханова и поэтому ничего нового не внес в марксистскую философию. «Нет философского вклада Ленина, — пишет Гароди, — не только по отношению к Марксу и Энгельсу, но и по отношению к Каутскому и Плеханову»[1].

Критикуя эти рассуждения Гароди, Ж. Лабика отмечает, что, во-первых, Каутский и Плеханов сыграли известную роль в рабочем движении и в развитии марксистской теории и Ленин высоко ценил их теоретическую и политическую деятельность, пока они не перешли на позиции оппортунизма. Во-вторых, Ленин с самого начала своей революционной и теоретической работы твердо стоял на позициях Маркса и Энгельса. Уже в своих первых теоретических трудах, продолжает Ж. Лабика, Ленин разрабатывает вопросы материалистической диалектики, опираясь на работы Маркса и Энгельса. Так, в книге «Шаг вперед, два шага назад» (1904), которую Гароди даже не упоминает, Ленин много внимания уделяет проблемам материалистической диалектики. Он считает основным положением диалектики конкретность истины. «Определяя *сущность* («основное положение») диалектики словами «отвлеченной

[1] Garaudy R. Lénine. Paris, 1968, p. 19.

истины нет, истина всегда конкретна», Ленин характеризует не что иное, как свое собственное правило работы» (с. 192). В этой же книге, подчеркивает Ж. Лабика, Ленин дает образцы диалектического анализа конкретной ситуации, сложившейся внутри партии. Он показывает, что развитие идет диалектическим путем, путем противоречий. Поэтому обвинения со стороны Гароди в эволюционизме и механицизме абсолютно необоснованны. Ленин, будучи материалистом, является одновременно и с самого начала диалектиком.

Большое значение в своей статье придает Ж. Лабика изучению классической философской работы В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Основной задачей этой работы, пишет Ж. Лабика, является защита материализма как фундамента всякого научного познания. Разумеется, речь идет о диалектическом и историческом материализме как законченной, последовательной форме материализма. Истинность последовательного материализма, т. е. философии марксизма, Ленин доказывает путем сравнения с формами «непоследовательного» материализма. Ленин, по мысли автора, разработал типологию форм этого непоследовательного материализма (см. с. 197—198). Особого внимания заслуживает рассмотрение в статье философских категорий. В работе В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» автор выделяет гносеологические и эпистемологические категории. К первым он относит категории практики, материи и отражения, ко вторым — категории причины, пространства, времени, движения, необходимости, случайности и т. д. (см. с. 215—216). В то же время и те и другие являются философскими категориями и, значит, в определенном смысле «абсолютными». Сами по себе они лишены конкретного содержания и ограничиваются лишь указанием на объективную реальность, которой так или иначе соответствует конкретное содержание, идущее из конкретных наук. Поэтому Ж. Лабика предлагает называть их категориями-указателями (этот термин был предложен еще в его докладе на коллоквиуме «Ленин и научная практика»). Как таковые, все они — категории материализма и служат для философского обоснования научного знания. Таков еще один вариант решения вопроса о статусе философских абстракций.

Но это не все. Мы видели, что Ж. Лабика не делит категории на «материалистические» и «диалектические»,

а относит все категории «по ведомству» материализма. А как же обстоит дело с диалектикой? Диалектика, считает автор, совпадает с материализмом, входит в материализм, в последовательный материализм марксизма, ибо в том и состоит его последовательность, завершенность, что он включает в себя то, что прежний материализм объяснить не мог (историю, диалектику) и оставлял на долю идеализма. Такое понимание неразрывной связи диалектики с материализмом («указывающим» на объективную реальность, на практику, на конкретность) должно, по мысли автора, «предотвратить опасность изоляции диалектики» (с. 229), ведущую к схоластике или гегельянству. Ибо всеобщие философские абстракции все-таки нужны, но надо остерегаться превращения этих абстракций в некую завершенную догматическую систему.

Итак, Э. Балибар, Ж.-П. Коттен, П. Жегле, Ж. Лабика представили свои концепции статуса материалистической диалектики, свое понимание роли философских абстракций, их отношения к конкретной действительности. Этим, вообще говоря, не исчерпывается разнообразие точек зрения у французских марксистов. Особенно важно было бы учесть позиции Л. Альтюссера и Л. Сэва (последняя обстоятельно изложена в его книге «Введение в марксистскую философию»).

Но нам еще остается сказать о последней статье, стоящей в книге несколько особняком. В ней речь идет в основном о проблемах исторического материализма, диалектика же затрагивается только постольку, поскольку обсуждается вопрос о более гибком понимании общественной структуры. Автор этой статьи Жак Тексье критически анализирует некоторые теоретические положения, выдвинутые Л. Альтюссером и его последователями. Подчеркнем: анализируются именно некоторые положения, а не концепция в целом, которая отнюдь не сводится к этим положениям.

Начиная свой критический разбор, Ж. Тексье приводит две цитаты Э. Балибара и одну цитату Л. Альтюссера, которые представляются как выражающие одну и ту же мысль: определяющая роль экономики проявляется в том, что она выдвигает на первое место ту или иную общественную сферу — политику, идеологию, а иногда саму себя, и в результате фактически другая сфера играет определяю-

щую роль. Автор критикует эту идею как «переворачивающую» основное положение исторического материализма о детерминирующей роли экономики. Здесь, однако, необходимо сразу кое-что уточнить. Дело в том, что формулировки Балибара и Альтюссера не идентичны. Балибар несколько по-своему (и на наш взгляд, действительно неудачно, дав повод для критики) переосмыслил часть концепции Альтюссера. В концепции Альтюссера разграничиваются два понятия — детерминация (в конечном счете), которая всегда остается за экономикой, и доминирование, или выдвижение на первое место (временное), которое может меняться в зависимости от отношений, складывающихся в экономике. При этом ставится задача дать теоретическое объяснение этих изменений на основе анализа самой экономики (этот анализ можно было бы назвать структурным, но не структуралистским, — отличие от структурализма специально подчеркивается во 2-м издании (1968) коллективной работы «Читать «Капитал»»).

То, что здесь есть реальная проблема и поставленная задача отнюдь не надуманная, признает в своей статье и Жак Текье. И в дальнейшем он сам пытается двигаться в том же направлении. Однако его критика была бы более корректна, если бы он с самого начала учел модификацию, внесенную Балибаром в концепцию Альтюссера. Ведь Балибар в приведенных формулировках как раз снимает разграничение двух понятий и применяет вместо «доминирования» тот же термин «детерминация» (или определяющая роль). В результате возникает приравнивание двух типов отношений и становится действительно неясно, что же остается от детерминирующей роли экономики.

Внимательный читатель должен был заметить, что в последующем изложении автор статьи учитывает альтюссеровское разграничение понятий «детерминация» (по-русски также — обусловливание, определение) и «доминирование» (по-русски также — господство, главенство). Но с его точки зрения, это разграничение не оправдано. Экономика, считает Ж. Текье, и детерминирует и доминирует во всем историческом процессе. Что же касается выдвижения на первое место иногда политики, иногда идеологии (в частности, религии в средние века), то оно происходит в рамках надстройки. Это существенное соображение автор

представляет как противостоящее всей концепции Альтюссера. Но здесь опять необходимо уточнить. Дело в том, что это же самое соображение за несколько лет до написания данной статьи было выдвинуто не против Альтюссера, а от его имени его ученицей Мартой Арнекер в вышедшем на испанском языке (и с предисловием Альтюссера) учебнике «Основные понятия исторического материализма» (Мехико, 1969) [1].

В общем можно сказать, что, критикуя Альтюссера, автор представляет его концепцию несколько упрощенно и односторонне. Здесь надо было бы учесть многие другие стороны его концепции, в частности понятие «сверхдетерминации», играющее важнейшую роль в его понимании общественной диалектики, введение некоторых новых понятий при анализе способа производства и т. д. Лишь при таком целостном охвате концепции Альтюссера и с учетом также ее вариаций и ответвлений в работах его последователей (которые иногда идут в разные стороны и не могут отождествляться с самой концепцией) можно всерьез ее оценить и, сопоставляя с разработками других марксистов, выявить ее реальную эффективность.

Поэтому нам хотелось бы привлечь внимание не столько к критической, сколько к позитивной части статьи Жака Тексье. Здесь есть над чем подумать специалистам.

В заключение подчеркнем то общее, что прослеживается во всех, даже самых дискуссионных, разработках французских философов-марксистов, представленных в данной книге. Это стремление сделать марксистскую философию и прежде всего диалектику более эффективным орудием в конкретных исследованиях и непосредственно в практической деятельности коммунистов, борющихся за социалистическое преобразование французского общества. Именно потому, что социализм во Франции, как говорят коммунисты, «встал на повестку дня», оказывается жизненно необходимым схватить реальную, конкретную диалектику движения к социализму в современных условиях. Здесь перед философами и встала та теоретическая проблема, которая обозначается как проблема статуса марксистской диалектики, то есть главным образом проблема отношения всеобщих законов и категорий к многообразной, меняю-

[1] См.: Harnecker M. Los conceptos elementales del materialismo histórico. Mexico 1970, 5 ed., p. 79.

щейся действительности, требующей «конкретного анализа конкретных ситуаций». То, как французские марксисты решают эту и связанные с ней другие проблемы, думается, представляет немалый интерес и для советских философов.

И. Гобозов
М. Грецкий

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к французскому изданию *(Ги Бесс)* 5

Этьен Балибар. Еще раз о противоречии. Диалектика классовой борьбы и классовая борьба в диалектике 9

Ги Бесс. Диалектика и революция 54

Жан-Пьер Коттен. Можно ли «изолировать» диалектику? (законы, категории и общественная практика) 94

Пьер Жегле. Диалектика природы: о некоторых понятиях (качество, количество) 138

Жорж Лабика. Материализм и диалектика 167

Жак Текье. О детерминации в конечном счете (Маркс и/или Альтюссер) 228

И. А. Гобозов, М. Н. Грецкий. Послесловие 291

ФРАНЦУЗСКИЕ МАРКСИСТЫ О ДИАЛЕКТИКЕ

ИБ № 10144

Художник *И. В. Белякова*

Художественный редактор *Ю. А. Пылов*

Технический редактор *А. М. Токер*

Сдано в набор 5.11.81. Подписано в печать 27.04.82. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Условн. печ. л. 16,38. Уч.-изд. л. 16,20. Тираж 10 000 экз. Заказ № 2096. Цена 1 руб. 20 коп. Изд. № 33929.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, 119021, Зубовский бульвар, 17.

Московская типография № 11 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, 113105, Нагатинская, 1.